РИ
А16

РИ
А16

АБРАМКИН и А. ДЫМШИЦ

„НАЧАЛО“

МАРКСИСТСКИЙ
ЖУРНАЛ
ДЕВЯНОСТЫХ
ГОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТКАТОРЖАН
МОСКВА·1932

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
-И-
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ,
ДОКУМЕНТЫ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ
ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО
ПРОШЛОГО РОССИИ

1 9 3 2

№ 12 (LXXXIX)

МОСКВА

В. М. АБРАМКИН и А. Л. ДЫМШИЦ

РП
А16

„НАЧАЛО“

МАРКСИСТСКИЙ ЖУРНАЛ
ДЕВЯНОСТЫХ ГОДОВ

ОБ'ЕДИНЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. К. П.
182885

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Обложка работы худ. В. С. Резникова.

Ответственный редактор *А. П. Голубков*. Технический редактор *М. Ф. Точилин*. Сдана в набор 7/VIII – 32 г., подписана в печать 25/III—33 г. Формат бум. 62×94. Печ. л. 9¹/₄. Издат. № 55. Уполн. Главлита № В—30867. Тираж 2.000. Заказ № 4169. Центр. тип. НКВМ им. Клима Ворошилова. Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

134732.
Библиотека

ОТ АВТОРОВ

советской литературе вопрос о марксистской журнали-
, ее истории и связанных с нею проблемах до сих пор
тся вопросом мало исследованным.

Настоящая работа является одной из первых попыток
ой области. Положение подобных исследований всегда не-
ько (условно выражаясь) «двойственно»: с одной стороны,
д авторами непочатый край неиспользованного материала,
угой же — отсутствие сколько-нибудь подробно разработан-
в научной литературе моментов заставляет давать ряд про-
скорее в их постановке, нежели в окончательном разре-
ии. Отсюда же и вероятность в нашей работе отдельных
бок, недостаточно четких и завершенных формулировок,
ность некоторых оценок и дискуссионность второстепенных,
играющих решающей роли, положений. Мы подчеркиваем
южность срывов второстепенного характера, ибо хотим
думать, что основные и важнейшие положения книги не противо-
речат марксистско-ленинскому пониманию русского исторического
процесса.

Книжка о «Начале» вышла из исследовательского семинара по истории марксистской печати в России, основанного в 1929 г. Ленинградским научным обществом марксистов (общий план работ этого семинара см. в статье «Нужная работа», в № 17 «Журналиста» за 1929 г.), под руководством И. В. Егорова и А. Г. Фомина. Отдельные ее части читались нами в руководимой В. Е. Евгеньевым-Максимовым секции журналистики Института речевой культуры (ИРК), а глава, посвященная анализу социально-классовых предпосылок «блока» легальных марксистов с символистами (краткое извлечение из которой, составляю-

щее не более одной десятой самой главы, мы здесь публикуем в главе IV), — в отделе эпохи промышленного капитализма Института новой русской литературы (ИНЛИ) Академии наук СССР.

Всем перечисленным товарищам мы пользуемся случаем выразить нашу горячую признательность.

Особая благодарность Р. М. Плехановой и сотрудникам Дома Плеханова в Ленинграде за любезное предоставление ряда неопубликованных материалов из архивных фондов дома.

Октябрь 1931 г.

ВВЕДЕНИЕ

Имя Маркса еще с начала 70-х годов стало пользоваться заметным распространением в кругах русской читающей публики. Уже в 1872 году на русский язык был переведен «Капитал», и вокруг него сразу же разгорелась острая полемика. Русская либеральная пресса одной из первых откликнулась на проникновение идей К. Маркса в Россию. Бывший сотрудник некрасовского «Современника», в прошлом убежденный радикал и экономист-мальтузианец, Ю. Г. Жуковский, перешедший к 70-м годам в лоно либерально-буржуазного «Вестника Европы», выступил со статьей «Карл Маркс и его книга о капитале», в которой посредством цифровых данных пытался опрокинуть учение Маркса. Не менее резкая кампания против нарождавшегося марксизма была поднята на страницах народнических «Отечественных Записок» и в «Земле и Воле». Народники категорически отрицали возможность применения концепции К. Маркса к историческим судьбам русского народа, а их идейный лидер Н. К. Михайловский с заметным сожалением заговорил о «трагическом положении русских марксистов». Однако, с выходом экономического материализма в легальную печать в соболезнующем тоне оппонентов начинают появляться нотки негодования и ярости. История оказалась на стороне марксистов. После 1 марта 1881 г. начинается кризис революционного народничества. Расправа над народовольцами и закрытие (в 1884 г.) главной «литературной лаборатории» радикального народничества — журнала «Отечественные Записки» — явились завершением героической эпохи в жизни русской народнической интеллигенции. Один за другим сходят в могилу наиболее яркие представители народнической мысли: М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. З. Елисеев, Н. В. Шелгунов, Каронин-Петропавловский и другие.

Рассеянные в начале 80-х годов народнические элементы вскоре вновь сгруппировались вокруг Н. К. Михайловского и осели в журналах «Русское Богатство» и «Новое Слово». В номерах первом и втором «Русского Богатства» за 1894 год была напечатана статья Н. К. Михайловского из серии под общим

заголовком «Литература и жизнь», критикующая взгляды марксистов на русскую действительность [1].

Но старый народнический радикализм эпохи семидесятничества, пройдя через полосу реакции, оказался утраченным, совершенно выветрился. Новые народники — С. Кривенко, В. Воронцов, С. Южаков, Н. Карышев, Николай — он (Н. Ф. Даниельсон) и др. — всю свою литературную деятельность посвятили, главным образом, одному вопросу: доказать невозможность капиталистического развития в России, т. е., активной борьбе с марксизмом. В противовес выдвигаемому марксистами рабочему вопросу, народничество второго периода выделяет и подчеркивает общественное значение аграрного вопроса в России. Однако новые идеологи народничества далеко не всегда могли противопоставить ясным и четким формулировкам Маркса и его учеников в достаточной мере стройную и мотивированную схему. Народничество клонилось к упадку. Надорвав свои силы и исчерпав свои возможности в бесплодной борьбе, оно выродилось в проповедь малых дел и культурнического крохоборства, а марксизм сумел выйти из зачаточного состояния, нашел в себе силы для активной деятельности. «После того, как в статьях В. Воронцова и Н. Михайловского (1892—1893 гг.) марксизм был указан интеллигенции в качестве врага, написавшего на своем знамени разрыв с крестьянофильской традицией и примирение с капитализмом, с 1894 г. появляется ряд литературных произведений П. Б. Струве, М. Туган-Барановского и других молодых экономистов, посвященных анализу теоретических, социологических и экономических предпосылок народничества во всех его разновидностях и пропаганде исторического материализма в его применении к русской действительности» (Ю. Мартов-Цедербаум).

В 90-е годы война между народничеством и марксизмом приняла характер открытой и ожесточенной борьбы. Борьба эта развертывалась в чрезвычайно сгущенной общественно-политической обстановке и была почти всецело обусловлена быстрым ростом рабочего движения. Проникновение капитализма в хозяйственный уклад страны сделалось настолько явным, что даже Н. К. Михайловский не мог совершенно отрицать факт победы капитализма над «народным производством».

Одной из крупнейших побед марксизма, обеспечивших ему общественное признание, было появление марксистских периодических изданий. Уже с самого начала 90-х годов марксистское

---

[1] На эту статью Г. В. Плехановым был написан ответ. По неизвестным причинам статья Плеханова, подписанная псевдонимом «Н. Ходкевич», не попала в печать. В настоящее время она хранится в Доме Плеханова в Ленинграде.

слово начинает проникать на страницы легальной буржуазной прессы; в «Мире Божьем», «Образовании», «Научном Обозрении» появляются статьи первых русских марксистов.

В развернутом виде система марксизма в борьбе с народничеством была дана в работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они борются с социал-демократами», появившаяся в гектографированном виде в 1894 году.

В 1895 году вышел марксистский сборник «Материалы к характеристике народного хозяйства в России», со статьей В. И. Ленина (под псевдонимом «К. Тулин») «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», которую автор до появления ее в печати читал, как реферат, в марксистских кружках того времени.

В этом же году А. Н. Потресов (Старовер) издал в Петербурге книгу Г. В. Плеханова (Бельтова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», благодаря которой марксизм впервые входит в легальную литературу «во всей той полноте, в какой он мог быть выражен — не без помощи эзоповского языка» (Ю. Мартов). А в следующем, 1896 году вышла другая работа Г. В. Плеханова (Волгина) — «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)», посвященная анализу литературной продукции одного из народнических эпигонов. К этому же времени относится возникновение в 1896 году первого подлинно-марксистского органа, еженедельной газеты «Самарский Вестник». До того «Самарский Вестник» хотя и печатал отдельных марксистов: В. И. Ленина (Тулин), П. П. Маслова, Р. Гвоздева и др., но в качестве марксистского он стал восприниматься лишь после декабря 1896 года, т. е., после опубликования нового состава сотрудников (сюда вошли: Плеханов (Ушаков), Туган-Барановский, Струве, Маслов, Потресов, Невский и ряд других). Газета уделяла немало места полемике с народничеством. В. И. Ленин (за подписью «К. Т—ин) поместил статью «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии» (она вошла впоследствии в цикл статей под общим названием «Перлы народнического прожектерства»), в которой дал резкую оценку взглядам народника С. Южакова.

Однако «самарский период» русского марксизма продолжался недолго. По истечении пяти месяцев газета была приостановлена и вышла вновь уже с новыми сотрудниками—не марксистами. «Самарский Вестник», как свидетельствует ряд мемуаристов, успел завоевать широкого читателя. «На «Самарский Вестник» подписывались из Нью-Йорка, из Австралии, Варшавы, Владивостока... а в Петербурге, повидимому, было уже достаточно много рабочих, и газеты зачитывались до дыр, пока не превращались в клочья», — вспоминает П. Маслов. С завершением

«самарского периода» марксизм стал выходить из провинциальной в столичную прессу. В начале 1897 года в народническом журнале «Новое Слово» происходит смена редакции и сотрудников. Вместо С. Кривенко, Я. Абрамова, Л. Оболенского, Даниельсона и др., в журнале появляются новые имена — В. И. Ленин, П. Б. Струве, А. М. Калмыкова, Г. В. Плеханов (Каменский), В. И. Засулич, Ю. О. Мартов; вместо статей В. В. (Воронцова), критикующих «экономический материализм на русской почве», печатаются работы Novus'a (П. Струве) и «Судьбы русской критики» Г. В. Плеханова.

Журнал «Новое Слово» просуществовал недолго, в том же 1897 году он был прекращен по постановлению четырех министров. Но, несмотря на то, что правительство и цензура всячески препятствовали проникновению марксизма в легальную прессу, вскоре после удушения «Нового Слова» появился новый марксистский орган — «Начало» (1899 г.). Журнал этот, продержавшийся также крайне недолго (всего лишь четыре месяца), идейно продолжал линию, начатую «Самарским Вестником» и «Новым Словом». Со страниц «Начала» все еще не угасавшая полемика с народниками перешла в журнал «Жизнь», а затем в основанные В. И. Лениным в начале 1900 года газету «Искра» и журнал «Заря».

Победа марксизма сделалась совершенно очевидной.

Одной из серьезнейших и далеко не до конца «раз'ясненных» проблем исторической литературы за последние пятьдесят лет является проблема социально-классовой и идейно-творческой взаимоборьбы народничества и марксизма. Если отбросить идеалистически-народническое толкование этого вопроса и перейти непосредственно к его интерпретации в лагере антинароднической критики, то здесь мы найдем две параллельно развивающиеся и взаимопротиворечащие концепции, в эмбриональном состоянии проявившиеся уже при рождении научного марксизма в России. Одна из них была высказана еще в 80-х годах прошлого века Г. В. Плехановым и развита им же совместно с рядом его идейно-политических соратников, заключая в себе в зародыше те элементы, из которых впоследствии вырос и развился русский меньшевизм.

Другая — и единственно марксистская. научно обоснованная концепция принадлежит В. И. Ленину и, будучи изложена им еще в его первой печатной работе, отстаивалась им на протяжении всей его творческой деятельности, сделавшись одним из ценнейших вкладов в железный фонд воинствующего большевизма — ленинизма.

Ленинский марксизм, или ортодоксальный марксизм эпохи империалистических войн и пролетарских революций, всегда ис-

ходил в своем анализе народничества прежде всего из историко-материалистических оснований.

Для революционных марксистов — и для В. И. Ленина в первую голову — народничество существовало исключительно как социально-исторически эволюционирующая, дифференцирующаяся и видоизменяющаяся классовая форма. Никогда не веря в народнический социализм, как в невольную интеллигентскую утопию, как в случайное заблуждение, никогда не соглашаясь с легальными марксистами и меньшевиками, считавшими политико-экономическую роль народничества реакционным вздором, а видя в народничестве закономерное воплощение «точки зрения и интересов мелкого производителя» (Ленин), в котором об'ективно по существу «нет ни грана социализма» (Ленин), революционный марксизм всегда рассматривал народничество согласно ленинскому учению о прусском и американском путях развития капитализма в пореформенной России (изложенному в «Аграрной программе социал-демократии»), как антикрепостническую революционность буржуазной крестьянской демократии в России (Ленин). Крестьянский, а позднее «мещанский» социализм народников, их теория общинного развития России, способного якобы, минуя капиталистический путь, притти к социализму, всегда квалифицировались революционным марксизмом, как реакционная утопия.

Революционный марксизм видел об'ективно-революционное значение народничества на начальных этапах его развития в его борьбе с пережитками феодально-дворянского уклада и дожившими в экономике страны корнями крепостничества.

Еще в 1894 г. Ленин, характеризуя идеологию мелкой буржуазии, интересы которой представляло народничество, писал:

«Он (класс мелкой буржуазии) является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е., борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении». И далее Ленин подчеркивает, что «эти две стороны мелкой буржуазной программы следует строго различать и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий, борясь против их реакционных сторон, не следует забывать об их демократической части»[1].

Эту же точку зрения на народничество Ленин проводил и в своей, написанной несколько позднее, работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

---

[1] См. Собр. соч. Ленина, изд. 3-е, т. I, стр. 184.

Но соответственно его (народничества) об'ективной сущности и роли на разных этапах экономического развития страны, революционный марксизм по-разному оценивал народничество, усваивая на разных ступенях его эволюции иную относительно него тактику. Марксистско-ленинская историческая наука, как уже сказано выше, не знает в качестве об'екта анализа единого народнического потока, а различает три глубоко различные друг от друга фазы в его деятельности. В основном они сводятся к следующим: 1) народничество пореформенного периода, т. е., периода ломки феодально-крепостнических устоев и их победоносного вытеснения буржуазно-капиталистическим способом производства; 2) народничество эпохи буржуазной революции и 3) народничество эпохи социалистической революции и заложения фундамента социализма. При этом, условившись обозначать народничество эпохи буржуазной революции и революции социалистической термином «неонародничество» (или «эсеровщина», хотя первое понятие значительно шире по рамкам и в данном случае «точнее»), укажем, что между народничеством и неонародничеством существует глубокое и принципиальное различие. В. И. Ленин учил всегда четко разграничивать в народничестве первого периода и периода подготовки буржуазной революции два глубоко качественно-отличных поколения: народничество «старое» и народничество «новое».

«Старое» революционно-утопическое народничество сыграло положительную и об'ективно-прогрессивную роль благодаря тому, что «именно оно оформило идеологию крестьянства, как класса капиталистического общества, именно оно решительно и революционно выступило за уничтожение крепостничества в деревне, за свободу развития буржуазных отношений в сельском хозяйстве. Туманная... фразеология народничества по существу своему являлась лишь выражением прикрытой и действительно буржуазной, революционно-буржуазной сущности этого направления, боровшегося за наиболее прогрессивный а м е р и к а н с к и й [подчеркнуто автором] путь капиталистического развития сельского хозяйства...»[1]

Далеко не таким было «новое» народничество. В отличие от революционеров-семидесятников и «народовольцев», оно уже в значительной мере утратило живую связь с крестьянской массой, которую стремились находить «предки». Бурный темп капиталистического расслоения деревни, сопровождавшийся развалом общины и прошедший целиком через 90-е годы и далее, в

---

[1] М. В. Сулковский. «От столыпинской реакции к кондратьевской контр-революции. (Эволюция неонародников.)» в сб. Аграрного института Коммунистической академии «Кондратьевщина». Изд. Ком. академии, М., 1930, стр. 87.

начале XX столетия сильно расшатал социально-классовую базу народничества. Одна и та же идеология решительно меняет свой облик в зависимости от экономической кон'юнктуры и от исторической ситуации. Народничество, как боевая, в условиях медленного развертывания капитализма в 70—80-х годах прошлого века, идеология крестьянства сохраняет к 90-м годам, т. е.. к периоду исключительного по своей интенсивности роста капиталистических элементов, ложную концепцию утопического социализма, разбиваемую самой социально-экономической действительностью, а былую революционность крестьянской демократии разменивает на культурничество и проповедь «малых дел».

Но об этом всего лучше у В. И. Ленина: «я отличаю старое и современное народничество на том основании, что это была до некоторой степени стройная доктрина, сложившаяся в эпоху.... когда мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопия, когда народники резко сторонились либерального «общества» и «шли в народ». Теперь не то: капиталистический путь развития России никем уже не отрицается. разложение деревни бесспорный факт. От стройной доктрины народничества с детской верой в «общину» остались одни лохмотья... Вот эта-то перемена и заставляет отличать идеологию крестьянства от идеологии мелкой буржуазии» [1]. В. И. Ленин в своем расчленении народничества целиком исходит из гениального прогноза первоучителей марксизма, К. Маркса и Ф. Энгельса, в своем «Коммунистическом манифесте» писавших, что «значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. В той же самой степени, в какой развивается и принимает более определенный характер борьба классов, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастическое стремление возвыситься над нею, это фантастически отрицательное к ней отношение. Поэтому, если основатели этих систем были во многих отношениях революционерами, то их ученики образуют всегда реакционные секты. Они неизменно держатся образа мыслей своих учителей, игнорируя весь дальнейший ход развития пролетариата» [2]. Именно так близорукое относительно хода развития экономической действительности народничество второго призыва все еще говорило о прогрессе и в догматической форме мыслило себя хранителем и носителем «великих традиций».

Идейно-политическое представительство революционного крестьянства пореформенной эпохи передало свою историческую

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. II, изд. 2-е, стр. 62.
[2] «Коммунистический манифест», изд. 5-е. Гиз, 1928, стр. 93.

эстафету идеологии мелкобуржуазного крестьянства, уже носившего в своей сущности зародыши позднейшего неонародничества. Что же касается неонародничества, то оно, несмотря на свою на первых порах ультра-«левую» внешность (эсеровский терроризм или, как его называли в марксистских кругах начала века, «либерал-бомбизм»), ко времени столыпинщины окончательно стабилизовался, как отражение точки зрения обуржуазивающегося мелкого собственника, как реакционная идеология кулацкой верхушки крестьянства.

Далеко не такой, как ленинская, а кардинально ей противоречащей была позиция меньшевиков в отношении к проблеме народничества. Если ленинская точка зрения на всех этапах ее развития и во всех моментах ее применения служила сконденсированным выражением активной идеологии революционного пролетариата, то меньшевистская критика народничества с самого начала была воплощением мелкобуржуазных тенденций в социал-демократии.

Для всех меньшевиков, с теми или иными незначительными отклонениями, историческая «ошибка» народничества заключалась отнюдь не в его идейной мелкобуржуазности с вытекающей отсюда политической половинчатостью, а лежала главным образом в сфере неправильного и своеобразного понимания народниками проблемы социализма в России.

Эта насквозь неверная точка зрения всегда проскальзывала у Г. В. Плеханова, начиная со времени написания брошюры «Социализм и политическая борьба» и кончая последними годами его жизни.

Именно благодаря этому неумению нащупать «нерв» народнических утопий Плеханов и другие его единомышленники из числа ранних русских марксистов (П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов и др.) не могли дать и правильной, до конца марксистской, критики концепции социализма у народников, зачастую оказываясь в компромиссном относительно народников положении.

Так, критикуя народнический социализм, как проявление антикапиталистических тенденций русской интеллигенции, они, что называется, «попадали в тон» самим народническим идеологам, суб'ективно считавшим себя революционно-социалистическим авангардом «критически мыслящих личностей», направляющим свою деятельность к преграждению капиталистического развития страны, не понимая при этом, что об'ективный смысл народничества был глубоко отличен от его суб'ективных идеалов и устремлений и что его борьба была борьбой против самодержавия и капитализма прусского типа за торжество его (капитализма) американского вида.

Именно поэтому совершенно правильна та оценка, которую дает в своей статье «Плеханов о социальной сущности народничества» т. В. Малаховский, когда он пишет, что, «несмотря на имеющиеся у Плеханова отдельные замечания об отражении народничеством интересов мелкобуржуазных слоев... нужно признать у него основным представление о народничестве, как идеологии и движении интеллигенции. Оно представляется Плеханову, как в первых его произведениях, так и в последующих, незрелыми попытками русской общественной мысли найти пути к осуществлению социализма» [1].

При этом следует отметить, что такая оценка отнюдь не снимает констатирования громадного об'ективного значения антинароднической критики в статьях и работах Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, Ю. О. Мартова, А. Н. Потресова и др., в последнее двадцатипятилетие прошлого века вступивших в борьбу против народничества. Эти имена мы упоминаем не с целью отрицания об'ективно-прогрессивной их роли на данном историческом этапе, а с тем, чтобы на ряду с усвоением и признанием этой последней вызвать критическое отношение к их «наследству», а главное отыскать затерявшиеся истоки и нити тех меньшевистских традиций в вопросе о народничестве, которые и посейчас еще живут в нашей исторической литературе.

Но, помимо изложенных расхождений в оценке народничества идеологами мелкой буржуазии (меньшевики) и идеологами пролетариата (большевики), обнаружившихся в явных формах в 900-х годах, — в последнее десятилетие XIX века существовало еще течение, получившее название «легального марксизма».

Легальный марксизм вступил в сферу общественной деятельности критикой суб'ективной социологии народничества, в которой он встретил поддержку со стороны революционной идеологии промышленного пролетариата — марксизма, возглавлявшегося в 90-х годах Лениным, Плехановым и представленного в России целым рядом организаций, групп и печатных документов, излагавших программу и тактику революционного марксизма в России. Однако об'единение марксистов — легальных и революционных — было само по себе чисто временной мерой, ибо если последние боролись с народничеством, а позднее с эсеровским движением против идеологии крестьянского социализма — за социализм пролетарский, то легальные марксисты, маскируясь социал-демократической фразеологией, вели борьбу исключительно за буржуазную демократию. «Это были, — говорит Ленин в сборнике «За двенадцать лет», — буржуазные демократы,

---

[1] В. Малаховский. Назв. статья в сб. «Маркс, Ленин и Плеханов о народничестве и «Народной Воле», М., 1931, стр. 63.

для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму... а к буржуазному либерализму». Все это довольно ясно показывает, насколько отличны были и по точкам исхода и по конечным целям две динамические системы: марксизм подлинный и псевдомарксизм.

Развиваясь в годы промышленного под'ема и роста массового рабочего движения, легальный марксизм получил возможность создать свою легальную прессу, благодаря наличию которой революционным марксистам удалось провести почти беспрепятственно (изредка в урезанном цензурою виде) ряд основных теоретических статей. «Ни для кого не тайна, — писал впоследствии Ленин, — что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена «союза»... Соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)» [1].

Временно блокируясь с легальными марксистами в 90-х годах, идеологи революционного пролетариата отлично понимали классовую сущность своего «союзника» и прекрасно учитывали, что «союзниками» они были лишь на определенном историческом участке, да еще к тому же разобщенными по всем основным мировоззренческим категориям (кроме отрицательного отношения к современной экономической ситуации страны и такой же оценки основ революционно-идеологического наследства их ничто не связывало, да и в этих случаях они исходили, разумеется, из классово-различных, из классово-противоположных позиций).

И недаром свой реферат, легший в основу книги «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», Ленин озаглавил «Отражение марксизма в буржуазной литературе». Это же определение легального марксизма Ленин повторяет и в предисловии к сборнику «За 12 лет»: «Легальный марксизм г. Струве (1894 г.) и ему подобных был отражением марксизма в буржуазной литературе» [2].

Уже самые ранние, наиболее «ортодоксальные» работы П. Струве вызывали критику со стороны главы революционного

---

[1] Собр. соч. Ленина, т. IV, стр. 373—374.
[2] Собр. соч. Ленина, т. XII, стр. 69.

НАЧАЛО

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ПОЛИТИКИ.

1809 г.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)
1809.

Титульный лист журнала

марксизма — В. И. Ленина. Признавая П. Струве «экономическим материалистом» (термин этот ни в 90-е годы ни позднее не совпадал по смыслу с понятием м а р к с и з м), Ленин сразу же уловил направленность работ Струве, расходясь с ним по ряду основных методологических пунктов. Стоит ли говорить о том, что, обращаясь к современному Западу, ища поддержки у западно-европейской науки, русские марксисты (марксисты легальные и марксисты революционные) того времени были разобщены по самой классовой сущности своей «обращенности». Ведь если П. Струве, вождь русского легального марксизма, свою целеустремленность формулировал в лозунге: «так признаем же нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму», то Ленин критически перерабатывал взятую у Запада теорию социализма и практику пролетарских революций.

Обращаясь к западным образцам буржуазной государственности, П. Струве усвоил заодно основную идеологическую концепцию буржуазного Запада, все еще казавшегося революционным жупелом для русской абсолютистской государственности. Однако для революционных марксистов буржуазный радикализм раннего П. Струве был уже совершенно ясен в своей классовой сущности. И не даром Ленин так резко обрушился на П. Струве за его внеклассовую характеристику понятия социально-экономической категории государства, как правовой структуры, служащей средством классового равновесия. Одновременно Ленин подметил и вскрыл у Струве проступающие тенденции к ревизии марксизма, как идеологии революционного пролетариата, тенденции, шедшие при этом по пути суб'ективно-идеалистической буржуазной науки, обособлявшей философскую доктрину от общественной жизни и ставившей ее на пьедестал автономной «науки наук», могущей диктовать свои законы любой общественно-экономической теории. «Мы не можем не признать, — писал П. Струве, подходя к ревизии марксизма, — что ч и с т о ф и л о с о ф с к о е о б о с н о в а н и е этого учения еще не дано и что оно еще не справилось с тем огромным конкретным материалом, который представляет всемирная история. Нужен, очевидно, пересмотр фактов с точки зрения новой теории; нужна критика теории на фактах. Быть может, многие односторонности и слишком поспешные обобщения будут оставлены».

И тогда же Ленин отвечал ему в следующих словах: «не совсем ясно, что разумеет автор под «чисто философским обоснованием». С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки» [1].

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. I, стр. 356.

Давая в своей статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» исчерпывающий анализ легального марксизма, Ленин подвел следующий итог рассуждениям П. Струве.

«Основная черта рассуждений автора, отмеченная с самого начала, это его узкий об'ективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма, — об'ективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс» [1].

Таким образом, легальный марксизм, как общественная категория, сразу же сумел создать свою идеологию, стремившуюся на практике затушевать классовую работу. Впрочем, легальные марксисты готовы были признать в абстракции и самую борьбу классов. Но, как известно, одно лишь признание классовой борьбы, без соответствующих из нее выводов, еще не делает ни одну теорию пролетарски-революционной. Вот что пишет по поводу этого Ленин: «главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо. Кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще не выходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов, — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма» [2]. И действительно, диктатура пролетариата, как реальная политическая проблема, ни разу не выдвигалась ранним легальным марксизмом, а когда она предстала перед ним, то оказалось, что никакого марксизма по сути дела в нем нет, а что есть легальная буржуазность, стремящаяся все классовые противоречия свести в едином понятии буржуазной государственности с ее лозунгом классового равновесия.

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. IV, стр. 290.
[2] «За двенадцать лет». Гиз. 1925, стр. 91.

Временно завуалированная буржуазность легального марксизма не могла долго скрываться, и поэтому кратковременному «блоку» его с революционным марксизмом было суждено весьма скоро распасться. Причина коренилась в отношении к классическому наследству Маркса и к современным документам марксистской ортодоксии, которые все чаще и чаще стали подвергаться ревизии со стороны легальных марксистов. Критическим скепсисом были встречены работы Ленина и Плеханова, за приверженность к германской теории марксизма заслуживших название догматиков, а лучшая из книг Карла Каутского — «Аграрный вопрос», высоко ценимая Лениным, — грубо и свысока третировалась русским легальным «критиком» С. Н. Булгаковым (об этом подробнее см. ниже, стр. 68—72). Зато весьма сочувственно был встречен П. Струве и его адептами бернштейнианский ревизионизм и произведения австрийской школы ревизионистов. Волна критицизма очень быстро захватила ряды русского легального марксизма, проникнув во все основные области науки, начиная от политической экономии и кончая философией (любопытно кстати, что первые «покушения» на основной принцип марксистской науки — на диалектический материализм — со стороны некоторых легальных марксистов относятся еще к концу 90-х годов, т. е., к тому времени, когда линия разрыва еще намечалась далеко не выпукло). Характерно и то, что, продолжая яростную борьбу с эпигонами народничества, т. е., воюя с внешне наиболее левой и волюнтаристически настроенной мелкой буржуазией, легальные марксисты очень пассивно «боролись» с дворянским самодержавием, преимущественно намекая ему в вежливой и почтительной форме на выгоды, вытекающие из его движения в сторону возможного «прусского» перерождения. Классическая формула буржуазного реформизма — «цель ничто, движение все» — сделалась лозунгом всего «критического» течения.

Давая характеристику легальному марксизму, Ленин впоследствии писал:

«В чем состоит «новое» направление, которое «критически» относится к «старому, догматическому» марксизму, это с достаточной определенностью сказал Бернштейн и показал Мильеран. Социал-демократия должна из партии социальной революции превратиться в демократическую партию социальных реформ. Это политическое требование Бернштейн обставил целой батареей довольно стройно согласованных «новых» аргументов и соображений. Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; об'являлось несостоятельным самое понятие о

«конечной цели» и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась теория классовой борьбы, не приложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и так далее» [1].

Словом, временный блок (легальных и революционных марксистов) распался, как только революционные марксисты, доказав неизбежность капитализма для русской экономики, стали одновременно обосновывать и его историческую обреченность и начали руководить развертывавшимся революционным движением пролетариата.

---

[1] В. И. Ленин. «За двенадцать лет», стр. 29.

ГЛАВА I

В январе 1899 года в петербургской периодической печати появляются первые об'явления об издании нового журнала «Начало». Кое-где в газетах уже делаются намеки на характер и направление будущего издания: «Начало» — явится органом экономического материализма».

Официально редактором-издательницей журнала числилась Анна Александровна Воейкова, дворянка, владевшая поместьем в Тамбовской губернии. Деятельность Воейковой и ее характеристика остаются до сих пор почти невыясненными. Скорее всего она являлась одним из подставных лиц, каких немало было среди редакторов прогрессивных журналов. Идейная роль ее в руководстве журналом была, по словам мемуаристов, равна нулю. «Г-жа Воейкова, дама с выцветшим лицом и тусклыми глазами», вспоминает о ней Л. Клейнборт [1]. И это почти все, что дошло до нас относительно личности этого «редактора-издательницы».

Итак, несмотря на заранее заявленный характер издания, журнал, казалось бы, не обратил на себя сугубого внимания цензуры.

Каковы же были подлинные побуждения, заставившие власти дать согласие на издание журнала со столь широкой общественной программой, как это было у «Начала»?

Исследования последних лет вскрыли цели, которыми руководился утверждавший программу журнала министр внутренних дел И. Л. Горемыкин. Причина состояла в том, что за спиною А. А. Воейковой действовала другая фигура. Журнал «Начало» был организован на средства гражданского мужа А. А. Воейковой, сотрудника охранного отделения — Михаила Ивановича Гуровича, еще не разоблаченного тогда провокатора. Истории провокатора Гуровича можно было бы посвятить целое исследование, настолько примечательной личностью он был. Но для настоящей работы мы ограничимся лишь несколькими выдержками

---

[1] Л. М. Клейнборт. «М. И. Гурович-Харьковцев». «Былое», 1921, № 16.

из мемуаров, освещающими общественную и моральную его фигуру на разных этапах деятельности. В начале 1889 года фармацевт из Москвы Моисей Гурович был сослан в Вилюйск вместе с В. Я. Богучарским-Яковлевым. В ссылке Гуровича звали «франтом» [1]. Известный писатель, принимавший участие в революционном движении восьмидесятых годов, В. Богучарский сошелся в Вилюйске с «франтом» и в дальнейшем, не подозревая о той роли, которую играл Гурович, содействовал ряду его начинаний. Богучарскому же обязан Гурович теми связями, которые ему удалось наладить с кружком марксистов. Впоследствии «Яковлев не мог не признать, что провокатор Гурович лежит большим бременем на его политической совести» [2].

«Харьковцев-Гурович [3],—пишет Л. Клейнборт,—не был провокатором типа Дегаева или Азефа, Малиновского или Геккельмана-Ландезена. Тайн от жандармов у него не было. Без ведома и согласия розыскного учреждения, в котором протекала его работа, он не предпринимал никаких дел, не претендуя ни на какие «секретные» выступления, пользуясь лишь всяким случаем, чтобы получить от охранки побольше денег.

Как известно, делились «сотрудники» на две категории: осведомителей и провокаторов. Гурович опять-таки не брезгал ни той ни другой работой, как выясняют его письменные донесения. Участвуя в нелегальных и полулегальных кружках того времени, он давал обстоятельные сведения об их личном составе, организации, методах борьбы, принимавшихся в тот или иной момент, о ближайших планах этих организаций, особенно оппозиционных, где он обеспечил себе солидные связи. В редакции, в Комитете грамотности, в Союзе писателей он был свой человек. И он не только писал обзоры для департамента полиции, составлял диаграммы, рисующие ту или иную организацию со всеми ее членами и связями, представлявшиеся руководителям политического розыска столь ценными, что фортуна (в образе офицера в жандармском мундире) ни разу не обернулась против него. Это не мешало ему вместе с тем не брезгать и передачей таких мелких сведений, которые доставляют лишь простые осведомители» [4].

Когда в 1899 году Гурович приступил к изданию «Начала», некоторые литераторы уже не имели к нему полного доверия. На Дмитрия Сверчкова, еще не подозревавшего в нем охранника,

---

[1] Саратовец (И. И. Майнов). «На закате народничества». «Былое», 1917, № 5—6, стр. 50—51.

[2] В. Кранихфельд. «В. Яковлев-Богучарский». «Былое», 1917, № 1 (23), стр. 251.

[3] Харьковцев — кличка, под которой Гурович значился в охранном отделении.

[4] Л. М. Клейнборт. «М. И. Гурович-Харьковцев». «Былое», 1921, № 16.

все же производил странное впечатление ряд обстоятельств личной жизни Гуровича: «он вел биржевую игру, среди его знакомых были какие-то сомнительные личности» [1].

Другие литераторы с еще большей определенностью относились к Гуровичу. «Гурович сразу же произвел на меня отвратительное впечатление», — пишет В. Кранихфельд [2]. «Лицо у него было примечательно-отталкивающее. Широкая, алебастровая маска с темными стеклами вместо глаз, как будто приклеенные блестящие черные волосы, гладко зачесанные назад, и такая же блестящая черная борода. Мне он показался поддельным и крашеным. И мое первое впечатление было правильным... впоследствии выяснилось, что натуральный цвет волос сего блестящего мужа был ярко-рыжий», — вспоминает о нем издатель «Жизни» В. А. Поссе [3].

Но тем не менее группа видных легальных марксистов-вожаков: П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, А. М. Калмыкова, В. Я. Богучарский и др. — создала редакцию и привлекла сотрудников «Начала», взяв на себя его фактическое редактирование.

Легальные марксисты, уже более года не имевшие своего печатного органа, сразу же с большим жаром принялись за организацию толстого журнала. В своем письме к М. И. Ульяновой от 24 января 1899 г. Н. К. Крупская между прочим сообщала: «с последней почты я получила письмо от жены écrivain'a. Письмо полно ликования. Разрешили новый журнал «Начало», разрешили совершенно неожиданно, возня и суета у них идет там теперь страшная. Читая письмо, так и чувствуешь, как там жизнь кипит» [écrivain — П. Б. Струве. — *А.* и *Д.*] [4].

В свою очередь охранка не поскупилась на средства, стремясь приставить к литераторам-марксистам своего агента. «Неожиданное разрешение на этот журнал было дано провокатору М. Гуровичу для того, чтобы иметь под рукой постоянный узловой пункт наблюдения социал-демократического движения в его легальных и нелегальных формах», — так определяет Ю. Мартов [5] роль Гуровича в создании «Начала». Но, согласно показаниям мемуаристов, он был человеком достаточно невежественным, слабо разбирался в вопросах экономики, твердой политической позиции не занимал, везде старался соблюсти личную выгоду и уж конечно не был заинтересован в судьбах идейного движения. Помимо того, с точки зрения охранки, он блистательно прова-

---

[1] Д. Сверчков. «На заре революции». Гиз, 1926.
[2] В. Кранихфельд. Назв. соч.
[3] В. А. Поссе. «Мой жизненный путь». Зиф, 1929.
[4] См. В. И. Ленин. «Письма к родным (1894—1919)». Гиз, 1931. стр. 176.
[5] Ю. Мартов. «Записки социал-демократа».

лил возложенную на него миссию. Вместо того, чтобы отыскать нити государственной важности заговора, Гурович, работа которого в охранке была известна кому следует в Главном управлении по делам печати, некоторое время отвлекал внимание этого ведомства от журнала, что дало возможность группе марксистов провести на первых порах почти беспрепятственно ряд своих основных работ.

При этом надлежит запомнить, что, несмотря на распространенное среди историков журналистики и мемуаристов ложное представление, журнал «Начало» никогда не издавался исключительно на средства Гуровича, полученные им от охранки. Он, как равноправный пайщик издания, только вносил свою долю в денежный фонд журнала, о чем свидетельствует ряд документальных данных.

Мы знаем, что даже в широких слоях русского общества «Начало», возбуждавшее яркий интерес в конце XIX века, не позабылось и с наступлением нового столетия. Название журнала «Начало» непрерывно мелькает на страницах повременной печати 90-х годов, вызывая в памяти читателей воспоминания, неизменно связанные с историческим кризисом марксистской мысли конца 90-х годов, разрешившимся созданием и укреплением идейной базы революционного марксизма. В 1909 году история журнала «Начало» вновь всплывает на поверхность общественной жизни. На этот раз журнал вспоминают в связи с делом Азефа, взбудоражившим все общественные слои и вызвавшим горячий интерес у русской прессы всех цветов и оттенков. Сенсационное дело Азефа заставило газеты заговорить и о ряде других провокаторов, частично преданных полному забвению. Таким образом и было извлечено из тьмы имя Гуровича, рядом с которым неизменно фигурировала история журнала «Начало».

Кампания против Гуровича была поднята по инициативе «Нового Времени», доказывавшего в громадных статьях М. О. Меньшикова, что провокация на Руси есть дело рук евреев. Для юдофобствующего органа А. С. Суворина, пытавшегося раздуть процесс Азефа в антисемитскую демонстрацию, как нельзя лучше поэтому было обратиться к имени другого еврея, также опозоренного кличкой «охранника». Поэтому в «инициативной кампании», начатой «Новым Временем» против Гуровича, непрестанно подчеркивалась его былая принадлежность к еврейству. В заметках, посвященных Гуровичу «Новым Временем» [1], говорилось между прочим и об его роли в истории «Начала». «Вы говорите о провокации. Для всех лиц, соприкасавшихся с революцией, памятна история одного прогрессивного журнала, в ко-

---

[1] См. номера газеты от 21 и 22 января 1909 г.

тором принимали участие русские марксисты, который, в конце концов, издавался на секретные суммы государственной полиции», — писало «Новое Время», решившее пошантажировать заодно с провокатором-евреем и ненавистных марксистских деятелей.

Замечание «Нового Времени» было тотчас же подхвачено другим изданием, «Нашей Газетой», использовавшей его, однако, в совершенно иных целях.

Вот что писала «Наша Газета» в № 19, от 23 января 1909 г., в заметке под названием «Не совсем так», помещенной на первой газетной полосе:

«Среди разной смеси «Wahrheit und Dichtung» в «Новом Времени» находим такие строки: «для всех лиц, соприкасавшихся с революцией, памятна история одного прогрессивного журнала, в котором принимали участие русские марксисты, который, в конце концов, издавался на секретные суммы государственной полиции».

Для многих русских литераторов эта история, действительно, весьма «памятна». Речь идет, без сомнения, об издававшемся в 1899 году в Петербурге, под фактическим редакторством П. Б. Струве, журнале «Начало». Издательницей этого журнала была некая Воейкова, муж которой, Гурович, и оказался провокатором.

Это Wahrheit.

Ну, а далее дело обстоит уже не совсем так, как говорит «Новое Время», а вот как:

Журнал издавался на паях, и Гурович имел всего лишь один пай (роль Воейковой была вполне фиктивной). Хотя журнал и был разрешен правительством несомненно в целях иметь в среде литераторов своего «агента», тем не менее, должно быть, «вред» журнала для правительства перевесил ту «пользу», которую оно могло извлечь из него через провокатора Гуровича (в сущности, и следить-то в среде литераторов тогда было решительно не за чем, что и заставляло Гуровича... прибегать к действиям явно провокационного характера), и на майской книжке особое совещание из четырех министров постановило закрыть «Начало» навсегда. Пайщики стали подсчитывать убытки. Потребовали и от Гуровича взноса его пая, так как пай этот им не был еще внесен.

Но Гурович отказался внести свой пай, ссылаясь на то, что сумму эту он истратил при хлопотах на разрешение журнала и тому подобные вещи. Вследствие этого, строки «Нового Времени» о том, что «прогрессивный журнал» издавался на «секретные суммы государственной полиции», указывают либо на недостаточное знание этой «истории» газетой г. Суворина, либо... на

другое: как докладывал о материальной постановке издания «Начала» г. Гурович департаменту полиции, какие он представлял туда «счета», ведь никто из сотрудников «Начала» этого не знает и до настоящей минуты, а стало быть... стало быть, отказавшись внести в кассу журнала даже свой единственный пай, Гурович мог представить это дело департаменту полиции, как потребовавшее от него, Гуровича, значительных расходов, которые в таком случае, весьма вероятно, и могли быть ему «возмещены». Все это, конечно, очень и очень в «нравах» подобных молодцов. В случае надобности все пайщики «Начала», разделившие убытки от издания журнала м е ж д у с о б о ю, без сомнения, не откажутся назвать себя поименно.

Ведь это не секрет ни для кого».

Гуровича, попрежнему исполнявшего свои обязанности по политическому надзору и розыску, сильно обеспокоили газетные заметки. Отлично сознавая, что всякое разоблачение в печати секретных действий департамента полиции (в данном случае предание огласке того, что «Начало», хотя бы в какой-то части, «субсидировалось» охранкой) могло сильно отразиться на его служебной карьере, М. Гурович решил сразу же ликвидировать неприятный для него инцидент, пресечь его в корне, и поэтому поспешил пожаловаться начальству. 28 января 1909 г. он отправил на имя директора департамента полиции М. И. Трусевича письмо довольно кляузного содержания, в котором не преминул свести счеты с автором пововременской заметки.

«Ваше превосходительство, милостивый государь Максимилиан Иванович, — писал Гурович своему шефу, — позвольте обратить ваше внимание на то, что в целом ряде извращенных сведений, тенденциозно помещаемых в «Новом Времени» известным департаменту полиции Мануйловым, последний навязывает департаменту и издание марксистского журнала в России и за границей какого-то революционного «органа», издававшихся будто бы на секретные суммы департамента полиции.

Что касается п о д ц е н з у р н о г о журнала «Начало», издававшегося в 1898 г.[1] (просуществовал 4 месяца), то осведомленная в этом издании редакция «Нашей Газеты» поспешила о п р о в е р г н у т ь эту ложь, так как действительно на это издание департамент абсолютно н и ч е г о н е з а т р а т и л и в с е м о е у ч а с т и е в э т о м ж у р н а л е исчерпывалось внесенным залогом в цензурный комитет на это издание в размере 3-х тысяч, из своих с о б с т в е н н ы х с р е д с т в, каковые и получил обратно по прекращении издания. Но «Наша Газета» воспользовалась все же случаем высказать предположение, что я мог от себя представлять счета департаменту по этому изданию.

В департаменте полиции имеются указания относительно моего участия в упомянутом журнале, из чего вашему превосходительству не трудно бу-

[1] Гурович перепутал дату. Год издания журнала—1899.

дет убедиться в том, что я никаких счетов по этому изданию в департамент не представлял и ни копейки на него не получал. В этом могут лично удостоверить сенатор Сергей Эрастович Зволянский и д. с. с. Ратаев.

Выражая свое недоумение по поводу появления таких сведений на страницах «Нового Времени», помещаемых безнаказанно лицом, так или иначе причастным к департаменту полиции (этот суб'ект и посейчас выдает себя, — где это можно учесть, — за чиновника особых поручений при министре), я покорнейше прошу ваше превосходительство иметь в виду мое об'яснение по этому поводу, на случай возможного запроса в Думе, хотя бы и косвенно вызванного упомянутым сообщением в «Новом Времени». Примите мое уверение в глубоком уважении и преданности вашего покорного слуги.

М. Гурович»[1].

Письмо Гуровича вызвало ожидаемое им действие. Поднявшаяся было газетная кампания сразу затихла. А между тем трудно предположить, чтобы никто из социал-демократов или же лиц, бывших некогда причастными к «Началу», не откликнулся на призыв «Нашей Газеты» сообщить известные им сведения о денежном участии Гуровича. Просто, повидимому, давление департамента полиции оказалось настолько сильным, что газетам пришлось хранить молчание. А департамент полиции и через десять лет после смерти издания побоялся публичной огласки, ибо слишком сильно просчитались «охранители» на журнале «Начало».

При всем том не следует забывать, однако, что издание марксистского журнала могло представиться Гуровичу помимо организации узлового пункта слежки еще и коммерчески выгодным предприятием, ибо «никогда легальный марксизм не был так моден в так называемом «культурном обществе», как в конце 90-х годов прошлого века. Всевозможные ловкие предприниматели, подогретые общественным доверием, склонны были видеть в легальном марксизме доходную статью и умело спекулировали на нем». «В это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг», — писал В. И. Ленин[2].

«По рукам ходят карикатуры Каррика, изображающего марксистов в смешных позах, с глупыми отупевшими лицами: Кал-

---

[1] Цитируем письмо по журналу «Былое», 1917, № 5—6, стр. 287—288.

[2] «Ленинский сборник», I.

мыкова в виде богородицы с двумя младенцами на руках, Струве и Туганом; маленькие девочки с выглядывающими из-под юбок штанишками, читающие адрес на юбилее Михайловского, заявляющие свое собственное мнение о нем. Их охотно смотрят, иные со смехом, иные с негодованием, но тотчас же покрывают речь очередного марксистского оратора громом рукоплесканий.

Возражения ученых людей старой школы становятся все осмотрительней, все более робкими, сдержанными; некоторые из них, как, например, блестящий оратор и стилист, профессор политической экономии Исаев [1], предпочитают уже занять сочувствующую новому течению позицию» [2].

---

[1] Пользуемся случаем, чтобы привести любопытное письмо А. А. Исаева к Г. В. Плеханову, относящееся, правда, к несколько более раннему периоду, чем время выхода «Начала» (в письме говорится о расширенной рецензии-статье Nemo (С. Н. Булгакова) — «Простая речь о мудреных вещах. (А. А. Исаев. «Настоящее и будущее русского общественного хозяйства». С.-Петербург, 1896 г.)», — «Новое Слово», 1897, кн. 9, июнь. стр. 47—57, да и самое письмо содержит пометку — «Берлин, 2/14 августа 1897 г.), но дающее при этом интереснейший материал, показывающий, по каким идейным путям шла дальнейшая консолидация легальных марксистов и насколько сам легальный марксизм и его неофиты с самого начала были чужды единственно-пролетарской линии развития марксизма — марксизму революционному. «Нового Слова» не видел, — писал А. А. Исаев, — и не знаю, что содержит рецензия на мою книжку. Но удивляюсь, как это не найдется точек соприкосновения между мной и редакцией. Я охотно допускаю, что я нелепо выразил мои мысли в том или другом месте книжки, но решительно восстаю против причисления меня к восточникам. Я западник, и кто недоволен мною, пусть тот назовет меня неумелым, непоследовательным (пусть подберет даже эпитеты обидные), но непременно з а п а д н и к о м. Восток противен мне, под каким бы соусом его ни подавали. Я чувствую отвращение к трем китам, на которых стоит русская земля. Да и в мелочах предпочитаю Запад: протестантский и католический ритуал — греко-российскому, пиво — квасу, сюртук или даже фрак — кафтану, шоры — дужной запряжке. И прежде, много лет тому назад, меня смешили пространные рассуждения наших народников, а теперь они производят на меня впечатление то балаганного представления, то похоронного звона. Все «новые слова» раздадутся с Запада. Возможно и даже вероятно, что среди провозвестников «новых слов» будут русские люди, но лишь такие, которые черпают из западной науки, которые любят демократическое движение Запада и понимают, что всех нас оно призывает к новой и лучшей жизни» (письмо неопубликовано и хранится в Доме Плеханова в Ленинграде). Итак, как видим, неофит легального марксизма проф. А. А. Исаев сразу же воспринял типические черты русских легальных буржуа и экономических материалистов (типа П. Б. Струве, С. Н. Булгакова и ряда других), сходясь с ними по вопросам о критике народничества (которое для буржуазных социологов представлялось продуктом «восточной», славянофильской культуры) и об апологии западничества. Проблема Запада и Востока, славянофильства и западничества, глубоко-ложная и буржуазно-идеалистическая в своей основе, уже в 90-х годах занимала умы легальных марксистов, но выступала тогда еще не в таком откровенно реакционном (смыкавшимся с символистской трактовкой вопроса о панмонголизме) разрешении, как у будущих «освобожденцев» и «вехистов». В 90-х годах апология западничества еще

Буржуазно-либеральная пресса, еще не так давно с остервенением травившая марксизм и «марксят», смягчает свой резко полемический тон. Так, заметка о разрешении издавать «Начало», помещенная в «Курьере», написана с оттенком некоторой доброжелательности: «Большой общественный интерес представит, вероятно, новый журнал «Начало», только что разрешенный в Петербурге. Журнал является органом экономического материализма. Для первых книжек уже об'явлены следующие произведения: В. Вересаев, «Из летних встреч» (очерки); Н. Гарин (Михайловский), «Клотильда» (повесть); рассказ Анатоля Франса в перев. С. Ф. Ольденбурга; Р. Гвоздев, «Шаман» (рассказ) и др.; С. Ф. Ольденбург, «Есть ли буддизм религия пессимизма?»; В. Г. Михайловский, «Развитие русского земледелия в XIX веке»; В. А. Ионов, «Что такое «оскудение центра?»; А. Е. Лосицкий, «Неурожай 1898 года»; Л. А. Кириллов, «Неземледельческий отход крестьянского населения»; М. И. Туган-Барановский, «Споры о фабрике и капитализме (моим критикам)»; П. Б. Струве, «Основные моменты в развитии крепостного хозяйства в XIX веке в России»; П. П. Маслов, «Заработная плата и рента в русском земледелии»; Г. Зиммель, «Задача социологии», перев. Б. А. Кистяковского» [3].

Как уже выше указывалось, фактическими редакторами журнала были: Петр Бернгардович Струве, Михаил Иванович Туган-Барановский и Александра Михайловна Калмыкова. Близко к редакции стояли В. Я. Богучарский, П. П. Маслов и А. Н. Потресов. В силу различных обстоятельств наиболее активные марксисты ортодоксального «крыла» «были фактически отстранены» от непосредственного участия в журнале (провал петербургского «Союза борьбы» забросил главное ядро социал-демократических литераторов в ссылку) [4].

Беллетристический отдел находился почти всецело в ведении А. М. Калмыковой. На ней лежала обязанность переписываться с авторами, вербовать в журнал корифеев тогдашней литературы, но право окончательного решения оставалось за редакционным заседанием.

Наладить связи с литературным миром А. Калмыковой удалось довольно легко, так как, помимо теоретиков легального мар-

---

не выступала у легальных марксистов как завершенная позитивная теория агрессивного идеализма, а была критической системой, повернутой своим острием против ущербного народничества.

[2] С. Вржосек. «Жизнь и творчество В. Вересаева». Изд. «Прибой», Л., 1930.

[3] «Курьер», 1899, № 12, стр. 3, отдел «Хроника дня». Аналогичное об'явление о «Начале» было дано в газете «Русские Ведомости», 1899, № 14.

[4] В. В. Воровский (П. Орловский). «К истории марксизма в России». Гиз, М., 1919, стр. 34.

ксизма и легально-марксистских литературных критиков, тогда уже существовало в столице крепкое ядро беллетристов, проводивших в художественной форме тенденции экономического материализма. Сюда прежде всего следует отнести Евгения Николаевича Чирикова, Викентия Викентьевича Вересаева (Смидовича) и с некоторой оговоркой поэта Тана (Богораза). Большинство сотрудников перешло в «Начало» из запрещенного «Нового Слова», присоединились также некоторые «самарцы» (бывшие сотрудники марксистской газеты «Самарский Вестник»).

Среди других беллетристов Е. Н. Чириков уже давно стяжал к тому времени репутацию убежденного экономического материалиста. Литературная биография Чирикова теснейшим образом связана с ростом легальной марксистской печати в России. На заре русского легального марксизма Евгений Чириков работал во всех его изданиях: «Самарский Вестник», «Новое Слово» и др. Как беллетрист, Евгений Чириков в своих ранних произведениях был преимущественно бытописателем «марксистообразной» интеллигентской молодежи. Но в своих произведениях Евгений Чириков не следовал слепо распространенному в то время в буржуазной литературе натуралистическому канону, а строил свое повествование в виде иллюстрации к легально-марксистской публицистике, придавая своим вещам полемический оттенок. Так, в повести «Чужестранцы» он «записал» историю одной марксистской газеты, в «Инвалидах» много места уделил развенчиванию народнических теорий, художественной полемике с народничеством. Весьма ярко сказались сугубо антинароднические тенденции в памфлетном стихотворении под названием «Суд над марксистом», написанном в 1899 году [1].

Несколько сложнее, чем у Чирикова, была литературная эволюция В. Вересаева. Начав свою литературную карьеру в народнических журналах («Русское Богатство»), В. Вересаев в середине 90-х годов круто изменил своим прежним идеалам. Глубокий наблюдатель народной жизни, очеркист-бытовик, В. Вересаев не мог не видеть, познакомившись вплотную с трудовыми процессами деревни и города 90-х годов, закономерности экономического развития России. «Летом 1896 года, — пишет он в своей автобиографической справке, — вспыхнула знаменитая стачка ткачей, поразившая всех своей многочисленностью, выдержанностью и организованностью. Многих, кого не убеждала теория, убедила практика, в том числе и меня. Почуялась огромная, прочная сила, уверенно выступающая на арену русской истории. Я примкнул к литературному кружку марксистов (Струве, Туган-Барановский, Калмыкова, Богучарский, Неведомский,

---

[1] А. Дымшиц и В. Абрамкин. «Суд над марксистом. (Из истории раннего марксизма в России)» «Звезда», 1930, № 3, стр. 166—171.

Маслов и др.). Находился в близких и разнообразных отношениях с рабочими и революционной молодежью»[1]. Примкнув к группе легальных марксистов, Вересаев очень скоро сделался присяжным беллетристом в журналах легального марксизма, в частности в «Новом Слове», из которого, после его закрытия, перешел и в «Начало».

Первая книга журнала «Начало» вышла в свет и поступила в продажу в конце февраля 1899 года. На обложке журнала был дан перечень сотрудников: Б. Авилов, К. С. Баранцевич, С. Н. Булгаков, З. А. Венгерова, А. А. Вербицкая, проф. В. И. Вернадский, проф. К. А. Вернер, В. В. Вересаев, А. Э. Вормс, В. В. Водовозов, Н. Гарин (Н. Г. Михайловский), Р. Гвоздев, М. О. Гершензон, Д. Д. Гончаров, И. А. Гурвич, М. И. Гуровичч, В. Э. Ден, В. Ильин, В. А. Ионов, А. М. Калмыкова, Л. А. Кириллов, Л. Ф. Крживицкий, А. А. Корнилов, Б. А. Кистяковский, М. В. Крестовская, проф. Д. Н. Кудрявский, А. Е. Лосицкий[2], А. А. Луговой, Е. П. Леткова, П. П. Маслов, Д. С. Мережковский, В. Г. Михайловский[3], Н. К. Муравьев, А. А. Никонов, кн. В. А. Оболенский, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовский, И. Х. Озеров, проф. С. Ф. Ольденбург, О. Н. Попова, В. В. Португалов, Н. А. Рубакин, А. А. Санин, В. Л. Серошевский, П. Б. Струве, Е. В. Тарле, П. Ф. Теплов, В. Ф. Тотомианц, М. И. Туган-Барановский, С. Л. Франк, Ант. П. Чехов, Е. Н. Чириков, В. Я. Яковлев (В. Богучарский), А. И. Яроцкий и др.

Правда, В. А. Поссе пишет в своей мемуарной книге «Мой жизненный путь», что «ни Горький, ни Чехов, ни Чириков никакого участия в «Начале» не принимали и не числились его сотрудниками».

Но справедливость требует заметить, что если Поссе и передает дело с Горьким совершенно правильно, то относительно Чехова и Чирикова он несколько искажает факты. Как Чехов, так

---

[1] «Русская литература XX века», под ред. С. А. Вангерова, т. I, кн. 2, стр. 143.

[2] А. Е. Лосицкий — в прошлом народнический экономист. Его крутой поворот к марксистской трактовке аграрного вопроса вызвал резкое негодование в народническом лагере (см., напр., статью о нем А. Пешехонова — «Полемика «негодными средствами», — «Русское Богатство», 1899, № 2, стр. 100—111).

[3] В. Г. Михайловский — экономист-статистик, участвовавший еще с середины 90-х годов в литературно-журнальном движении марксизма. С. Н. Булгаков в письме к Г. В. Плеханову от 7 января 1899 г. пишет о нем следующее: «В. Г. Михайловский.... мой большой приятель и огромный статистический талант. Его статья была напечатана в посмертном № Н[ового] Сл[ова], и вы его получили бы... если бы не своеобразные этические понятия читающей публики, не только читающей, но, к сожалению, и зачитывающей» (письмо неопубликовано и хранится в Доме Плеханова в Ленинграде).

и Чириков были с самого начала об'явлены в числе постоянных сотрудников журнала (см. обложку книги) и, весьма вероятно, приняли бы деятельное участие в издании, при условии длительного его существования. Относительно первого из них известно, что когда В. А. Поссе и М. Горький, также заинтересованный в процветании «Жизни», письменно обратились к нему с просьбой дать что-нибудь для напечатания, то ему пришлось ответить отказом. «Что вы со мной делаете, — писал Чехов Максиму Горькому 19 января 1899 г. — Ваше письмо насчет «Жизни» и письмо Поссе прищло, когда уже я дал согласие, чтобы в «Начале» выставили мою фамилию. Была у меня М. И. Водовозова, пришло письмо от Струве, и я дал свое согласие, не колеблясь ни одной минуты. — Готового у меня нет ничего, что было, все уже роздано, что будет — уже обещано...» [1]. Впрочем, если бы даже и не было этого письма Чехова, то и тогда все же можно было бы с уверенностью говорить о его участии в «Начале», так как литературные нравы и представления о литературной этике были настолько тверды в прогрессивной журналистике 90-х годов, что исключалась всякая возможность рекламного анонса без предварительной договоренности.

Точно так же, повидимому, обстояло дело и с К. С. Баранцевичем, давшим свое согласие на сотрудничество, но в виду быстрой ликвидации журнала не успевшим в нем напечататься.

Вообще вопрос о творческих ресурсах и о художественных силах «Начала» мог бы быть прояснен до конца только в случае нахождения архива редакции, который, к сожалению, повидимому безвозвратно утрачен.

---

[1] А. П. Чехов. «Письма», т. IV, стр. 481.

Члены редакции и сотрудники «Начала»

Сидят слева направо: 1) В. А. Попов, 2) М. И. Водовозова, 3) М. Горький (с книжкой „Начало" в руках), 4) А. М. Калмыкова, 5) П. Б. Струве, 6) В. А. Поссе; стоят слева направо: *1) А. Е. Лосицкий, 2) В. В. Вересаев, 3) М. Н. Неведомский, 4) М. И. Турович (провокатор), 5) М. И. Туган-Барановский, 6) В. Я. Богучарский, 7) А. И. Ярошецкий, 8) В. Г. Богораз-Тан.*

ГЛАВА II

> Это было чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог даже поверить никто в 80-х и в начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, когда преследовались самомалейшие ростки политического недовольства и протеста, — внезапно выбивает себе дорогу в подцензурную литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех интересующихся понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь всякой направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него, — до тех пор прошло не мало (на наш русский счет) времени.
>
> Ленин о цензуре. «Что делать?»[1].

Так обстояло дело в середине 90-х годов, но далеко не такими были взаимоотношения цензоров с журналами легального марксизма к концу десятилетия.

Еще до создания «Начала» Воейкова, проживая в Москве, пыталась выхлопотать санкцию на издание ежедневной общественно-политической и литературной газеты «Телеграф». Однако добиться разрешения Воейковой не удалось. Дело Главного управления по делам печати о разрешении издавать журнал «Начало»[2] рассказывает одновременно и историю этой несуществившейся газеты. Хлопоты Воейковой в Москве не увенчались однако успехом. На дороге ей встретилась фигура московского генерал-губернатора, царского дяди, великого князя Сергея Александровича. Этот «сиятельный администратор», находя число периодических изданий и без того достаточным, поспешил отказать Воейковой, мотивируя запрет тем, что «лицам, неизвестным публицистической и литературной деятельностью, нельзя доверить издание».

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. IV, стр. 373.

[2] Дело № 86 1-го отделения канцелярии Главного управления по делам печати.

В Петербурге же А. А. Воейковой удалось гораздо проще добиться права на издание журнала. Разрешение на издание в Петербурге «научно-литературного и политического журнала без предварительной цензуры» [1], под названием «Начало», было легко выдано министерством внутренних дел, возглавлявшимся в то время И. Л. Горемыкиным.

Судьба издания была решена в девять суток. 10 декабря 1898 г. [2] А. А. Воейкова подала прошение в Главное управление по делам печати, а уже 19 декабря начальник управления известил ее телеграфно о рождении журнала. 4 января 1899 г. программа журнала была принята министром без каких-либо изменений. «Журнал «Начало», — значилось в об'явлениях, — будет выходить ежемесячными книгами до 30 печатных листов и содержать, кроме беллетристических произведений, очерков, стихотворений, научных статей по всем отраслям знания и статей публицистических, следующие постоянные отделы: 1) внутреннее обозрение, 2) обозрение провинциальной жизни и письма из провинции. 3) иностранное обозрение и письма из-за границы, 4) литературное и журнальное обозрение. В библиографическом отделе журнала будут печататься подписанные авторами рецензии на вновь выходящие книги». Но если уже и в кратком «анонсе» программа представляется по тем временам далеко не узкой, то программа, подписанная И. Л. Горемыкиным, была значительно шире. Вот она:

«1-й отдел: Статьи научные, финансовые, экономические, юридические, публицистические — оригинальные и переводные. Романы, повести, рассказы и стихотворения русских авторов и переводные. 2-й отдел: Статьи критические. 3-й отдел: Библиография, русская и переводная литература и беллетристика; критика и история литературы. История всеобщая. Социология. Естествознание. Отзывы о новых книгах, поступивших в редакцию. 4-й отдел: Научная хроника. Исследования, открытия, изобретения, путешествия и т. п. 5-й отдел: Из жизни провинции. Статьи по всем вопросам текущей внутренней жизни России. 6-й отдел: Письма из провинции. 7-й отдел: Письма из-за границы. 8-й отдел: Иностранное обозрение. 9-й отдел: Обозрение внутренней жизни. 10-й отдел: Обозрение русской и заграничной повременной печати. 11-й отдел: Новости иностранной литературы. 12-й отдел: Художественный отдел. 13-й отдел: Биографические очерки и некрологи. 14-й отдел: Письма в редакцию и ответы редакции. 15-й отдел: Разные разности. 16-й отдел: Книги, полученные для отзывов. 17-й отдел: Об'явления, приложение

---

[1] На обложке журнала стояло слово «бесцензурный», что означало точнее — «без предварительной цензуры», т. е., материал номера представлялся цензору не в рукописном виде, а уже отпечатанным и сверстанным.

[2] Здесь и дальше в статье в календарных датах старый стиль.

виде переводных романов и научных статей. Срок выхода — ежемесячный. Подписная цена за год без доставки и пересылки 9 рублей».

20 февраля 1899 г. в С.-Петербургский цензурный комитет была подана первая книга (за январь—февраль; содержала два номера).

Через два дня, 22 февраля, Комитетом было дано распоряжение о наложении ареста на все издание в количестве 3 512 экземпляров. «По мнению Комитета, выпуск в свет первой книжки журнала «Начало», хотя бы за исключением некоторых, наиболее резких статей, принесет значительный вред. Учение, в ней проводимое с бесцеремонною последовательностью, не есть научная теория, а социально-политическая, скорее даже социально-революционная доктрина, излагаемая притом догматически, как вероучение, с таким же не терпящим противоречий или компромиссов тоном. Откровенно высказанная в книге преемственная связь марксизма с разрушительной деятельностью наших политических отщепенцев 70-х годов дает зажигательный характер новому журналу. В виду сего Комитет признал, что означенная книга журнала «Начало» принадлежит к числу тех особенно вредных произведений, которые подлежат действию статьи 149-й Устава о цензуре и печати», — писал в своем донесении в Главное управление по делам печати, от 24 февраля, председатель Цензурного комитета кн. Н. Шаховской [1]. Основное зло заключалось, по мнению Цензурного комитета, в статье А. П. (Потресова) «О наследстве и наследниках», помещенной в отделе «Журнальные заметки». В этой статье как раз и была высказана возмутившая цензора мысль о «преемственной связи марксизма» с «деятельностью отщепенцев 70-х годов». Вообще момент наследования марксизмом навыков и традиций революционного семидесятничества, где бы он ни сказался, более всего пугал цензуру. Даже обложка журнала вызывала в памяти славное прошлое русского политического радикализма. «По обложке своей журнал напоминает прекращенные «Отечественные Записки», по содержанию — это орган так называемого русского марксизма. Марксизм является здесь самоуверенным, торжествующим, празднующим победу, требующим признания за своими последователями положения особого руководящего класса русской жизни» [2]. В заключение Цензурный комитет, наложивший арест на издание, потребовал от Главного управления по делам печати решительных мероприятий относительно журнала. Но голос Цензурного комитета остался «гласом вопиющего в пустыне», так как, как уже известно, судьбу журнала решало не Главное управление по делам печати, а ведомство совершени-

[1] Дело № 86 Гл. упр. по д. п. Донесение Ценз. ком. за № 435
[2] Там же.

иного свойства. 25 февраля Главное управление известило Цензурный комитет о том, что сам министр внутренних дел И. Л. Горемыкин приказал выпустить первую книгу «Начала», при условии из'ятия вышеназванной статьи А. Н. Потресова [1].

Таким образом, несмотря на резкие нападки цензуры, журналу все же было суждено появиться в свет, правда, уже без основной и ударной статьи номера.

Из'ятие статьи А. Н. Потресова сильно исказило основной замысел редакции, нарушило своеобразную семантическую композицию журнальной единицы. Журнал «Начало», как правило, строился во всех номерах по принципу выделения одной программной статьи, вокруг которой группировался весь остальной материал, таким образом как бы дополнявший, раз'яснявший на фактах, комментировавший центральную статью номера. Такой замысел мог быть частично осуществляем лишь благодаря тому, что «Начало» издавалось без предварительной цензуры.

Статья А. Н. Потресова «О наследстве и наследниках» расценивалась редакцией именно как центральная для первой книги. Это предположение подтверждается сообщением близкого к тогдашним литературно-марксистским кругам, впоследствии журналиста-меньшевика, Л. М. Клейнборта, сделанным в устной беседе с В. Е. Евгеньевым-Максимовым [2].

Планировка номера, задуманная редакцией, была отлично учтена цензурой, настаивавшей на из'ятии программно-полемической статьи А. Н. Потресова. Не видя иных средств борьбы с изданием Главное управление по делам печати также пыталось вырвать почву, на которой стоял весь номер, разбить журнальную конструкцию и вместо единого общественно-экономического отдела дать ряд разрозненных статей, лишенных общей связующей мысли.

Редакция, повидимому, предвидела возможность осложнений из-за статьи А. Н. Потресова и потому упрятала ее во вторую половину книги, в отдел «Журнальные заметки». Но и тут статья не скрылась от зоркого ока цензуры. Весь отдел был вырезан, при чем из'ятие статьи неминуемо должно было стать известным читателю, так как в поступивших в продажу экземплярах нормальная пагинация прерывалась на странице 139-й, а за ней следовала уже 168-я страница.

Итак, уже с первого же номера четко определилось строение журнала. Критик Р. И. Сементковский отмечал, что «в двойном номере журнала всего 636 страниц. Из них 255 отведены эко-

---

[1] Статья «О наследстве и наследниках», вырезанная из номера, была впоследствии перепечатана в книге А. Потресова (Старовера) «Этюды о русской интеллигенции». Сборник статей. Изд. Поповой, Спб., 1906.

[2] В. Евгеньев-Максимов. «Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века». Гиз, 1927, стр. 246.

номическим вопросам, что составляет с лишком 40%. Отсюда видно, какое громадное значение придает новый журнал экономической жизни нашего отечества, и в этом отношении он несомненно представляет нечто новое, потому что ни один общий журнал не отводил даже приблизительно столько места экономическим вопросам, как «Начало». Библиография журнала посвящена в значительной степени экономическим вопросам. То же можно сказать о внутреннем и иностранном обозрениях и корреспонденциях из разных русских городов»... «Новый журнал, следовательно, отводит столько места экономическим вопросам, что, собственно, его можно назвать специальным экономическим органом с некоторою примесью беллетристики, критики и истории. Ядро его во всяком случае экономическое, и поэтому нельзя составить себе ясного понятия о журнале, не вникнув в его экономические взгляды, тем более, что именно в этот отдел редакция вносит наибольше страстности и полемического задора»[1]. Такой характер издания сделал бы его строго специальным и обеспечил бы ему успех у довольно ограниченного круга читателей. Но журнал, несмотря на утверждение Р. Сементковского, был довольно разнохарактерным. В том отделе, который Сементковский называет экономическим, печатались и литературно-критические статьи, и корреспонденции, и некрологи, и т. д. и т. п. То, что редакция ориентировалась на широкого читателя, явствует и из установленной ею низкой подписной платы.

Переходим к следующей, мартовской книге (№ 3) журнала. Как мы уже видели, изданию с самого начала не повезло в цензуре. На этот раз отзыв цензора был еще резче. 27 марта 1899 г. Цензурный комитет направил в Главное управление по делам печати донесение, излагавшее доклад цензора Соколова о представленной в Комитет второй книге. Теперь особое внимание цензора привлекли две статьи. Первая из них — В. Богучарского — «Что такое земледельческие идеалы?»; вторая — Е. Устинова — «Эволюция семьи и семейного воспитания».

«В этих двух статьях, — писал цензор, — социальная программа русских марксистов излагается в ее существенных чертах и в целом».

«Первая статья, как и статья «О наследстве и наследниках» в первой книге журнала, написана уклончивым и условным, так называемым эзоповским языком. По своему содержанию — это полемическая статья, направленная против народников. Исходным пунктом здесь служит рассказ Гл. Успенского «Не суйся».

«Колебатель основ», явившись в деревню и столкнувшись с мужиком Иваном Ермолаевичем, убеждается, что ему «соваться не в свое дело незачем», что его пропаганда и все упования на-

---

[1] «Литературные приложения» к «Ниве», 1899, апрель, стр. 864—865.

родников разбиваются о народную психику (стр. 90) [1]. Таким образом, жизнь раз навсегда крикнула народнику: «Не суйся!» (стр. 91). Жизнь идет мимо народников, ибо если она создает ненавистную не одним только народникам буржуазию, то она создает и ее антипода (стр. 92). Люди, которые постигли эту истину, «ни мало не склонны плакать над исчезновением земледельческих идеалов» (стр. 94). Земледельческие идеалы мешают прогрессивным течениям в области экономической жизни. В подтверждение этого автор по-немецки приводит из Энгельса несколько цитат о положении английских ткачей в то время, когда они имели земельные участки... «Только пролетариат, созданный современностью, крупною промышленностью, освобожденный от всех наследственных цепей, даже и от тех, которые прикрепляли его к земле, и загнанный в большие города, — только пролетариат в состоянии осуществить великий социальный переворот, который положит конец всякой классовой эксплоатации и классовому господству» (стр. 95).

Изложив статью В. Богучарского, цензор, а вместе с ним и Цензурный комитет, находили, что «эта статья, несмотря на все недомолвки и иносказания, совершенно ясна. Рабочий класс, вполне обеспеченный и по-своему счастливый, не удовлетворяет автора, если он не занимается политикою и не устраивает заговоров, если он ходит в церковь, читает библию и уживается с высшими классами общества. Ошибка «колебателей основ» из народников состоит в том, что они пошли к мужику, который им крикнул: «Не суйся!». Новое дело созидателей пролетариата путем развития крупной промышленности — это подготовление социальной революции».

«В другом роде статья г. Устинова — «Эволюция семьи и семейного воспитания». По мнению автора, современная семья разлагается. Совершается новый фазис эволюции. «Параллельно растущей экспроприации масс от орудий и средств производства и по мере обеднения средних общественных классов, происходит в настоящее время и другого рода «экспроприация», а именно — лишение женщины традиционных средств ее существования, т. е., семьи» (стр. 3). «Новейшие стремления женщин так называемых культурных классов являются, таким образом, лишь продолжением ранее осуществившихся стремлений чернорабочих женщин к внесемейному труду и заработку» (стр. 4). Воспитание детей должно быть отнято от современной женщины и передано в более компетентные руки общественных воспитателей. «Семья обобществляется и будет обобществляться до того са-

[1] Постоянно встречающиеся в цензорских рапортах и документах Главного управления по делам печати №№ страниц соответствуют нумерации разбираемой журнальной единицы.

мого момента, когда, наконец, фактическое равенство мужчин и женщин во всех сферах жизни станет реальною действительностью, т. е., когда женщина станет таким же внесемейным, т. е., общественным работником, как и мужчина. Тогда и воспитание детей перейдет под непосредственный контроль общества, т. е., организуемых им специально педагогических учреждений» (стр. 13). На стр. 14, 16 и 17 автор рисует счастье женщины, освободившейся от уз семьи и вступившей в общественную жизнь в качестве равноправного с мужчиною деятеля. Вопрос о так называемой эмансипации женщин здесь ставится в неразрывную связь с коммунистическими идеалами социализма, и при этих условиях женщине обещаются великие и богатые милости. Лесть по адресу женщины и обещание освободить ее из-под семейного ига может иметь в виду привлечение женщины к делу социалистической пропаганды. Это не лишено и практического значения и уже дало свои результаты в эпоху процветания нигилизма с его коммунами».

Итак, эти две статьи оказались, по мнению цензора, программными. «Другие статьи имеют в виду отдельные пункты этой программы». Детализация общих исходных положений всего номера, обоснование программы на частных примерах проведены здесь еще шире и еще резче. Цензор обратил в своем докладе Комитету особое внимание на корреспонденции с мест. Так, в «Корреспонденции из Азова», написанной некиим Ив. Бондаренко и рассказывающей «о сетковязальном промысле в устьях р. Дона», упор сделан, по мнению цензора, на «описание невозможного положения рабочих, занятых сетковязальным промыслом»; статья «Эксплоатация детского труда при чистке паровых котлов» [1] — «имеет ту же тенденцию». Есть и «третья статья в этом же духе» — «Рабочие в рогожных мастерских», принадлежащая С. Пафнутьеву.

Не мог цензор пройти и мимо «Внутреннего обозрения», написанного П. Б. Струве [2], который освещал факты внутренней жизни страны путем хлесткой публицистической подачи. Но публицистический тон уже не пугал цензора. Цензурный комитет привык к нему еще со времен елисеевских обозрений в «Искре». Гораздо опаснее казались самые факты. Внимание цензора задержалось на двух разделах «обозрения». В первом — «Финляндские события» — «сочувствие автора страждущим финляндцам и несочувствие правительственным мероприятиям высказывается так же резко, как и в первой книге»; во втором — «Несколько негромких, но интересных судебных дел» — «излагаются очень подробно» обстоятельства стачек на бумагопря-

[1] Подписана: NN.
[2] «Внутреннее обозрение», подписано инициалами: П. С.

дильной фабрике Нечаева-Мальцева и на фабрике бр. Чешер в Петербурге.

Среди «Писем из-за границы» цензор остановился на корреспонденции П. Теплова из Австрии — «Положение мораво-силезских углекопов», передававшей в аспекте классовой борьбы трагические моменты подавления рабочего движения в горнозаводском районе Моравии — Остpау Карвин. Цензор Соколов находил, что «кровавые сцены усмирения рабочих войсками» описываются в этой статье чересчур подробно. «Тенденции марксизма» обнаружились на этот раз и в беллетристическом отделе. Цензор писал: «В статье «Смерть Утыпа» (из жизни киргизского пролетариата) г. Степной рассказывает, как полуголодный киргиз-батрак об'едается насмерть, дорвавшись до сытного ужина. Очерк г. Вересаева — «В сухом тумане. Из летних встреч» — представляет собой попытку переложить в беллетристическую форму «тенденции» этого органа. Даже стихотворения г. Тана, рядом с другими статьями, приобретают специальную и вполне определенную окраску. В первом отделе журнала свободны от марксистской окраски только стихотворения г. Колтоновского, драматическая поэма Тора Гедберга «Гергард Гримм» и роман г. Мережковского «Воскресшие боги». Заметим кстати, что Д. С. Мережковский вообще пользовался большим доверием в правительственных кругах. Известный редактор-издатель «Нового Пути», математик и переводчик П. П. Перцов, передает, что несколько позднее, в самом начале 900-х годов, министр внутренних дел Плеве говорил о деятельности Мережковского в весьма доброжелательных тонах [1]. Но если творчество Мережковского было лишено «марксистской окраски», то цензура все же смотрела на роман «Воскресшие боги» с некоторой опаской. На это были свои причины. Во-первых, роман печатался в органе марксистов, и уже одно это обстоятельство должно было побудить цензуру к некоторому недоверию. А во-вторых — это был исторический роман, т. е. жанр, позволяющий художнику путем иносказаний и аналогий говорить в скрытой форме о сегодняшнем дне. Но «Воскресшие боги» прошли через журнал, не испытав на себе его влияния, а эстетская стилизация Д. Мережковского не давала повода к чтению между строк и сопоставлениям, и цензуре пришлось ограничиться мелкими придирками. «...В последнем романе рисуется ритуал черной мессы на шабаше ведьм, при чем ритуальные возгласы приведены на латинском языке и оставлены без перевода», — писал о «Леонардо да Винчи» цензор Соколов.

---

[1] См. об этом: В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов. «Из прошлого русской журналистики». Статья о символистском журнале «Новый Путь». Изд. писателей в Ленинграде, 1930.

По заслушании доклада цензора Комитет, препровождая его в Главное управление по делам печати, наложил следующую резолюцию:

«С.-Петербургский Цензурный комитет... нашел, что и в мартовской книге журнала «Начало» продолжается подкапывание под современный строй России во всех отношениях. Участники журнала являются злейшими врагами России, стремящимися во что бы то ни стало стереть все, что составляет ее особенность, ее самостоятельность сравнительно с началами западно-европейской жизни. Они стараются даже поэтизировать свою поистине проклятую задачу. «Мы строим, — говорят они, — великий народный дворец из камня разобранных стен»,

Мы ласточки свежей, зеленой весны,
Идущей за нами вослед...
Мы вестники новых времен.
Весна молодая идет нам вослед
Под сенью несчетных знамен [1].

В мартовской книге «Начала» так называемые марксисты уже смело и прямо (в статье «Эволюция семьи и семейного воспитания») говорят о будущем коммунистическом обществе, представляя настоящее в состоянии полнейшего разложения. Примечательно то, что для пропаганды социально-революционных идей марксизма они стараются уловить русскую женщину. Ей льстят, пред ней открывают соблазнительные перспективы доступной и для нее общественной и политической деятельности, ее приглашают покончить с патриархальной семьей, задуть семейный очаг и нести на трудовой рынок, наравне с мужчиной, свою рабочую силу, детей же отдать на воспитание обществу. Такая задача выставляется все равно неизбежною, роковою, обусловленною неумолимым законом развития промышленности и техники. Надо только женщине самой ускорять процесс образования нового общества, разбивая традиционные оковы семьи».

«Таким образом, — по мнению Комитета, — журнал «Начало» является не просто выразителем известного нового течения русской общественной мысли, он вступает уже на путь п р о п а г а н д ы, он уже приглашает приступить к разрушительным действиям, направленным против одной из главных основ существующего строя — против семьи; следовательно, тенденцию журнала можно назвать революционной и в теоретическом и в практическом отношении. Эта революционная тенденция прикровенно, проникает более или менее все статьи журнала, подобранные для произведения на читателя известного впечатления. Особенно же направлена она на вопрос о «раскрестьянивании» сельской массы, ибо в сельской общине и в о в л а с т и з е м л и

---

[1] Из стихотворения Тана «Из Уота Уитмена». «Начало», 1899, март, стр. 210.

над крестьянином видят марксисты главных своих врагов. Поэтому они рады голоду, неурожаю, развитию в деревне кулачества и всему, что только обездоливает мужика и обращает его в пролетария.

Такое разрушительное направление мартовской книги журнала «Начало» приводит Цензурный комитет к убеждению в необходимости представить эту книгу (по силе статьи 149 Устава о цензуре и печати) на заключение Комитета министров о невыпуске ее в свет по значительности вреда, который она может принести. Но Комитет считает невозможным ограничиться одною только этой мерой, направленной против отдельной книги журнала.

По мнению Комитета, дальнейшее существование самого издания покажет, что направление, стремящееся к социальному перевороту в России, к пролетаризации народных масс, к уничтожению сословий, обобществлению семьи, воспитания, собственности на орудия производства, что такое разрушительное направление, проводимое с самонадеянным задором и самохвальством обладания истиною, признается правительством, как имеющее право гражданства в нашем самодержавном государстве, основы коего оно силится подрыть.

В виду сего Комитет считает благовременным совершенно прекратить издание журнала «Начало», применив к нему действие примечания к статье 148 Устава о цензуре и печати»...

Главное управление по делам печати, рассмотрев новую книгу «Начала», «почти сплошь проникнутую вредными учениями социализма и коммунизма, клонящимися к потрясению существующих основ», вызвало для личных переговоров номинального редактора-издателя А. А. Воейкову. Но судьба номера была решена уже ранее. 27 марта (т. е., в день подачи донесения Цензурным комитетом) начальник Главного управления по делам печати М. Соловьев разрешил «по исключении статьи Е. Устинова «Эволюция семьи» выпустить № 3 журнала в свет».

Но цензура не могла и в дальнейшем не реагировать на линию, взятую редакцией. В воздухе уже ощущались все признаки будущей грозы. Темная фигура Гуровича, заслонявшего своею тенью журнал от нападения высших сфер, становилась все менее и менее прочной защитой. Атмосфера, создавшаяся вокруг издания, вызывала большие опасения в редакционных кругах.

«Обе книжки «Начала» вышли (надеюсь, вы их получили), как видите, с урезками, и цензура хотела обе представить к уничтожению в Комитет министров, так что, как видите, существование журнала вообще прекрасное», — сообщал С. Н. Булгаков Г. В. Плеханову [1].

[1] Из неизданного письма от 30 апреля 1899 г. Хранится в Доме Плеханова в Ленинграде.

В. И. Ленин, находившийся в далеком селе Шушенском, также предвидел близкий финал. 27 апреля 1899 г. он писал А. Н. Потресову: «Вообще же, по-моему, тон журнала — «предсмертный». Ежели так, то конец и смерть лишь вопрос времени. Ведь это просто спекуляция на Rathlosigkeit и болокиту в том ведомстве, которое и т. д. Можно бы и попридержать язык за зубами без вреда и не без пользы для дела. Право, сравнительно с современным тоном наши «материалы» [1] могли бы быть образцом «умеренности» и «солидности»...[2]. Одновременно Ленин хвалил самое издание: «Книжки журнала в общем и целом мне очень нравятся. Редактируются они прекрасно», — замечал он в конце письма [3].

Итак, редакция и сотрудники ждали грозы. Чересчур наэлектризованная атмосфера разрядилась чрезвычайно скоро. Когда 14 апреля была представлена в Цензурный комитет третья книга, цензор Соколов сделал о ней пространный доклад, в результате которого последовало два серьезных мероприятия. Комитет распорядился: во-первых, тотчас же задержать в типографии И. Н. Скороходова на Надеждинской ул., д. 43, где печатался журнал, 3512 экземпляров № 4 «Начала» [4], и, во-вторых, — направить в Главное управление по делам печати обширное донесение с требованием репрессивных мер по отношению к изданию.

Оба постановления был исразу же проведены в жизнь, причем донесение в Главное управление за № 988 было отослано 28 апреля.

В своем докладе Цензурный комитет отмечал, что в апрельской книге появились новые для журнала мотивы, а именно мотивы политической борьбы, являющиеся неминуемым следствием поставленных в двух первых книгах экономических вопросов. Призыв к политической борьбе находился, по мнению цензуры, в двух статьях номера. Первая из них была статья В. Я. Богучарского «Отголоски русской жизни». «В первой статье, — писал о ней Комитет в своем донесении, — оплакивая отсутствие в одном только «нашем любезном отечестве» протеста рабочих против вопиющих фактов эксплоатации их со стороны предпринимателей, негодуя на их смирение (стр. 57), г. Богучарский говорит, что «ученикам» важно дальнейшее развитие капитализма прежде всего в том смысле, что это единственный и

[1] «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Сб. статей В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, А. Н. Потресова, П. Б. Струве, П. Скворцова и др. (уничтожен цензурой).

[2] «Ленинский сборник», IV, стр. 24.

[3] Там же.

[4] Отсюда можно предположить, что тираж журнала исчислялся в количестве 3500 экземпляров, других же данных о тираже, за исключением цензурного дела, не имеется.

кратчайший путь к разрешению неэкономических вопросов. Без разрешения этих неэкономических вопросов не могут быть, по мнению «учеников», разрешены и экономические» (стр. 60). «Не сокращения, — говорит он далее, — а расширения всякого рода общественной самодеятельности желают «ученики». В силу этого, разумеется, они всецело на стороне прочного «правового» порядка. Отсутствие «правового порядка», состоящее прежде всего в отсутствии законных рамок для самодеятельности и возможности установления прочной связи между индивидами, поставленными судьбой в одинаковые условия, для коллективного отстаивания своих интересов против всякого рода эксплоатации их труда, сказывается самыми тяжелыми последствиями для трудящихся» (стр. 62). А между тем «коллективное отстаивание своих интересов трудящимися» составляет у нас предусматриваемое законом преступление (стр. 63). Выделив таким образом отдельные мысли В. Богучарского и соединив их воедино, Комитет заключал, что «в настоящей книге «Начала» ближайшие цели марксистов раскрываются яснее: прежде всего им нужен правовый порядок с признанием права рабочих и коллективных протестов в их классовых интересах». Другая статья, А. И. К-р-ого — «Не в очередь. Критические наброски» — рассматривается Комитетом, как продолжение статьи А. Н. Потресова, из'ятой из первой книги «Начала» [1]: «автор ее берет на себя щекотливую миссию, снова путем иносказаний, весьма, впрочем, прозрачных, открыть читателям глаза на то, чьи наследники и продолжатели марксисты. Он напоминает читателям, что «безымянная Русь», ходившая «в народ», получила от последнего ответ на свои попечения о нем — «не суйся!» — и представление «колебателей основ» по начальству (стр. 126—127). Вследствие этого двадцать лет тому назад интеллигенция совершила акт отречения от народа, она признала себя банкротом, ликвидировала отношения к нему и решила пока действовать без него (стр. 128). Отречение от народа создало больное поколение конца 70-х и начала 80-х годов, представителем большинства коего, не обладавшего «выдержкой бойца, закаленного в жизненных испытаниях», явился Надсон. Но меньшинство этого поколения «решило взять на свои плечи поистине титаническую задачу» и за свой собственный страх и счет выковать счастье народу» (стр. 129). Однако оно «попало в положение, в ко-

---

[1] Чутье не обмануло цензора. Статья «Не в очередь» не только идейно продолжала тенденции этюда «О наследстве и наследниках», но и была написана тем же самым А. Н. Потресовым. Впоследствии под измененным названием («О разночинце-скитальце») она была перепечатана в сборнике статей А. Н. Потресова (Старовера) «Этюды о русской интеллигенции». Изд. О. Н. Поповой, Спб., 1906.

тором самоотвержение переплеталось с унынием, вера в конечную гибель Ваала с чувством своего бессилия, потребность борьбы — с сознанием того, что при существующих условиях борьба равносильна только жертве»... «И они шли на труд великий, как на заклание, без надежды, по чувству товарищества и долга» (стр. 130—131). В это время «множатся жертвы, растет боль утрат, постепенно создается культ страданий» (стр. 132). Не трудно расшифровать эти намеки и недомолвки, не трудно понять, в чем заключался этот «культ страдания» меньшинства поколения конца 70-х и начала 80-х годов, отвернувшегося от народа и вступившего в борьбу с правительством во имя «категорического императива долга», «усеявшего поле трупами бойцов, отважно павших». Это меньшинство, выразителем стремлений и чувств коего является поэт П. Я., от «народа» и «деревни» перенесло место действия в «сказочный город туманов, город холода, мглы и тоски, пышный город дворцов-великанов, с горделивым простором реки» (стр. 133). Страшно вымолвить, что здесь апофеоз «деятелей» 1 марта 1881 г., — ибо чьи же еще были «трупы отважно павших» в «пышном городе дворцов-великанов»! Прометеевский размах оказался, однако, не по плечу разночинцу, как общественному слою. Лишь в самое последнее время, оправившись от жестокого разгрома, излечившись от болезни интеллигентного самомнения, преемник старого разночинца, т. е., «марксисты» или «ученики», делает вновь героические усилия эмансипироваться и доказать свое право на историческое существование (стр. 134). «Новое учение впервые после долгого перерыва приблизило идеал к действительности и дало ясный ответ на мучительные запросы и раз'едающие сомнения. Та «масса», которая преподносится взору современного интеллигента (т. е. пролетариат), не говорит своим товарищам: «не суйся!», а наоборот: «добро пожаловать» (стр. 139). «Безымянная Русь нашего времени, все те, кто является действительным, а не самозванным «наследником» прошлого, может спросить наших скептиков, кто, кроме них («безымянной Руси»), будет выполнять незавершенное историческое дело. Если они не пойдут туда, где они пока особенно нужны, никто другой не пойдет (стр. 144)».

«Теперь становится уже для читателей вполне ясно, почему участникам «Начала» нужны стачки и организованные протесты рабочих; ясно, что эти люди представляют собою не литературный кружок, а политическую партию, готовую принять в свою среду всех недовольных существующим положением вещей. Они уверены, что к ним многие пристанут: «Раздаются, — говорит автор статьи «Не в очередь», — воинственные призывы, мобилизуются силы, образуются коалиции для борьбы с ненавистным врагом, с марксистским «поветрием» (стр. 147). «Ста-

райтесь господа, — восклицает он, — старайтесь! Нас от этого не убудет, а, напротив, прибудет» (стр. 148).

«Эта статья получает новое освещение при сопоставлении ее со статьею «Из Парижа в Берн. Отрывок из путевых записок Фр. Энгельса», которые были написаны в 1848 г. Здесь автор очень недружелюбно относится к французскому крестьянству, которое будто бы было враждебно настроено в то время против парижских рабочих. В крестьянстве автор видит реакционное начало по отношению к якобы прогрессивному движению рабочего класса. «Французский пролетариат, прежде чем провести свои требования, должен будет вперед подавить всеобщую крестьянскую войну, которую даже уничтожением всех ипотечных долгов можно отсрочить лишь на короткое время» (стр. 159). На автора «упорная глупость» крестьян производит «гнетущее впечатление». Таким образом направление и характер той социальной революции, о которой говорится как в этой, так и в предыдущих книгах означенного журнала, определяются с полною ясностью: с рабочими и против крестьянства».

Далее цензор останавливается на затронутом в книге вопросе о земской власти. Не принимая в расчет помещенную в первой книге корреспонденцию В. Чернова на тему о земстве, он пишет следующее:

«В апрельской книге «Начала» в п е р в ы е затрогивается вопрос о земстве, и притом в трех статьях: «В о п р о с о з е м с т в е в с о в р е м е н н о й е г о п о с т а н о в к е» и в «П и с ь м а х и з п р о в и н ц и и» — и з С а р а т о в а и и з В о р о н е ж а. Журнал является сторонником земского управления, «желает широкого и свободного участия представителей общества в местном самоуправлении и видит в нем естественный и желательный путь нормального и гражданского развития». Журнал считает излишним доказывать «принципиальную пользу и насущную необходимость в России самого широкого самоуправления всех ее областей и губерний». Земство признается учреждением не хозяйственным, а г о с у д а р с т в е н н ы м. Это сознавалось и высказывалось земскими деятелями с первых же шагов новой общественной деятельности (стр. 235 и 237). Между тем именно в сфере государственной и стало рано стесняться земство правительством; в особенности же сильный удар в этом отношении нанес ему гр. Толстой, который низвел его на степень подчиненных администрации органов (стр. 239). В виду сего представляется нежелательным распространение на окраины таких «изуродованных учреждений» (стр. 242). В виде иллюстрации отношений местной администрации к земству приводится в письме из Воронежа, как губернатор Коленко три года с помощью канцелярской волокиты мешал исполнению не опротестованного постановления земского собрания об открытии земского

книжного склада. «Если умеючи, — говорит автор, — повести канцелярскую переписку, то можно достигнуть блестящих результатов, не рискуя встретиться с неприятным определением сената. Таким образом, земское постановление, не опротестованное, не отмененное, вошедшее в законную силу после трехлетней канцелярской «обработки», оказалось фактически уничтоженным» (стр. 98).

Досталось в цензуре и рассказу А. Н. Вербицкой — «Перед концом». В рассказе выводится марксистка, сокрушающая устои буржуазной морали. С пеной у рта нападает героиня на освященные традицией патриархальные формы семейных отношений. «То, в чем вы сейчас видите чистоту нравов и счастье женщины, — восклицает марксистка, — это только утонченная форма рабства, ее закрепощение мужчине, семье». «Долой мать-воспитательницу! Пора, господа, подорвать эту догму о педагогической монополии семьи», — говорит она в другом месте. «Распущенность нравов Парижа и царствующий там разврат провозглашается — исканием истины и новой нравственности», — с ужасом замечает цензор, соотносящий рассказ Вербицкой с вырезанной из предыдущей книги статьей Е. Устинова, в которой ставились проблемы «обобществления семьи и воспитания в будущем коммунистическом обществе».

«Подрывая таким образом принцип семьи, служащий основою государственного и общественного порядка, журнал «Начало» в апрельской книжке касается и другой высшей основы — религиозных верований. В статье «Итальянский скептицизм в эпоху возрождения» (Тарле) излагается, и притом с видимым сочувствием, трактат Помпонацци, направленный к опровержению догмата бессмертия души. Этот догмат представляется выгодным для католического духовенства в смысле уловления помощью его людей и держания страхом загробного возмездия в своем подчинении (стр. 202). Но вера в бессмертие души, по мнению Помпонацци, не выдерживает критики. «Либо, — говорит он, — они [т. е. верующие] должны признать, что высший суд человека — в нем самом, а не вне его, и тогда та нравственная узда, какую они предполагают в бессмертии, делается лишнею, или они этого не признают, и тогда выйдет, что их добродетель очень условна и деланна, что их воздержание от пороков — вынужденно, и что догматы своей религии они унижают до роли пугала для тех, кого должны считать своими братьями...» (стр. 206). «Если утверждать, что соединение души с телом и раз'единение их после смерти есть нечто существенное, тогда остается допустить, что человек не есть определенный индивидуум, как мы привыкли его понимать, а только случайный и временный агломерат двух отдельных субстанций» (стр. 215).

«В статье «Об искусстве» Н. Андреева [1] религиозные верования и искусство ставятся в прямую и непосредственную зависимость от экономического состояния общества (стр. 63—83).

«Статья г. Рубакина «Битые читатели», очень небогатая фактами, дает крайне тенденциозное освещение как общественной, так и государственной русской жизни. Особенно мрачными красками автор описывает современную школу, главным образом школу церковно-приходскую (стр. 15). Из других статей журнала заслуживают внимания стихотворения Тана на стр. 145—146 и рассказ «Торговка счастьем», основная мысль которого состоит в том, что между богатыми и бедными не может и не должно быть добрых и благожелательных отношений (стр. 187—196).

«В статье «К вопросу о связи с земледелием наших промышленных фабричных рабочих» проводится излюбленная мысль русских марксистов о невыгодности для обедневших крестьян земельной собственности [2]. Другая сторона этой мысли — об обогащении кулаков и мироедов за счет разорения деревни и о закабалении мужиков в экономическое рабство при существовании общины — высказана в другой статье, под заглавием «В хронику первоначального накопления», и в отделе новых книг в статье Вл. Ильина, на стр. 168 и 169, по поводу книги Каутского: «Agrarfrage».

«Тенденциозное описание положения рабочих на фабриках дается в письмах из провинции: 1) из Твери, 2) из Смоленска, 3) из Саратова (стр. 64—88), в статье А. Васильева «Как живут и работают женщины в Вене», и в письмах из-за границы: 1) из Румынии, и 2) из Лондона (стр. 175, 207).

«В апрельской книге не нашли себе особенно яркого выражения коммунистические элементы марксистской доктрины, что было в прежних книжках журнала, зато в первый раз с такою ясностью высказан взгляд на правовой порядок, необходимый для России в виду экономических и социальных воззрений русских марксистов, и поставлен вопрос о земском самоуправлении в противовес административному и бюрократическому режиму. В виду этого, принимая во внимание, что и в апрельской книжке вышеуказанного журнала провозглашаются начала социальной революции, проповедуется разрушение современной семьи во имя ее грядущего обобществления, излагаются взгляды, несовместные с христианским учением, дискредитируется современный административный и государственный строй управления, цензор, применительно к статье 95-й Устава о цензуре и печати,

---

[1] Цензор ошибочно называет автора Н. Андреевым. Статья принадлежит Г. В. Плеханову и подписана псевдонимом — Н. Андреевич.

[2] Характерный пример понимания русской цензурой «мысли русских марксистов».

полагал бы представить апрельскую книжку бесцензурного журнала «Начало» в Комитет министров на предмет ее окончательного задержания, дабы от ее появления устранить опасность распространения ею в обществе и особенно среди молодежи разрушительных учений русского марксизма». Далее следует вывод, «что в апрельской книжке «Начала» разрушительные тенденции русского марксизма сделали значительный шаг вперед. Каждая новая книга этого журнала ярче и убедительнее открывает, не только правительству, но и читателям, что участники журнала составляют кружок не литературный, а социально-политический, и цели преследуют прямо революционные, ибо подрывают основы нашей государственной, религиозной, общественной и семейной жизни. Их сфера — смута, иносказания, намеки, недомолвки; их надежда — на стачки, организованные протесты; их сочувствие—на стороне народных бедствий, голода, неурожая, обезземеления и разорения масс; их вера — в царство пролетариата на развалинах веками труда и гения народного выработанного строя; за что же на утеху этих господ отдавать русскую молодежь обоего пола, и без того смутно настроенную? Отпора в среде самого общества этому направлению ожидать трудно. Печать не может сорвать маску с марксистов «Начала» и назвать их дело настоящим именем, ибо ей помешает литературная этика».

«По мнению Комитета, исключения из книг «Начала» отдельных, наиболее резко-выражающих тенденцию журнала статей, отнимая, быть может, у направления его крайние проявления, не делают его однакоже менее вредным. Между тем эти исключения, вследствие производимого ими перерыва в счете страниц, кидаются в глаза читателям, заинтересовывают их, заставляют тем с бо́льшим вниманием вчитываться и искать скрытого смысла в остальном тексте книги. Да и для цензурного наблюдения такой способ действия неудобен: исключения административным распоряжением (помимо Комитета министров или судебного приговора) отдельных статей из б е с ц е н з у р н о г о издания придают выходящим после такой операции в свет книгам журнала характер как бы о д о б р е н н ы х цензурою и отнимают у последней почву для дальнейших, более строгих мероприятий против вредного направления журнала. Наконец, у цензоров, наблюдавших за другими подцензурными журналами марксистского направления, теряется верная перспектива и правильное разумение пределов дозволяемого. Все эти соображения приводят С.-Петербургский цензурный комитет к убеждению в необходимости, в виду не только крайне вредного, но и зажигательного направления журнала «Начало», возможно скорее совершенно прекратить издание, подведя его под действие примечания к статье 148 Устава о цензуре и печати. Апрельскую

же книгу надлежит представить, по силе статьи 149, в Комитет министров на предмет воспрещения ее выпуска в свет».

Дело приняло серьезный оборот. Статья 149 Устава о цензуре и печати гласила: «Если распространение освобожденной от предварительной цензуры книги или нумера повременного издания, выходящего без цензуры реже одного раза в неделю, министром внутренних дел признано будет особенно вредным, то он может, сделав распоряжение о предварительном задержании такого произведения, представить о воспрещении выпуска оного в свет на окончательное разрешение Комитета министров» [1].

Но, несмотря на резкий тон Комитета, требовавшего немедленного решения, дело продолжало лежать в недрах Главного управления по делам печати. Заинтересованная в возможно более скором решении дела, редактор-издательница А. А. Воейкова подала 2 мая 1899 г. в Главное управление прошение, в котором жаловалась на образ действий Цензурного комитета. Воейкова указывала, что, согласно закону, книга может пробыть в цензуре не более четырех суток, т. е., должна была быть выпущенной не позднее 18 апреля. В случае же задержания издания, против его издателя должно быть возбуждено судебное дело. Поскольку же А. А. Воейковой не пришлось испытать судебных преследований, она считала себя в праве находить, что Цензурный комитет нарушил существующие узаконения. Главное управление по делам печати, видя правоту на стороне Воейковой, решило прибегнуть к испытанному бюрократическому приему. Рассчитывая на проволочку времени, Главное управление затребовало у редактора-издательницы две гербовые марки 80-копеечного достоинства, «без чего не может быть дальнейшего движения настоящему ходатайству». Воейкова поспешила на следующий день представить требуемые марки, и дело вступило в новую стадию. 11 мая 1899 г. министр внутренних дел вошел в Комитет министров с особой докладной запиской о третьей книге «Начала». Повторив все сказанное в вышеприведенном донесении Цензурного комитета, министр добавлял, что «уже в первых двух книжках обнаружилось резкое направление нового издания, посвятившего две книжки обсуждению в желательном для русских марксистов смысле вопросов о росте в России капитализма, о неизбежной и быстро надвигающейся пролетаризации крестьянства, о влиянии неурожайных годов на углубление пропасти между деревенскими богатеями и обнищавшими массами, о нарождении нового класса — крестьянской буржуазии». «Принимая во внимание, — писал И. Л. Горемыкин, — что апрельская книжка журнала «Начало» содержит в себе статьи,

---

[1] Свод законов, том XIV. Изд. 1890 г.

направленные к потрясению существующего государственного, общественного и семейного строя, а равно и против христианского учения о бессмертии души, министр внутренних дел находит распространение этой книги крайне вредным и полагает запретить ее выпуск в свет».

Но, выйдя за пределы Главного управления, дело все еще не приближалось к развязке. 19 мая Главное управление обратилось к А. А. Воейковой с требованием сообщить «имена, фамилии и звания» ряда литераторов, скрывших свои фамилии за инициалами и псевдонимами. Вскоре выяснилось, что статья «Не в очередь» принадлежит присяжному поверенному А. А. Никонову, статья «Вопрос о земстве» — гласному Тверского земского собрания А. А. Демьянову (подписался буквой К), «Письма из провинции» (из Саратова, Смоленска, Воронежа и Твери) — В. Богучарскому (подписался различными инициалами: N. X., Р. Н., С—в и Г. К.), «Письма из-за границы» (из Лондона) — дворянину Алексею Михайловичу Водену, проживавшему в Лондоне (подпись: Скептик). Получив от Воейковой настоящие сведения, Главное управление не преминуло передать их в департамент полиции, на имя директора С. Э. Зволянского.

Тем временем дело об апрельской книжке продолжало итти по инстанциям. В связи с затяжным характером, которое принимало дело, в редакции непрерывно росла паника. В приводимых ниже письмах А. М. Калмыковой к одному из сотрудников «Начала» указывается на удручающее состояние, в которое была повергнута редакция «Начала». Письма А. Калмыковой ярко свидетельствуют о том, как велика была борьба и тяжела жизнь первых русских марксистов, «жизнь, сжигавшая людей, как свечу, оставленную на осеннем ветру» (А. И. Герцен).

«Многоуважаемый Алексей Алексеевич, — пишет Калмыкова, — спасибо за весточку о себе. Даже весело стало при мысли, что есть люди, получающие бодрящие впечатления хоть бы от «равнодушной природы». Книга «Начала» апрель пребывала с четверга страстной до конца святой в «святая святых» российского храма литературного творчества [1]. Потребовали вырезки одной критической статьи и (просто анекдот) — повести Вербицкой...

Быть может, еще смилуются относительно Вербицкой. Непременно прочтите, чтобы оценить проницательность охранителей неприкосновенности семьи» [2].

И далее, в письме от 5 июня 1899 г.: «со дня на день откладывала писать вам, так как не хотелось делиться мучитель-

---

[1] Т. е., в Цензурном комитете.

[2] Из неопубликованного архива А. А. Лугового (Тихонова), хранящегося в Институте новой русской литературы Академии наук СССР. Письмо датировано 27 апреля 1899 г.

ным чувством неизвестности. Она должна была разрешиться известностью с часу на час, но и поднесь ждем. Вопрос об апрельской книге обсуждался в Комитете министров 28-го, но результат пока — тайна. Заботит, конечно, не судьба одной книжки, а всего издания. Вероятно, до среды все выяснится...

Беда, что всю тяжесть цензурных порядков чувствуем лишь мы, а не публика, читатели. Совсем бы музыка была другая.

Всего хорошего. Надеюсь, увидимся с вами в лучшую минуту...»

18 мая 1899 г., когда вопрос об апрельской книжке еще не был решен, в Петербургский цензурный комитет была представлена М. Туган-Барановским очередная майская книга «Начала» (№ 5), о которой 22 мая из Цензурного комитета было отправлено специальное донесение в Главное управление по делам печати. Комитет писал: «рассматривавший книгу цензор Соколов доложил Комитету, что в ней обращает на себя в цензурном отношении особенно внимание статья «Голод в поселке» (из протоколов действительности)». Статья эта тенденциозного содержания и представляет подбор из различных периодических изданий сообщений и корреспонденций из местностей, пораженных голодом. Краски умело и тенденциозно сгущены и дают картину, которая производит самое мрачное и угнетающее впечатление. «Восточный, приволжский край России, — так, между прочим, обобщает эти факты г. С. Г-шин [1], — превратился в сплошной стан погибающих... Возьмите за любой день местные газеты, и встретите целый ряд потрясающих известий о положении народа. Мысль цепенеет: бессильные слезы невольно подступают к горлу...» (стр. 195). «С голода 1601—1602 гг., при Борисе Годунове, мы, русские, — приводит автор цитату из статьи Анзимирова, — правда, не едим более друг друга, не гложем трупы умерших и т. д. С этой стороны мы ушли вперед. Энергия и неразборчивость средств в сопротивлении смерти от голода уменьшились. Голодающие едят теперь траву, мох, кору, лебеду, жолудь, кострец, солому и т. п. растительные суррогаты питания. Они терпеливее пухнут от голода, спокойнее и благоразумнее заболевают и умирают от голодного тифа, цынги и других болезней, осиливающих ослабевший организм. Во всем прогресс и благодетельное влияние современной культуры». «Мельчает народ, слабеет, рано старится. Исчезают даже слухи о былых богатырях...». «Видно, одно благорастворение воздухов не помогает» (стр. 196). «Впрочем, русские с колыбели голодают» (стр. 197). «Таким образом от «потрясенного Кремля до стен недвижного Китая» русское крестьянство солидарно исключительно по

[1] С. А. Гарюшин.

чувству голода и страданий» (стр. 234). Отметив одну статью в «Гражданине», автор говорит: «и такие речи раздаются перед трупом заживо разлагающегося народа» (стр. 243). Автор отмечает равнодушное отношение со стороны имущих классов общества к народному бедствию: «жертвы богачей являются редким исключением: богатые люди откликаются только тогда, когда желают показать себя перед сильными мира. Особенно заметно равнодушие к народному горю со стороны сословных и акционерных учреждений или монастырей; а между тем они живут на счет народа». «Только отдельные интеллигенты пошли в народ, помогая ему, страдая и даже умирая заодно с ним. Мы не говорим о тех самоотверженных, бескорыстных деятелях, имена которых известны из газет. Мы здесь должны помянуть тех никому не известных представителей молодежи, которым счастливо удалось прорваться к очагам заразы и голода, туда, где трудно дышится, где горе слышится. Некоторые из них уже успели сложить свои честные кости на поле брани. Из санитарного персонала, работающего на месте, заболели две сестры, один доктор, два студента и фельдшер. Одна сестра умерла. Тяжело заболели тифом две курсистки и студент-медик... Вот каковы некрологи русских подвижников». «Одна сестра», «две курсистки», «два студента», «один доктор»... «Герой венской чумы, доктор Мюллер, — замечает по этому поводу «Южное Обозрение», — был возведен чуть не в святые. В наших газетах и то сообщалась его подробнейшая биография, его портреты обошли все журналы... А у нас имени нет десяткам и сотням таких же героев» (стр. 242—243).

«При таком вопиющем положении дела, правительство и административные органы власти не только не содействуют, а иногда прямо противодействуют благим начинаниям интеллигенции и частной благотворительности. Самарское губернское земское собрание напрасно хлопотало о добавочной ссуде у правительства» (стр. 204—205). «Непонятные препятствия извне мешают благотворительности в самарских уездах частного кружка» (стр. 205). Большинство земских начальников утверждают, что в их участках крестьяне «голодного» хлеба в пищу не употребляют. «Запрещают крестьянам собирать жолуди, топливо в лесах, не дают паспортов для отхода на заработки» (стр. 205—206). Самарский губернатор излишнею требовательностью отклонил благотворительную деятельность бесса-

рабского землевладельца г. Ануша (стр. 206—207). В Казани «какие-то господа формалисты» долгое время тратили время и силы на формальные опровержения известий о местном бедствии (стр. 212). Студенты-медики и монахини, желающие помочь народу, не получают разрешения для своей деятельности» (стр. 213).

«По смыслу статьи, правительство первоначально проглядело голод, затем пыталось его замолчать и, когда это не удалось, стало противодействовать частной инициативе. Автор высмеивает инструкцию о меню кушаний для цынготных больных, изданную медицинскою комиссиею при Казанском отделе Красного креста (стр. 213).

«В Казанской губ. неумелая и непонятная деятельность земского начальника возбудила волнение в народе» (стр. 213).

«Такими замечаниями пересыпана вся эта статья, сгущающая краски при описании народного бедствия и прославляющая немногих героев из интеллигенции. Написанная языком страстным и зажигательным, она имеет целью дискредитировать правительство в глазах общества, представив его тормозом и помехою для всех благих начинаний и таким образом вызвать недовольство и озлобление к нему. Как всегда, тенденциозный подбор статей в книгах этого журнала дает этому выводу особенную страстность и настойчивость. Возможные дальнейшие и практические выводы из таких посылок читатель легко сделает по статье «Памяти А. С. Пушкина».

К числу «крамольных» статей номера Комитет относил статьи Н. Дружинина «В интересах личности» и М. Неведомского «О современном художестве». Но более всех взволновала цензуру статья В. Богучарского о Пушкине. Названная статья В. Богучарского, как это видно уже из тех замечаний, которые сделал о ней цензор, представляет необычайно интересный момент в количественно обильной фактами практике социального использования личности и творчества Пушкина. Здесь «автор высказывает открытое сочувствие принципам и началам революции». «Никогда человеческая грудь, — цитирует г. Богучарский неизвестного автора, говоря о Радищеве, — не была полнее надеждами, с бьющимся сердцем, чего-то необыкновенного, святое нетерпение тревожило умы и заставляло самых строгих мыслителей быть мечтателями. Иммануил Кант, сняв шапочку, говорил, удрученный величием событий, при провозглашении Французской республики: «Ныне отпущаеши». С восторженными идеалами того времени Радищеву пришлось жить в России» (стр. 92—93). «Карно рассказывает, ссылаясь на депеши тогдашнего французского посланника в Петербурге, что при известии о взятии Бастилии некоторые русские обнимались на улицах Петербурга и поздравляли друг друга с этим событием» (стр. 93—94).

По словам автора, Пушкин был проникнут идеями декабристов и горячо сочувствовал государственному перевороту. «Только случайности обязан Пушкин тем, что после 14 декабря 1825 г. не разделил участи своих многочисленных друзей» (стр. 96). На юге «встречи с членами Южного общества, людьми, часто еще более энергичными и непреклонными, чем даже их северные товарищи, конечно, только укрепляли его миросозерцание» (стр. 98). По мнению автора, Пушкин охотно вступил бы в тайное общество. Это автор доказывает рассказом декабриста Якушкина о том, как сам Якушкин, Орлов, Охотников и Давыдов разыграли перед Раевским и Пушкиным комедию основания тайного общества. Это была шутка. Якушкин смеялся. «Другие тоже смеялись, кроме Пушкина, который был очень взволнован: он перед этим уверился, что тайное общество или существует, или тут же получит свое начало, и он будет его членом. Но когда он увидел, что это была только шутка, он встал и сказал раскрасневшись и со слезами на глазах: «я никогда не был так несчастен, как теперь, я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собою, — и все это была только злая шутка». В эту минуту он был прекрасен» (стр. 99).

«Отметив сочувственное отношение поэта к декабристам, г. Богучарский утверждает, что Пушкин никогда в сущности не отрекался от идеалов своей молодости, и поэтому современные Булгарины, собирающиеся сооружать ему памятники, позорят имя великого покойника выражением своего к нему почтения. «Эти Булгарины — г-да Грингмут [1] и Суворин». В конце статьи автор видит в Пушкине только бунтаря и революционера и право чтить его память признает только за лицами этого образа мыслей.

«Появление подобной статьи именно теперь, в пушкинские дни, могло бы произвести большую сенсацию среди молодежи. Чтобы выяснить отношение журнала «Начало» к принципам революции, следует отметить стихотворение г. Тана «Прилив», переведенное якобы с английского, из несуществующего, повидимому, поэта Гранмора. Это очень прозрачная аллегория, где под видом моряков, оснастивших и вооруживших корабль и ожидающих только прилива, чтобы двинуться в путь, говорят люди этого лагеря. Им «дольше ждать нет сил» прилива, и они «устали ненавидеть тьму и тишину». Только настанет прилив, «мы, не медля ни мгновенья, двинемся в поход». Смысл этого стихотворения ясен и будет понят всеми, конечно, в революционном духе». «В общем, социалистические, часто коммунистические тенденции русского марксизма журналом «Начало» в майской книжке высказаны с меньшей рельефностью и определен-

---

[1] В. А. Грингмут — известный реакционный публицист, автор «Руководства черносотенцу-монархисту». М., 1911.

ностью, чем революционные. Но и социалистические тенденции имеются здесь налицо». Их цензор усмотрел в рассказе Киплинга «Верный» (резкая выходка против частной собственности— «преступление, которое мы называем богатством» (стр. 180), в рецензии Туган-Барановского на книгу Н. Карелина «Жан-Жак Руссо» (автор «указывает по разбираемой книге происхождение общества и законов, которые навсегда закрепили закон собственности и неравенства, превратили явную узурпацию в неотъемлемое право и в пользу нескольких честолюбцев подчинили труду, рабству и нищете весь род человеческий» (стр. 120), в статье Ленского «Народный дом в Брюсселе» (автор «отмечает успехи бельгийского кооперативного движения, тесно связанного с бельгийским рабочим движением и опирающегося на могущественную политическую рабочую партию» (стр. 153), и, наконец, в статье Фридмана «Мечты и действительность» (автор «утверждает, что кооперативное движение только тогда прочно, когда оно опирается на самостоятельность членов, когда оно свободно от всякой опеки» (стр. 49).

В заключение цензор предлагал Комитету вновь поставить вопрос об «окончательном запрещении книги». Но Главное управление, а следовательно и стоявший за ним министр внутренних дел, еще колебалось в вопросе о «Начале», не предвидя решения Комитета министров об апрельской книжке, а потому сочло нужным итти на компромисс. Начальник Главного управления М. Соловьев наложил на дело о майской книжке следующую резолюцию: «по исключении статей «Голод в поселке», «Памяти А. С. Пушкина» и стихотворения Тана (из Гранмора) книга может быть выпущена в свет».

Таким образом № 5 журнала вышел еще раньше, нежели был решен вопрос о выпуске № 4.

Редакция «Начала», повидимому, совершенно отчаявшись увидеть решение об апрельской книжке и считавшая ее безвозвратно погибшей, приложила к майской книге особое об'явление «От редакции». В нем стояло, что «апрельская книжка журнала, по независящим от редакции обстоятельствам, выйти в свет не могла. Продолжения романа Д. С. Мережковского «Воскресшие боги» и В. фон Поленца «Помещики» будут помещены в июньской книжке, которая выйдет в «обычное время».

То же случилось и с продолжением статьи Г. В. Плеханова (Н. Андреевича) «Об искусстве», начало которой было помещено в невышедшем апрельском номере. Редакция, вполне естественно, не могла известить своих читателей в приведенном об'явлении об этом обстоятельстве, но в письме П. Б. Струве к автору от 17 мая 1899 г. находим несколько строк по этому вопросу.

«Дорогой друг, — писал Струве Плеханову, — спешу вам сообщить, что, по полученным мною сегодня известиям, в майской книжке, вследствие задержания апрельской, не будет помещено никаких продолжений, и потому статья об искусстве не пойдет,— не знаю, пришлют ли мне при таких обстоятельствах денег для вас... Я питаю некоторую надежду, что вчерашнее мое письмо еще застало вас в Женеве. На всякий случай одновременно с этим письмом посылаю вам письмо в Брюссель. Отвечу вам хоть вкратце на все затронутые вами вопросы в вашем письме. Помещение вашей статьи contra Михайловский будет зависеть исключительно от цензурных соображений — это в дополнение к тому, что я писал вчера по поводу полемики и несвоевременности ее теперь. Другими словами, ваша статья не попадает под действие этих соображений. Ваше желание относительно «Научного Обозрения» я исполню [1]. Между прочим, редактору-издателю «Начала» уже намекали на сотрудничество знатных иностранцев [2].

То, что вы пишете относительно «словечек», совершенно справедливо, но практическая борьба с этим трудней, чем вам, повидимому, представляется. Чтобы писать «без словечек», нужно быть хорошим писателем, а таких мало. Исправлять «словечки» в плохих рукописях — очень трудное дело: и без того моя рабочая сила в значительной мере уходит на исправление плохих статей, в которых иногда душа отдыхает только на «словечках». Кроме того, у нас теперь такой цензор, который смотрит в корень вещей и которого не проведешь — он, между прочим, не выносит статей нашего общего друга [3]. Я, кстати, послал тетушке [4] эти статьи, и она потом перешлет их вам, но так как я не знаю, предоставлены ли они мне в собственность, то я прошу принять во внимание, что они во всякое время могут быть потребованы обратно. Вообще «Начало» уже не долго просуществует и тогда, но тогда... мы посмотрим» [5].

Известия о постоянных атаках на журнал из ведомственных сфер и о безнадежности создавшегося вокруг него положения быстро докатились и до далекого села Шушенского. В своем письме к матери М. А. Ульяновой В. И. Ленин 20 мая 1899 г. сообщает, что «получил майскую книжку «Начала» — урезан-

---

[1] Статья Г. В. Плеханова «Об искусстве» была передана П. Б. Струве в корректуре М. Филиппову, издателю «Научного Обозрения», поместившему ее в своем журнале. В Доме Плеханова хранится письмо М. Филиппова к Плеханову от июля 1899 г. относительно этой статьи.

[2] Под «знатными иностранцами» могли разуметь политического эмигранта Плеханова, Водена, Д. Сатурина и путешествовавшего за границей В. Ф. Тотомианца.

[3] А. Н. Потресов.

[4] А. М. Калмыкова.

[5] Письмо хранится в Доме Плеханова в Ленинграде.

ную изрядно. В ней, кажется, особенно интересного ничего нет. Я теряю надежду на выздоровление этого журнала. Мне писали, что министерство внутренних дел затребовало от редакции раскрытия псевдонимов авторов статей в первой и апрельской книжках. Интересно бы знать, не было ли среди этих «раскрытых» общих наших знакомых» [1].

Более подробно излагает ход дела в письме к своему корреспонденту А. А. Луговому редактор Л. М. Калмыкова:

«Многоуважаемый Алексей Алексеевич, не писала вам вчера потому, что решительного известия о закрытии журнала еще нет, но из достоверных источников знаем, что состоялось. Июньскую книгу набрали, но печатать не будем, так как после состоявшегося решения книгу не выпустили бы. Так это было и с «Новым словом». Финансовые затруднения огромные... На сегодня больше слов нет, так тяжело и злобно на душе» [2].

Между тем дело об апрельской книжке, продвигаясь по административным инстанциям, приобретало все более сложный характер.

Итак, дело дошло до Комитета министров, и Комитет не замедлил принять надлежащую резолюцию. По заслушании доклада министра внутренних дел, Комитет постановил следующее: «Комитет не может не принять во внимание, что запрещение отдельного номера периодического издания является целесообразным при том условии, если помещение в нем статей предосудительного содержания об'ясняется случайными причинами и не дает повода предусматривать необходимость в ближайшем будущем вновь прибегнуть по отношению того же издания к подобной принудительной мере.

Между тем в вышедших уже номерах журнала «Начало», по мнению государственного секретаря, разделяемому министром юстиции и прочими членами Комитета, с ясностью выразилась программа издания, не оставляющая сомнения в тех противогосударственных целях, которые журналом преследуются.

Полагая в основание своих взглядов и суждений недовольство существующим порядком и стремясь поколебать доверие к правительству, журнал прибегает к тенденциозному освещению всех затрагиваемых им вопросов внутренней жизни России.

В помещенных же в апрельской книжке руководящих статьях открыто высказывается сочувствие социальной революции, причем устанавливается принадлежность участников журнала к «безымянной Руси» и преемственная связь издания с нигилистами

---

[1] В. И. Ленин. «Письма к родным (1894—1919)». Гиз, 1931, стр. 215.

[2] Из неопубликованного архива А. А. Лугового. Письмо датировано 10 июня 1899 г. и хранится в Институте новой русской литературы (ИНЛИ) Академии наук СССР.

и анархической партией, действовавшей в конце 70-х и начале 80-х годов.

При этом, восставая против основ всего современного экономического строя, журнал «Начало» придерживается крайнего материалистического направления, пытаясь опровергнуть важнейшие религиозные верования и подорвать уважение к принципу семейного союза.

Такое направление журнала «Начало», выразившееся притом с решительностью и даже дерзостью, далеко превосходящими все то, что доныне дозволяли себе подобного рода издания, вынуждавшие тем не менее правительство к прекращению дальнейшего их выхода в свет, придает деятельности рассматриваемого журнала характер открытой революционной пропаганды.

Признавая посему необходимым, в виду несомненного общественного вреда сего издания, принять немедленные меры к прекращению его, Комитет, за выраженным тайным советником Горемыкиным согласием, положил: 1) выпуск в свет книги ежемесячного журнала под заглавием «Начало», год I, кн. 4, апрель 1899 г. С.-Петербург. Типография И. Н. Скороходова, на основании статьи 149 Устава о цензуре и печати т. XIV Свода законов, издания 1890 г., воспретить, и 2) предоставить министру внутренних дел вопрос о совершенном прекращении журнала «Начало» направить установленным в примечании к статье 148 т. XIV Устава о цензуре и печати, издания 1890 г.. для подобного рода дел порядком.

О таковом направлении, данном сему делу, Комитет полагает довести до высочайшего его императорского величества сведения» [1].

Итак, дело дошло до Николая II. 11 июня 1899 г. царю был представлен журнал Комитета министров, в котором было запротоколировано мнение Комитета, и царь в этом деле никакого «своего мнения» не обнаружил.

Между тем редакции стало уже известным, какой оборот приняло дело с апрельской книжкой. В письме от 13 июня 1899 г. А. М. Калмыкова сообщает А. А. Луговому о положении дел внутри редакции.

«Многоуважаемый Алексей Алексеевич, — пишет она, — спасибо вам за дружеское слово, которое всегда так дорого в тяжелые минуты. Вся ваша рукопись будет храниться у меня. Завтра пойду в редакцию, если возможно, добуду из типографии сверстанные листы. Вышлю также оттиски майской. — В решении не печатать июньской книги (уже совершенно набранной)

---

[1] «Выписка из журналов Комитета министров 1 и 15 июня 1899 г.», вложенная в дело Главного управления по делам печати за № 86.

принималось в расчет не портить дальше произведений авторов, так как книге не пришлось бы увидеть свет. Делаем попытку сохранить право на издание. Г-жа Воейкова подаст заявление, что прерывает на время издание в виду невозможности преодолевать цензурные затруднения. Но выйдет ли что... Теперь тяжелый долг удовлетворить подписчиков...»

А. А. Воейкова действительно подала 15 июня заявление на имя министра внутренних дел. В нем бывшая редактор-издательница писала о «сознанной невозможности продолжать издание журнала» и о решении «приостановить выпуск в свет этого издания» с передачей «издательского права другому лицу» [1].

Однако заявление Воейковой о добровольном закрытии было оставлено без последствий, так как дело пошло на рассмотрение министров внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора святейшего синода.

22 июня решением четырех министров журнал «Начало» был закрыт окончательно, при чем министры обнаружили настолько вопиющее невежество, что не смогли отличить марксизм от анархизма. Мотивировка министров состояла в том, что журнал «является органом анархического учения, именуемого русским марксизмом и стремящегося к ниспровержению существующего государственного, религиозного и экономического строя».

Об'явление о запрещении этого проводника «анархических» идей было дано в № 138 «Правительственного Вестника», от 23 июня 1899 г. Подобного же рода заметки промелькнули и в других изданиях. Журнал «Право» писал: «министры: внутренних дел, народного просвещения и юстиции и обер-прокурор святейшего синода, на основании примечания к статье 148 Устава о цензуре и печати (Свод законов, том XIV, изд. 1890 г.), в совещании 22 сего июня постановили: совершенно прекратить издание журнала «Начало», выходящего в свет в С.-Петербурге» [2].

В. Гольцев начинал свою статью «Литературные отголоски», напечатанную в «Курьере», с того заявления, что «новые книжки журналов или запоздали, или, как майская книжка «Начала», заключают в себе начала романов и повестей. «Начало» к тому же, по заявлению редактора журнала г-жи Воейковой, приостанавливаются на неопределенное время» [3].

Но этим еще не ограничивалась кара, постигшая журнал. 1 июля из Главного управления по делам печати был разослан особый циркуляр за подписью М. Соловьева, извещавший о том, что министр внутренних дел «признал необходимым из'ять из

---

[1] Дело Главного управления по делам печати № 86.
[2] «Право», 1988, 4 июля, № 27, отдел «Хроника», стр. 1378.
[3] «Курьер», 1899, № 167, стр. 3.

обращения в публичных библиотеках и общественных читальнях издававшиеся в Спб. журналы «Новое Слово» (за 1896 и 1897 гг.) и «Начало» [1].

Сугубое же внимание было обращено на злополучную апрельскую книжку. 3500 экземпляров четвертого номера было уничтожено 19 июля 1899 г. на писчебумажной фабрике Печаткина. Каким способом было уничтожено такое количество об'емистых томов, совершенно неизвестно; были ли они сожжены или обращены в бумажную массу, выяснить нельзя, так как архивное дело не дает об этом никаких сведений. Можно лишь предполагать, что применялся последний способ, так как вся процедура происходила в присутствии властей на писчебумажной фабрике. Но, так или иначе, предполагалось, что апрельская книжка уже никогда больше не поступит в обращение.

Однако предположение это осуществилось лишь отчасти.

Дело в том, что расправа, произведенная над апрельской книжкой, не коснулась случайно нескольких экземпляров ее. Один такой экземпляр-уник нам удалось обнаружить, и мы, пользуясь тем, что этот номер журнала совершенно неизвестен в научной литературе, постараемся в дальнейшем последовательно изложить его содержание.

---

[1] Дело Главного управления по делам печати № 86.

ГЛАВА III

Как уже известно из предыдущей главы, научно-экономический отдел первой книги «Начала» был как раз тем, который привлек к себе наибольшее внимание цензуры, в результате чего конструкция отдела оказалась нарушенной.

После из'ятия статьи Потресова, остался ряд разрозненных децентрализованных статей, долженствовавших подтвердить на материале общие положения А. Н. Потресова. Такими статьями являлись: «Заработная плата и земельная рента в русском земледельческом хозяйстве», П. Маслова; «Что такое оскудение центра?», самарского статистика В. Ионова; «Попытки артельной организации крепостных крестьян», П. Б. Струве; «Споры о фабрике и капитализме», М. И. Туган-Барановского; «Отголоски русской жизни», В. Богучарского, и другие.

Что же касается статьи А. Н. Потресова, то, будучи изятой из широкого обращения, она все же в листах ходила по рукам среди марксистских кружков и групп, вызывая в них оживленное обсуждение. Это обстоятельство и служит причиной того, что прежде, чем перейти к анализу социально-экономических статей первого номера, мы остановимся на рассмотрении потресовского очерка.

Этюд Потресова носит ярко декларативный характер. В нем автор, внешне солидаризируясь с В. И. Лениным (Ильиным), высказавшим по вопросу о «наследстве» свои взгляды в книге «Экономические этюды и очерки»[1], выступал против идеологов народничества (П. Гриневича-Якубовича, Н. Михайловского, С. Южакова и др.), признавая основоположниками марксизма в России радикальных разночинцев-шестидесятников: Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и др.

Но А. Н. Потресов не ограничился генетическим толкованием корней русского марксизма. В его статье, по словам цензора, «...новое социальное направление вполне открыло свои карты,

---

[1] См. статью; «От какого наследства мы отказываемся?» Сочинения, т. II.

Направление «отщепенцев» теперь стремится к социальному перевороту — созданием, искусственным образованием рабочего пролетариата, который, как на Западе, сложился бы в определенный воинствующий общественный класс. В этих целях марксисты защищают капитализм и доказывают, что он представляет прогрессивное явление, хотя он и разоряет и обезземеливает народ, оттого они и выступают так яростно против сельской общины... Пролетариат, коего идейным выразителем хочет быть марксизм, желает быть распорядителем будущего России и вполне уверен, что наступление его не за горами. Марксизм считает себя выразителем ответа на современное: «что делать?». Итак, вопрос: «что делать?» ставился в статье А. Потресова, ответы же на этот вопрос по отношению к современному народничеству содержались в других статьях журнала, оперировавших на определенных социально-экономических участках, в областях сельского хозяйства, права, фабрично-заводского строительства и т. д.

Интересно еще одно обстоятельство, связанное со статьей А. Н. Потресова. Как уже говорилось, в ней имеется упоминание о статье В. И. Ленина. «Вл. Ильин в своей недавно вышедшей весьма ценной книжке «Экономические этюды и статьи» одну из статей посвятил вышеназванному вопросу, а именно — статью «От какого наследства мы отказываемся?»

Во многом соглашаясь с ее автором, мы считаем полезным подойти к той же теме, так сказать, с другого конца и наметить — только наметить — некоторые вопросы, могущие, по нашему мнению, пролить свет на состояние нашей современной журналистики. Мы озаглавили бы нашу тему так: Какое наследство мы принимаем?»[1] (подчеркнуто А. Н. Потресовым. — *А. и Д*).

По поводу этого замечания, оброненного А. Н. Потресовым в его статье, имеется интереснейшее письмо В. И. Ленина к автору. В. И. Ленин, находившийся тогда в ссылке, в селе Шушенском, получил рукопись статьи о «наследстве» и в письме от 26 января 1899 г. поспешил ответить А. Н. Потресову. Письмо это имеет совершенно исключительную ценность, так как в нем, быть может, впервые обнаружились разногласия между В. И. Лениным и будущим меньшевиком А. Н. Потресовым. Вот что писал В. И Ленин: «...Насчет «наследства» я должен был согласиться с вашим мнением, что считать его за нечто единое — плохая традиция плохих (80-х) годов. Действительно, мне, пожалуй, за историко-литературные темы браться бы не следовало... Мое оправдание — только то, что ведь принимать наслед-

[1] А. Потресов. Назв. соч., стр. 76—77.

ство от Скалдина именно я нигде не предлагаю [1]. Что принимать наследство надо от других людей — это бесспорно. Мне сдается, что защитой (от возможных нападений противника) для меня будет примечание на стр. 237, где я имел в виду именно Чернышевского и мотивировал причины неудобства взять его для параллели [2]. Там же признано, что Скалдин — liberalkonservativ, что он «не типичен» для 60-х годов, что типичных писателей взять «неудобно», у меня не было статей Чернышевского и нет, да и не переизданы еще главные из них, да и вряд ли бы сумел обойти при этом подводные камни. Затем еще защищаться бы стал тем, что ведь я дал точное определение того, что я разумею под «наследством», о котором веду речь. Конечно, если статья производит все-таки впечатление, что автор предлагает принимать наследство именно от Скалдина, то этого недостатка ничем не исправишь. Забыл еще едва ли не главную свою «защиту»: если Скалдин «раритет», то буржуазный либерализм, более или менее последовательный и чистый от народничества,— не раритет, а очень широкая струя 60-х и 70-х годов. Вы возражаете: «от совпадения до преемственности дистанция огромного размера». Но ведь суть статьи в том, что-де необходимо очистить буржуазный либерализм от народничества. Если это верно и если осуществимо (особенно важное условие), тогда результатом очистки, остатком после очистки будет именно буржуазный либерализм, не только совпадающий со скалдинским, но и преемственный по отношению к нему. Так что ежели меня будут изобличать, что от Скалдина я принимаю наследство, то я в праве буду ответить, что я обязуюсь лишь очищать его от

---

[1] Скалдин (Ф. Еленев) — сотрудник некрасовских «Отечественных Записок». Его работу «В захолустье и в столице» проанализировал В. И. Ленин в своей статье «От какого наследства мы отказываемся?» К середине 90-х годов Скалдин перекочевал в лагерь политической реакции, а к моменту написания В. И. Лениным настоящего письма он уже занимал должность члена Главного цензурного комитета.

[2] В этом примечании В. И. Ленин ясно и четко писал следующее: «Нам возразят, пожалуй, что Скалдин не типичен для 60-х годов по своей вражде к общине и по своему тону. Но дело тут вовсе не в одной общине. Дело в общих всем просветителям воззрениях, которые разделяет Скалдин. Что же касается до его тона, то он, действительно, пожалуй, не типичен по своей спокойной рассудительности, умеренности, постепеновщине и т. д. Недаром Энгельс назвал Скалдина liberalkonservativ. Однако, взять представителя наследства с более типичным тоном было бы, во-первых, неудобно по разным причинам, а во-вторых, могло бы породить недоразумение при параллели с современным народничеством. По самому характеру нашей задачи, т о н (в противоположность пословице) н е д е л а е т м у з ы к и, и нетипичный тон Скалдина тем резче выделяет его «музыку», т. е. содержание его взглядов. А нас только это содержание и интересует. Только по содержанию взглядов (отнюдь не по тону писателей) мы и намерены провести параллель между представителями наследства и народниками современной эпохи».

примесей, а сам-то я в стороне стою, и, кроме чистки разных авгиевых дворов, у меня еще более приятные и более положительные занятия есть... Ну, я, кажется, уже увлекся и вообразил себя и вправду «защищающимся» [1].

Интересно и то, что впоследствии А. Н. Потресову еще раз довелось вернуться к статье В. И. Ленина и заново «переоценить» ленинскую точку зрения на корни русского марксизма и его (марксизма) отношение к наследству. Но на этот раз оценка Потресова была далеко не столь сдержанной, как это имело место в 1899 году.

Литературно-политическое продолжение этого разногласия заключалось в том, что через шесть лет, в связи с расколом партии на большевиков и меньшевиков и по поводу этого раскола, А. Н. Потресов вернулся в «Искре» к статье Ленина, пытаясь почерпнуть в ней доказательство «узости» и лишенного исторического чутья «рационализма» ленинского марксизма. При этом сотрудник меньшевистской «Искры» благоразумно умолчал, конечно, о тех хорошо известных ему обстоятельствах, которые заставили Владимира Ильича остановиться на Скалдине, как на представителе буржуазного либерализма 60-х годов, и на тех оговорках, которые ввел в свою статью Владимир Ильич и которые повторены и подчеркнуты им в этом письме. Полемическая выходка А. Н. Потресова сделана им в статье «Наши злоключения», помещенной в № 98 «Искры» за 1905 г. Владимир Ильич на нее не ответил [2].

В чем же заключалось основное расхождение между ленинской и потресовской точками зрения на «наследство»? Мы уже писали во введении, что в 90-х годах, т. е., задолго до официального оформления большевизма и меньшевизма, в легальной (а тем паче в нелегальной) литературе «учеников» уже намечались те расхождения по основным вопросам, которые в 1903 г. привели к окончательному расколу партии.

Статья А. Н. Потресова «О наследстве и наследниках» была именно одним из таких ранних документов меньшевизма, в котором обычная затем меньшевистская концепция народничества получила уже свое последовательное изложение и развернутое обоснование. Правда, в своем этюде А. Н. Потресов, касаясь ленинской системы взглядов на народничество, говорит лишь о некоем формальном расхождении с В. И. Лениным, о желании подойти с другого конца, чем это сделано В. И. Лениным в его статье, и поставить вопрос не об отказе от «наследства», а о принятии его.

---

[1] «Ленинский сборник», IV.
[2] Там же. Из комментария к письму В. И. Ленина А. Н. Потресову.

Но, начав с формального несогласия, А. Н. Потресов очень быстро перешел к созданию целой системы взглядов на народничество, резко противоречащей ленинскому пониманию народничества. Для А. Н. Потресова ни разу не встает вопрос о крестьянской подоплеке русского народничества, народник для него — это «отщепенец», нигилист, интеллигент-разночинец 70-х годов, и притом не революционер, воплощающий демократические чаяния крестьянства, а «революционер», опускающийся с высоты интеллигентского протеста в народные толщи и там разбивающийся о косность и идиотизм деревенской жизни. Меньшевистские легенды о надклассовости интеллигенции, о наследнике, как социалисте-утописте, а не идеологе мелкобуржуазных крестьянских масс, находят здесь свое раннее воплощение. Кризис народничества во второй половине 80-х годов и в 90-х годах — это (для А. Н. Потресова) не следствие усиленной дифференциации крестьянства и роста промышленного пролетариата, а результат отмирания интеллигентского «отщепенства» в связи с правительственной реакцией в 80-х годах. Современное народничество упадочно, и с ним надо бороться, — этот общий тезис всех «учеников» (и даже «критиков»), разумеется, всеми основными группами «учеников» понимаемый по-разному и с разных классовых позиций выдвигаемый, является и для потресовской статьи ударным тезисом в отношении к текущему моменту. Но антагонист современного народничества (переставшего быть «отщепенством» и отказавшегося от «наследства») — марксист, по А. Н. Потресову, в своей основе тоже «отщепенец», надклассовый интеллигент-разночинец, руководящий революционным движением пролетариата. Так формулируется А. Н. Потресовым проблема принятия «наследства». Как видим, она по всей своей «логике» чужда и враждебна принципам ленинской партийности. В ее основе заложены зерна будущего потресовского отрицания пролетарского характера РСДРП и партии большевиков, покоящегося на меньшевистско-потресовском утверждении надклассовости и вечности разночинного «отщепенства», неизменного в своей сути и лишь меняющего идейные «одежки» (народничество-марксизм). Статья А. Н. Потресова глубоко противоречит ленинскому пониманию русского исторического процесса и классовой динамики в нем.

Что же побудило цензуру напасть с такой яростью на потресовский этюд? Дело заключалось в том, что, во-первых, А. Н. Потресов от имени марксизма «воскрешал» страшные царскому самодержавию имена народников-семидесятников, поднимая их на щит, а во-вторых, в отличие от реформизма П. Б. Струве и к°, статья А. Н. Потресова, хотя и неверно трактовала семидесятников, как революционеров-интеллигентов, а не выразителей кре-

стьянской революции, но все же говорила (хотя и эзоповым языком) о революции.

Пресса очень скудно отозвалась на появление нового издания. Довольно сдержанный отзыв находим в газете «Курьер». Вот он:

«...первая книжка «Начала» или, вернее, первые две, соединенные в одну, — очень интересно составлены. В них заметно преобладание экономических статей, есть и обычные журнальные отделы. Журнал уделяет много места провинциальной жизни, печатая, кроме писем из провинции, особое провинциальное обозрение» [1].

Наиболее резкий отклик находим в суворинской газете «Новое Время». «Новое Время», напечатавшее статьи Н. Энгельгардта «Письма о деревне» и «Из дневника», помещало как раз в это время его же «Письма о марксизме», в которых бойкий журналист стремился доказать читателям, что «марксизм в жизни — верование... со всеми крайностями, само себя подчас не понимающее, с идолами и кумирами, с гамом и неразберихой», что «и в литературе марксизм далеко не стройная теория и не без примеси юношеского шарлатанства, отвлеченной жестокости и прямолинейности». Поэтому совершенно естественно, что издание, в течение многих лет державшееся той точки зрения, что теории марксизма, как таковой, в природе вообще не имеется, а «есть только горсть афоризмов», не могло не встретить новый марксистский орган явной неприязнью.

«Народился новый журнал «Начало». Как «просто» журнал, он не хуже хотя бы «Мира Божьего». Но как «марксистский», этот журнал неоспоримо свидетельствует, что новое «направление» окончательно выболталось. Даже прежнего юношеского задора не осталось» [2], — писало «Новое Время» в заметке, посвященной «Началу».

Вообще буржуазно-дворянская пресса сразу же усвоила в отношении «Начала» резко отрицательный тон. При этом, полемизируя с марксистами, буржуазно-дворянские экономисты и социологи стремились критику, основанную на анализе литературного материала своих противников и их исследовательского метода, заменить глумлением над «марксятами», как «недоумками», или полупрезрительным игнорированием их продукции, как это имело место в редактировавшемся С. Шараповым органе аграриев-консерваторов — «Русский Труд». В заметке, посвященной текущей журналистике, газета писала: «вышло «Начало», которое мы уже имели случай приветствовать в отде-

---

[1] «Курьер», 1899, № 114, стр. 2, статья «Журнальные отголоски» (подписана: Ляр).

[2] «Новое Время», 1899, № 8270, «Среди газет и журналов».

ле «Шутки ради». Если от нас ждут серьезного разбора этой толстейшей книги, то мы заранее отказываемся. У нас так много дела, серьезного, живого дела, что читать чуть не тысячу страниц заведомого пустословия было бы напрасною тратою времени. Отметим лишь одно местечко, непосредственно касающееся «Русского Труда». Гг. марксисты говорят, что аграрии обзавелись своим органом, и что этот орган — наша газета. Смеем уверить «Начало», что мы ровно столько же аграрии, сколько сторонники и защитники крупной промышленности, сколько защитники мелкой земельной собственности и, наконец, рабочего класса. Мы не знаем в России никакой «классовой борьбы» или «классовой этики», мы признаем лишь такие деления, как «дело» и «пустословие», «ум» и «глупость», «народная польза» и «народный вред». Мы ищем гармонии интересов, а не борьбы одной группы интересов с другими, потому мы едва ли когда-нибудь даже поймем хитроумные, но совершенно пустопорожние рассуждения гг. марксистов» [1].

И такова была позиция в основном всей реакционной прессы в отношении «Начала» за все время его существования.

Подлинная же критика журнала (хотя и протекавшая в резко-полемическом тоне) велась со стороны народников, тщательно рассматривавших статейный материал «Начала» и не ограничивавшихся шельмованием или улюлюканием на манер «Нового Времени». Такая критическая манера народнической прессы в отношении «Начала» была вполне закономерной, ибо, во-первых, почти в каждой статье журнала народники находили прямой или косвенный выпад против их работы во всех областях общественной деятельности, и во-вторых (и это самое главное) — борьба народников с марксистами никогда не была простым схоластическим спором, а имела первостепенное политическое значение, так как ее исходом определялось, на чьей стороне окажется главенство в революционном, «общественно-освободительном» (для народников «младшего» поколения и для легальных марксистов) движении.

В первой книжке журнала появилась также статья С. Н. Булгакова «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия». Редакция, повидимому, высоко ценила эту статью: ею открывался общественно-экономический отдел «Начала». Статья Булгакова, оконченная во второй книге (№ 3) «Начала», была направлена против аграрного учения германского социал-демократа, видного в то время теоретика марксизма — Карла Каутского. С. Булгаков был не случайным сотрудником «Начала». Он перешел в него из «Нового Слова» и был очень близок к редакции обоих журналов. Появление статьи Булгакова, являв-

[1] «Русский Труд», 1899, № 10—11.

шейся в сущности одним из первых документов русского ревизионизма, весьма недвусмысленно вскрывало лицо легального марксизма. Особенно скандальный характер приобретала она в связи с тем, что появилась в момент обостренной борьбы с бернштейнианством. Но в напечатании статьи была заинтересована редакция, т. е., П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский, и это было весьма характерным в развитии легального марксизма. Речь об этом будет ниже.

В либерально-буржуазной печати, как того и следовало ожидать, статья С. Н. Булгакова получила радушный прием. Ее сравнивали даже с работами приват-доцента Н. А. Каблукова, что отнюдь не делало чести сотруднику марксистского журнала. Положительную оценку статьи С. Н. Булгакова находим в «Курьере»: «... г. Булгаков и г. Каблуков, — пишет газета, — приходят к одному выводу: и тот и другой указывают на особенную природу сельскохозяйственной жизни, на то, что процесс ее развития противоположен процессу развития обрабатывающей промышленности. Любопытно еще, что г. Булгаков относится неодобрительно к позиции, занятой Каутским, который стал спиной к сельскому хозяйству, как представитель исключительных интересов промышленного пролетариата. Такая позиция вытекает из взглядов Каутского о второстепенной роли и несамостоятельном развитии сельского хозяйства, но, как мы видели, г. Булгаков относится отрицательно и к этим взглядам» [1].

На В. И. Ленина, находившегося, как уже выше указывалось, в ссылке, статья С. Н. Булгакова произвела еще в своей первой половине (№ 1—2) угнетающее впечатление.

В письме к сестре А. И. Елизаровой, от 4 апреля 1899 г., В. И. Ленин писал: «... «Начало», № 1—2, получил, наконец, от товарищей (пожалуйста, подпишись для нас на журнал, если еще не подписалась. Я сделал сугубую глупость, положившись опять на écrivain'a [П. Б. Струве. — *А. и Д.*]. Надеюсь, впредь так глуп не буду). В общем очень понравилось... Булгаков же меня просто взбесил: такой вздор, сплошной вздор и такая бесконечная претенциозность, что это чорт знает что такое. Недаром его уже похвалили в «Сыне Отечества». Посмотрим, как он кончит. Я думаю писать «о книге Каутского и о статье г. Булгакова» [2].

Прочитав ее окончание в № 3 «Начала» (книга вторая), он не только поспешил сообщить свое мнение о статье в письме к своему корреспонденту А. Н. Потресову, но и написал две контр-статьи, которые отправил в редакцию «Начала». Обе эти

---

[1] «Курьер», 1899, № 114.
[2] В. И. Ленин. «Письма к родным (1894—1919)». Гиз, 1931, стр. 202.

статьи (о них Ленин упоминает в нижеприводимом письме к А. Н. Потресову) не были напечатаны в «Начале» и появились в №№ 1 и 2 журнала «Жизнь» за 1900 год [1].

А. Н. Потресову В. И. Ленин писал следующее:

«Начну с того, что меня теперь наиболее интересует и волнует, со статей Булгакова в 1, 2 и 3 книжке «Начала». Прочитав ваш отзыв о нем, я несказанно обрадовался, что встретил сочувствие в самом существенном, — тем более обрадовался, что со стороны редакции, видимо, не очень-то доводится рассчитывать на сочувствие... Если на вас статья Булгакова произвела «отталкивающее» впечатление и «жалкое», то меня она привела прямо-таки в исступление. До сих пор, сколько я ни читал и перечитывал Булгакова, я решительно не могу понять, как мог он написать такую сплошную вздорную и до невозможности неприличную по тону статью и как редакция сочла возможным не оградить себя хоть единым замечанием от солидарности с таким «разносом» Каутского. Я так же, как и вы, уверен, что публика совершенно (именно) сбита с толку и недоумевает. Да и как же ей не недоумевать в самом деле, когда ей об'являют — от лица «современной науки» (№ 3, стр. 34)—что у Каутского все неверно, произвольно, социальное чудо, «одинаково мало настоящей агрономии и настоящей экономии» (№ 1—2) и пр., при чем Каутский не излагается, а прямо извращается, а собственных воззрений Булгакова, как сколько-нибудь связанной системы, совершенно не видно. Будь у человека сколько-нибудь чувства партийности, сознания ответственности перед всеми Genossen и перед всей их программой и практической деятельностью — он бы не решился так наездннически «наскакивать» (по верному вашему выражению), ничего сам не давая, а лишь обещая... ученый труд об «Остэльбии». Он чувствует себя, очевидно, свободным от всяких товарищеских обязанностей и ответственности, свободным и индивидуальным представителем профессорской науки. Я не забываю, конечно, что при российских условиях нельзя требовать от журнала допущения одних Genossen и исключения остальных, но ведь такой журнал, как «Начало», все же не альманах, допускающий марксизм собственно из моды (à la «Мир Божий», «Научное Обозрение» и пр.), а орган направления. Я прочитал книгу Каутского еще до появления статьи Булгакова и не нашел у последнего н и о д н о г о сколько-нибудь осмысленного возражения против Каутского, а извращений мыслей и тезисов Каутского — массу. Например, что за вздор утверждения Булгакова, будто Каутский смешивает технику и экономику, будто он доказывает «гибель земледелия» (№ 3, стр. 31). Каутский прямо говорит обратное

[1] См. В. И. Ленин. Собр. соч., т .IX.

(там же, стр. 289), будто он отрицает за земледелием тенденцию развития (№ 3, стр. 34) и т. п. Я уже написал и недели две тому назад отправил в редакцию первую статью — «Капитализм в сельском хозяйстве (о книге Каутского и о статье г. Булгакова)», и теперь берусь за вторую, по поводу окончания статьи Булгакова. Сильно побаиваюсь, что П. Б. Струве отвергнет ее, ссылаясь либо на большой об'ем (она выходит больше статьи Булгакова, потому что мне надо, во 1) мотивированно опровергать такие голословные и небрежно брошенные вердикты, как, например, заявление, что Маркс ошибался, уча об уменьшении отношения v/c в земледелии; во 2) потому что необходимо излагать Каутского), либо на нежелательность полемики (я, конечно, не употребил в статье ни одного ругательного выражения вроде тех, какие есть выше, и вообще постарался о том, чтобы личного против Булгакова ничего не было. Вообще тон нисколько не резче, чем в статье моей против Туган-Барановского о теории рынков). Очень рад бы был слышать ваше мнение, когда вы прочтете книгу Каутского и дочитаете Булгакова: что именно находите вы у Булгакова «верным» и полагаете ли вы, чтобы возможно было оставить статью Булгакова в журнале без ответа.

Вообще вся эта «новая критическая струя» в марксизме, которой увлекаются Струве и Булгаков (П. Б. Струве наверное за Булгакова), мне кажется подозрительной: громкие фразы о «критике» против «догмы» и пр. — и ровно никаких положительных результатов критики [1]. Впрочем, для составления статьи à la булгаковская требовалось, кроме «критицизма» и симпатий к профессорской «современной науке», еще бестактность до nec plus ultra. А выходка Булгакова (№ 3, стр. 34, примечание) против теории Zusammenbruch'a [2], без всякого упоминания о Бернштейне и с безаппеляционностью «ученого» декрета!» [3].

Впечатление, произведенное на В. И. Ленина статьей С. Н. Булгакова, было настолько сильно, что его негодование в дальнейшем не только не понизилось, а, наоборот, лишь возросло.

---

[1] Под «новой критической струей», которой увлекаются Струве и Булгаков, Ленин имеет в виду критическую концепцию неокантианства.

[2] Под «общественным Zusammenbruch ом. о котором писал Булгаков, следует понимать социалистическую революцию. О том, что «представление об общественном Zusammenbruh''e, который сразу обновит и изменит современную экономическую организацию..., непримиримо с современным состоянием науки и прежде всего с материалистическим пониманием истории» (С. Булгаков), впервые заговорил отец ревизионизма Эдуард Бернштейн.

[3] «Ленинский сборник», IV, стр. 20—22. Письмо датировано 27 апреля 1899 г. Ссылки на номера и страницы относятся к журналу «Начало». Ссылки на Карла Каутского сделаны по немецкому изданию его книги „Agrarfrage" («Аграрный вопрос»).

Отправленные им ответные статьи показались ему даже чересчур мягкими, а тон их излишне академичным.

«Перечитал, — писал В. И. Ленин, — сейчас конец своей статьи против Булгакова в черновике... и увидел, что там мой тон — примирительный: «...Я, мол, «ортодоксальный» и решительный противник «критиков» (это я сказал прямо), но не надо преувеличивать этих разногласий (как это делает г. Булгаков) пред лицом общих врагов». Весьма может быть, что этот «примирительный» тон (я изо всех сил старался смягчить себя и полемизировать, как Genosse) окажется неуместным или даже смешным... если «критики» вызовут окончательную размежовку. Я оказался бы тогда «без вины виноватым»: не видев книги Бернштейна, не зная в с е х взглядов «критиков», находясь на «приличном» расстоянии, я смотрел еще (когда писал эту статью) совсем «по-старому», просто как сотрудник «Начала»...» [1].

Как видим, В. И. Ленин нападал на С. Н. Булгакова отнюдь не как на заблуждающегося марксиста, но гениально разгадал в нем органического ревизиониста и буржуазного реформиста. Будущее блестяще оправдало предвидения В. И. Ленина, ибо ревизионистский уклон статьи о К. Каутском очень скоро воплотился в законченную апологию «критицизма» в диссертации С. Н. Булгакова «Капитализм и земледелие» (1900 г., 2 тт.), с ее основным лозунгом пересмотра марксового закона концентрации в приложении к аграрному вопросу («в земледелии никакой концентрации не происходит, но с чрезвычайной силой выступают децентрализующие тенденции»), а затем и в открытый отказ от марксизма (сб. «От марксизма к идеализму») и в его идеалистическую ревизию.

Статья М. И. Туган-Барановского «Споры о фабрике и капитализме» была полемическим ответом «моим критикам». В ней Туган-Барановский отвечает на нападки ряда экономистов, видевших в его работах о русской фабрике искажение действительности. Оппоненты Туган-Барановского — сотрудник «Вестника Европы» Л. Слонимский, Мякотин из «Русского Богатства», «развязный публицист» «Нового Времени»—Н. Энгельгардт, А. Котельников, сотрудник «Исторического Вестника» Б. Глинский, Н. Каблуков и некоторые анонимы.

В своем отзыве о первой книге «Начала» «Новое Время» подробнее всего остановилось на статье Туган-Барановского, причем с обычной для этой газеты полемической нечистоплотностью надергало ряд цитат из контекста и, соединив их воедино, представило Туган-Барановского недалеким и безграмотным экономистом.

---

[1] «Ленинский сборник», IV, стр. 35. Письмо В. И. Ленина А. Н. Потресову от 27 июня 1899 г.

«В книжке находим еще в газетах обещанный «ответ критикам» новоиспеченного доктора политической философии [1], всем известного Михаила Ивановича. Прежде всего Михаил Иванович об'ясняет, что в отличие от экономистов господствующей школы, сторонники нового направления видят в развитии капитализма процесс прогрессивный. Капитализм разоряет крестьянина (sic!), вызывает бегство от земли на фабрику, но этим самым он выдвигает на историческую арену новые общественные классы, новые силы (кулаков и мироедов!), которым и принадлежит будущее... Надежда на эти силы и делает нас оптимистами (sic!). Вот почему мы не ноем, как народники, над народными бедствиями, но и не замалчиваем этих бедствий, а стремимся с ними бороться (!?). Как и чем? «Доктор» не об'ясняет. Капитализм разоряет крестьянина, мы за капитализм, следовательно, стремимся бороться с народными бедствиями. Истинно «докторская» логика. Затем самый «ответ» сводится к одному: никто как есть во всей научной и публицистической литературе Михаила Ивановича не понял и понять не мог по невежеству и ограниченности. Ни г. Мякотин, ни г. Слонимский, ни г. Каблуков, «которому тоже предстоит сделаться доктором». Г. Слонимский легкомыслен, г. Мякотин «ничего не понимает» и должен читать «Мир Божий», чтобы просветиться [2]. Гг. Шарапов и Глинский и т. д. — о них и говорить нечего.

Никто меня не понимает...
Ах, никому меня не жаль!»

Такой тирадой разразилось «Новое Время» [3].

Из народников резче всех отозвался о статье М. И. Туган-Барановского Н. К. Михайловский. Делая обзор журналов «Начало» и «Жизнь», Н. К. Михайловский между прочим писал: «Самый непоколебимый из сотрудников обоих журналов есть бесспорно г. Туган-Барановский. Это типичный ортодоксальный русский «ученик», на которого, вероятно, с изумлением, а может быть, и с другим чувством, посмотрел бы учитель. Узкий до того, что едва ли имеет отчетливое представление о трех

---

[1] Намек на то обстоятельство, что М. И. Туган-Барановским незадолго до того (19 декабря 1898 г.) в актовом зале Московского университета была защищена докторская диссертация: «Русская фабрика в прошлом и настоящем».

[2] Для того, чтобы показать, насколько «Новое Время» искажало смысл слов Туган-Барановского, приведем соответствующее место из его статьи: «При таком положении дела остается одно — посоветовать непонимающим лучше ознакомиться с сочинениями противников. В частности г. Мякотину я рекомендовал бы прочесть переведенные в «Мире Божьем», кажется, за 1897 г., письма Энгельса в Конраду Шмидту. Эти письма многое ему раз'яснят, чего он теперь не понимает, и он, быть может, найдет ключ к моим «противоречиям».

[3] «Новое Время», 7 марта 1899 г., № 8270.

измерениях, в которых все мы живем, ясный до прозрачности, этот писатель ухитряется быть непонятным. По крайней мере, он сам это утверждает, напоминая собою великолепную м-м Гурмыжскую в тот момент, когда она говорит: «Меня никто не понимает, решительно никто; понимает меня только наш губернатор да отец Григорий». Г. Туган-Барановского понимает только г. Струве, который и не упускает случая подносить ему букеты славословия, в обмен, впрочем, на таковые же (вероятно, именно так и м-м Гурмыжская с губернатором беседовала). Поэтому-то г. Туган-Барановский и имеет вид величественного монумента самому себе, презрительно озирающего окрестности с чрезвычайно высокого пьедестала, о который бессильно разбиваются волны критики. Так вот этот самый монумент самому себе предпринял в «Начале» обзор некоторых течений русской литературы. Это только вступление к ответу «моим критикам» (между которыми — увы! — не оказалось ни нашего губернатора ни отца Григория), и так как г. Туган-Барановский естественно торопится перейти к самому себе, то историко-литературное вступление весьма кратко.

Однако искусное перо г. Тугана-Барановского и на малом пространстве начертало не мало значительных мыслей, в целом образующих путаницу» [1].

Статья М. И. Туган-Барановского, в которой решительно заявлялось, что «пока наши ученые экономисты, «социологи» и публицисты судили да рядили, громили русский капитализм и утешали себя доказательствами невозможности его развития, капитализм развивался и развивался», а народолюбивые интеллигенты могли противопоставить этой силе «одни благие намерения», естественно, вызвала неудовольствие в Цензурном комитете. «В других статьях журнала, — писал цензор, — доказывается, что Россия далеко уже шагнула по пути капитализма, что община не спасет народ от поглощения фабрикою, так как общинное и артельное устройство есть насильственное, противное духу русского народа».

Такими «другими статьями», кроме ответа Туган-Барановского, были: В. Ионов — «Что такое оскудение центра?», в которой оскудение об'яснялось «крушением мелкого земледельческого хозяйства», П. Маслов — «Заработная плата и земельная рента в русском земледельческом хозяйстве» и П. Струве — «Попытки артельной организации крепостных крестьян».

Из других статей на экономические темы назовем: Е. Варба [2] — «Земство и регулирование сельскохозяйственного найма»;

---

[1] «Русское Богатство», 1899, кн. 4, стр. 204—205.

[2] Е. Варб — литературный псевдоним Якова Федоровича Браве. Данная статья была посмертной, так как автор ее скончался за несколько

П. Румянцева — «К характеристике влияний неурожая на жизнь деревни», написанную по материалу, собранному в Мензелинском, Белебеевском и Бирском уездах Уфимской губернии, и проникнутую тою мыслью, что, «делая более интенсивным процесс расслоения деревни и процесс первоначального накопления капитала, неурожай расширяет, с одной стороны, внутренний рынок, увеличивая численность классов, потребляющих продукты не собственного производства, а рыночные, с другой стороны — сферу товарно-капиталистического производства (капитал и труд) достоянием отдельных классов общества»; а также Б. Авилова — «Новый опыт» экономической гармонии». Статья Б. Авилова, направленная против книги Н. Каблукова «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России», весьма резко ставит вопрос об этом скрытом народнике. Отправляясь от замечания В. И. Ленина о том, что некоторые народники прикрываются «другими названиями», чтобы «проводить под новым флагом старый хлам» [1], Б. Авилов остроумно высмеивает народника Каблукова, ежеминутно ссылающегося на Маркса, и опрокидывает ряд основных его положений.

Однако резкость тона Б. Авилова не понравилась «Курьеру», который дал вследствие этого уничтожающую оценку всей статьи. Газета писала: «Сколько-нибудь сериозной критики труда г. Каблукова статья г. Авилова не представляет. Она должна быть отмечена лишь в качестве весьма печального образца полной разнузданности полемических приемов автора. Такие выражения, как «благоглупости», «пороху не выдумал», «разгул фантазии, не сдерживаемой приличием и не смягчаемой эрудицией», «сущий вздор» и т. п., далеко не самые сильные в академическом словаре г. Авилова. Особенно язвительным кажется автору выражение «г. профессор» в применении к г. Каблукову. Мы не знаем, каким ученым званием обладает г. Авилов, но смеем уверить его, что в звании профессора нет ничего зазорного или смешного. Г. Авилов, между прочим, жалуется на «монотонное и неуклюжее изложение г. Каблукова». Мы этого мнения не разделяем, но, право, уж лучше монотонное изложение, чем такая развязность» [2].

Неодобрительным было также и отношение В. И. Ленина к этой статье Б. Авилова. Правда, В. И. Ленин не отвергал статьи в целом, но считал, что в ней «Б. Авилов слабоват, более хлесток, чем основателен».

В. И. Ленин сам предполагал написать для «Начала» статью о Каблукове, но в связи с напечатанием в первой книге статьи

дней до выхода в свет первой книги «Начала». Некролог Я. Ф. Браве, написанный В. Деном, см. во второй книге (№ 3) «Начала».

[1] В. Ильин (Ленин). «Экономические этюды и статьи».

[2] «Курьер», 1899, № 114, стр. 2, «Журнальные отголоски».

Б. Авилова отказался от этой мысли. «О Каблукове бросил план писать, не стоит 2-ю статью», — сообщал он А. И. Елизаровой [1].

Думается, что мотивом для В. И. Ленина здесь послужило как то, что Н. А. Каблуков не являлся для партийной ленинской критики настолько актуальным об'ектом, как С. Н. Булгаков, за которого он как раз собирался взяться, так и тот момент, что Б. Авилов, не вскрыв системы взглядов Н. А. Каблукова, все же правильно нащупал в них сочетание буржуазного либерализма с загнивающим народничеством.

Формально редактировавшийся А. Шеллером-Михайловым «Сын Отечества» (фактическим же редактором газеты был один из столпов воинствующего народничества «младшего» поколения — Сергей Николаевич Кривенко) весьма широко отозвался на экономические статьи «Начала». В № 74 этой газеты появился целый подвал с продолжением, под названием «Новый периодический орган». Статья была написана некиим П. О. Ст-им и в весьма бравурном тоне изображала «поражение» марксистов:

«Перед нами большой, с лишком в 40 листов, том, несколько напоминающий по внешнему виду «Отечественные Записки», но иной по содержанию, — это двойная книжка за январь и февраль новорожденного журнала «Начало». Состав книжки настолько любопытен и направление журнала так легко видно из нее, что мы считаем не лишним поделиться с читателем теми мыслями, которые родились у нас при чтении ряда интересных и талантливых статей новорожденного органа русской периодической литературы.

«Прежде чем говорить о содержании первой книжки нового журнала, мне хочется упомянуть о том, что в общественной жизни России оттеняли течения прошлого времени и насколько их позиция сохранила свое значение и в наше время... Я буду очень краток.

«Вопрос мужицкий вообще, а в частности — аграрный, для такой ультра-мужицкой страны, как Россия, составляет все», — так говорил в самом начале прошлого десятилетия журнал «Дело» (1881, № 2, стр. 136). Другой журнал, несколько иного направления, говорил: «если мы хотим жить, а не прозябать без веры, надежды и любви, то мы должны опереться на крестьянство»; в другой статье автор писал: «мы должны взять интересы народа за мерило при суждении о всех больших и малых общественных вопросах», — «интересы народа или, точнее, труда», — прибавим мы словами того же писателя для лучшего

---

[1] В. И. Ленин. «Письма к родным (1894—1919)». Гиз, 1931, стр. 202. Письмо датировано 4 апреля 1899 г.

уяснения смысла и содержания этих цитат. Из слов двух публицистов 70-х годов мы видим, какое громадное значение придавалось в то время деревенской России, положившей в высшей степени характерный и своеобразный отпечаток на направление русской общественной мысли. Нет особенной нужды упоминать, что, несмотря на быстрый рост промышленного развития и соответственное накопление национального богатства, экономическое положение дел в нашем отечестве далеко не настолько изменилось, чтобы можно было так, с легким сердцем, игнорировать общественное значение мужика, от которого тридцать лет тому назад, по выражению Гл. Успенского, «прохода не было»... Аграрный характер всего нашего общественного строя так резко бросается в глаза и так настойчиво заявляет о себе и в жизни и в литературе, что никакому серьезному направлению в области умственной жизни общества нет решительно возможности проходить мимо крестьянства, роняя по его адресу лишь полупрезрительный термин — «мелкий буржуа»...

«Особенно яркое и, пожалуй, несколько неожиданное (но тем более приятное) подтверждение этой мысли мы находим в составе первой книжки «Начала» — органа, которому надлежит, повидимому, заполнить пробел в русской периодической печати. Вышедшая книжка «Начала» наполнена почти целиком статьями, так или иначе трактующими о самых злободневных и жгучих вопросах экономии сельского хозяйства». Статьи по аграрному вопросу хотя «и далеко не однородны по конечным выводам и по достоинству аргументации, представляют уже потому громадный интерес, что писаны так называемыми марксистами, до сих пор безусловно ставившими над деревней крест и решавшими все ее жгучие интересы простой фразой об «идиотизме деревенской жизни»... Добрый знак — такое содержание книжки «Начала»: он указывает на серьезную эволюцию во взглядах литературных противников «народничества»...».

Наиболее удачными статьями сотрудник «Сына Отечества» считал ревизионистскую работу С. Булгакова и очерк П. Маслова. При этом рецензент выражал удовольствие также и по поводу того факта, что в журнале примет участие А. Санин. Он вспоминал статьи А. Санина в «Научном Обозрении» (1898. №№ 2 и 6), в которых автор между прочим писал, что «при всем коренном различии, при полной во многих отношениях противоположности между народничеством и материализмом, между тем и другим есть нечто сходное, одинаково свойственное им обоим, хотя и в не одинаковой мере и не в одинаковых проявлениях, а именно — как народничество, так и материализм представляют собою «идеологию труда», теоретическое представительство «интересов народа»; это две радикально р а з л и ч-

ные формы проявления одной и той же сущности» («Народничество прежде и теперь»).

Приведенная формулировка А. Санина несомненно являлась одним из вариантов меньшевистской концепции народничества. Выше, во введении, мы указывали на компромиссный характер меньшевистских взглядов на народничество, коренящийся в мелкобуржуазной природе и тех и других, и здесь придется отметить, что народнический критик не только уловил элементы «сближения» в словах А. Санина: надеясь на дальнейшее развитие элементов, он поспешил приветствовать сотрудничество марксиста-самарца А. Санина, в «Начале».

«Г. А. А. Санин, — радовался он, — значится в числе списка лиц, принимающих участие в журнале «Начало». Если его «успехи» здесь будут продолжением «успехов» в органе г. Филиппова, то мы искренне и от всей души желаем ему быть как можно более полезным в деле возвращения к «идеалам отцов и дедов»...».

В первой книге помещено пространное провинциальное обозрение В. Богучарского под названием «Отголоски русской жизни». В нем автор дает на основании газетных фактов резкую отповедь противникам марксизма и упорным защитникам ортодоксально-народнической теории о том, что в России еще нет достаточно тучной почвы для наступления капитализма. Среди таких противников В. Богучарским найдено несколько совершенно зоологических суб'ектов, вроде «дамы приятной во всех отношениях», народолюбивой госпожи Серафимы Аргамаковой, составившей «радикальный» рецепт «спасения» России от процесса капитализации в изданной ею в Полоцке книге — «Действительность, мечты и рассуждения провинциалки», или некоего Невского, — корреспондента екатеринбургской газеты «Урал». Серафима Аргамакова изобрела совершенно особый способ спасения отечества, заключающийся в том, чтобы интеллигенция «села на землю» и «тем помешала развитию стадии капитализма, обязательной, по мнению марксистов и многих последователей учения экономического материализма, для переживания всем народам, в том числе и русскому». Другой «оппонент» — Невский, — «изругавши «марксистов» на все лады, заведя на них клеветы, какие только пришли в голову... вдруг почувствовал себя... поэтом и с грациозностью того милого животного, которому по ошибке надели на спину седло, стал резвиться в стихах по необозримому полю своего собственного невежества:

Заодно марксисты русские
Не с буржуями ли сытыми?

— вопрошает г. Невский.

В своем обзоре В. Богучарский прекрасно показал ту мутную струю пасквильной литературы, которую «напустило» (по выражению «Нового Времени») уходящее с общественной сцены народничество.

Народничество в своей полемике с марксизмом всегда пользовалось художественной литературой, как орудием общественной борьбы. В народнических журналах печатались беллетристические произведения, изображавшие в самых жутких красках деятельность марксистов. Всевозможные «сны» и «кошмары» давали возможность рассказать о «душегубе»-марксисте, отнимающем последний хлеб у крестьянина, о развареннном в «фабричном котле» мужике. К концу 90-х годов пасквильная литература такого рода значительно увеличивается количественно, но снижается качественно, принимая донельзя пошловатый оттенок. Весьма любопытным образцом этого рода может служить книжечка некоего А. Трика «Сапоги Карла Маркса» (Спб., 1899, стр. 78), в которой в виде дневника и записей на фоне подлинной работы марксистов (научные диспуты и собрания в Вольно-экономическом обществе и т. п.) повествуется авантюрная историйка о сапогах Маркса, якобы скрываемых революционерами от полиции. Такого же порядка и фельетонные остроты Невского, приводимые В. Богучарским. «Ведь для этих господ,— пишет Невский о марксистах, — не существует, разумеется, ни общины, ни артели, ни кустарных промыслов. Вся Россия, по их понятию, так — нечто географическое, известное из атласа Ильина, а народ — масса, подлежащая вся поголовному обращению в фабричных, в заводских рабочих. Не надо им хлебопашцев, ибо марксисты черного хлеба не кушают, питаются лишь французскими булками, которые, дескать, доставляются из Франции; не надо им общины, артели потому, что на них, как на устои, опираются народники, подлежащие уничтожению».

Боевой тон В. Богучарского не мог не разволновать народническую прессу. Рецензент «Сына Отечества» поспешил заняться «посрамлением» Богучарского. В № 82 этой газеты некто П. О. Ст-ий писал о нем в окончании статьи «Новый периодический орган»:

«Сотрудники «Начала» не могут еще отрешиться от прежних вздорных обвинений «народничества», но зато они не могут уже и удовлетвориться ими одними, хотя, повидимому, готовы с большим удовольствием пустить в противников следующими жупеловидными фразами: «быстрое развитие капитализма и преобразование под его влиянием самых сокровенных глубин народной жизни составляет теперь факт, наличность которого могут отрицать только самые закоренелые староверы народничества»; «в глазах последних борьба с капитализмом, путем укре-

пления «устоев», составляет п о п р е ж н е м у первейшую задачу интеллигенции»; «нужно быть слепым, чтобы, при виде всего совершающегося, толковать о борьбе с капитализмом средствами наших литературных народников». Слова, не делающие чести их автору, принадлежат г. В. Богучарскому. И многое подобное с большим апломбом говорит г. Богучарский... О «средствах наших литературных народников» мы скажем ниже, а пока одно замечание. Против кого борется г. Богучарский, кого из «закоренелых староверов» называет он, на поражение чего тратит такую массу бранных эпитетов?.. Он был так любезен, что везде приводил цитаты из сочинений своих «противников» и называл их достойные имена: то были гг. Невский, Аргамакова, Г. В. Вельский et tutti quanti: их-то и поражает почтенный сотрудник «Начала». Что же, в добрый час... Всякий выбирает себе дело по силам; большому кораблю большое и плавание, а маленькая лодочка и в луже погуляет... Но тем более говорит в пользу скромности г. Богучарского, что он и сам знает себе цену, знает, что стоят его сражения, например, с г-жою Аргамаковой. Именно, на 102 стр. автор решительно заявляет: «нет, дегенераты какого хотите направления никогда не могут итти в счет»...

Впрочем, справедливость требует, чтобы я привел и другое мнение автора по этому предмету; на стр. 96 читаем: «я вовсе не намерен смеяться и смотрю на появление в литературе гг. Гофштеттеров, Невских и Аргамаковых и тому подобных «борцов» против капитализма, как на явление, достойное внимания»... Итак, г. Богучарский, боритесь с успехом против тех, которые «никогда не могут итти в счет», но... внимания «достойны»...».

Статья В. Богучарского настолько разволновала газету и в частности ее рецензента, расхваливавшего в противовес ей статьи С. Булгакова, П. Маслова и П. Струве, что критик «Сына Отечества» заговорил в заключение о двух тенденциях «Начала».

«Мне кажется, я не ошибусь, — писал он, — если скажу, что в первой книжке журнала ясно вырисовываются две тенденции — одна новая и состоящая в молчаливом признании лучших и до сих пор не устаревших «идеалов отцов и дедов» за свои идеалы, а другая, вполне российского происхождения, состоящая в шумном заушении тех же самых «отцов»... Хорошее чувство при чтении статей, в которых преобладает первая тенденция, сменяется грустным, когда переходишь к работам со второй. Становится грустно и поневоле вспоминаешь знаменитые слова: «признаем же нашу некультурность» [1], ибо только ею и мож-

---

[1] Фраза эта принадлежит П. Б. Струве и замыкает его книгу—«Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России» (Спб.,

но об'яснить факт нашей «позорной» забывчивости и то, что «со времени 60-х годов многое было позабыто». У истинно культурных народов этого не может быть. Да, я с большим удовольствием повторяю: «признаем же нашу некультурность», и да будет нам, по крайней мере, стыдно».

Здесь, думается нам, следует несколько остановиться на отзыве «Сына Отечества», поскольку именно в этом отзыве точка зрения рецензента на журнал легального марксизма получила четкое и выпуклое выражение, а самый отзыв является чрезвычайно типичным для идеологии народничества второго периода.

«Народничество... никогда не могло, как общественное течение, отмежеваться от либерализма справа и от анархизма слева» (Ленин). В отличие от своих предков, позднейшее народничество в своей эволюции непрестанно стремилось к слиянию с буржуазным либерализмом, неуклонно шло по пути приспособления идеалов, рожденных боевыми представителями американского пути капиталистического развития, к запросам, вытекающим из прусского капиталистического движения. Отсюда идут в рассматриваемой рецензии поощрительные слова по адресу буржуазных либералов П. Струве и С. Булгакова. Неотступно идущее вправо, в сторону все более явного окулачивания, народничество ищет сближения с промышленной буржуазией, если только последняя откажется от огульного осуждения «идиотизма деревенского уклада» и проповеди «поедания» деревни капитализмом, а согласится признать перспективы роста и развития сельской буржуазии. Рядом с буржуазными либералами ставит рецензент и литераторов, находящихся на позициях меньшевизма в отношении народничества (А. Санин, П. Маслов), ибо и здесь народник видит перспективы соглашения. И тех и других об'единяет он в одну линию внутри журнала. Другая линия представлена статьями, популяризирующими с разными степенями удачи идеологию пролетариата (Б. Авилов, В. Ионов и др.) или же принадлежащими «ренегатам» народничества, типа В. Богучарского, в то время бывшего уже типичным попутчиком буржуазных идеологов, вроде П. Струве, и отнесенного рецензентом-народником ко второй линии исключительно в силу его «измены» народническим идеалам.

Рецензент «Сына Отечества» в своем анализе «Начала», разумеется, избегает ставить точки над і, но об'ективный смысл его иносказаний и нескрываемого удовольствия по поводу очевидной буржуазности части «господ марксистов» из «Начала» представляется в свете классовой борьбы в русской журнали-

---

1894). Народнический критик нарочито не дает этой фразы полностью, а дает только ее начало, тогда как целиком она гласит: «Признаем же нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму».

стике XIX века именно таким, каким мы попытались его сейчас сформулировать.

Сразу после провинциального обозрения В. Богучарского следуют его же «Письма из провинции» (2 статьи), посвященные вопросам работы земства в Саратовском уезде [1] и дающие сведения об условиях жизни обитателей подвальных помещений в Чернигове, т. е. трудящегося класса[2]. Третье письмо Виктора Чернова, будущего эсеровского вождя — «Опекуны и благодетели» (картинки земской жизни в Тамбове).

Иностранная жизнь представлена в журнале тремя статьями: Иностранным обозрением» [3], передающим важнейшие события политической и общественной жизни Запада за 1898 год (испано-американская война и русская нота о разоружении от 12 августа), письмом из Англии Д. Сатурина, озаглавленным «Война и мир», трактующим об англо-французских отношениях, и очерком жизни бельгийских рабочих, под названием «Два дня в Вервье», написанным известным экономистом и теоретиком кооперации Вахтангом Фомичем Тотомианцем.

Отдел библиографии, один из самых существенных для всякого идейного органа отделов, был задуман в «Начале» весьма широко. Этим отделом всякий журнал с направлением отчасти определял свою позицию в сфере интеллектуальной деятельности современного русского общества. В нем предполагалось давать отзывы на огромное большинство книжных новинок. Такая широта охвата видна уже из самой структуры отдела «Новые книги», имевшего внутри себя ряд специальных разделов, как-то: «Литература и история литературы», «История и история культуры», «Политическая экономия», «Правоведение», «Народное образование» и др. Однако библиографический отдел первого номера по своему содержанию мало соответствовал первоначальному замыслу. Он вышел несколько бледным, что отчасти может быть об'яснено недостаточной актуальностью рецензируемого материала. Среди рецензий на книги по беллетристике имеется обзор стихов итальянской поэтессы Ады Негри и литературы о ней. Обзор написан А. М. Калмыковой и носит характер скорее информационный, нежели литературно-критический. Впрочем, такой тип рецензии легко об'ясняется спецификой положения Ады Негри в России. Имя поэтессы было тогда еще очень мало популярно, ее стихи лишь начинали входить в русское литературное сознание, но не получили еще достаточного резонанса.

---

[1] Подпись: №№.

[2] Подпись: С-в.

[3] Подпись: А. Р.

Остальные рецензии отдела, хотя и написаны такими крупными специалистами легально-марксистской историографии, как П. П. Маслов, В. Ф. Тотомианц и др., также не придают четкого лица отделу.

Впрочем, рецензия П. Маслова вызвала газетный отклик. Рецензент «Сына Отечества», довольный тем, что марксисты из «Начала» якобы признали себя идейными наследниками старшего поколения народников, поспешил воспользоваться отзывом П. Маслова для доказательства своего совершенно неверного положения. Но вместе с тем ему удалось обнаружить весьма существенный момент, а именно путаницу в понимании самого термина «наследство» П. Масловым. «Сын Отечества» не без ехидства замечал по этому поводу, что: «во всех... цитатах виден такой решительный возврат к идеалам прежнего времени, что мы в праве ожидать от редакции «Начала» открытого заявления о непричастности ее к тому разряду людей, которые недавно, совсем еще на-днях, заявляли, что «идеалы» отцов и дедов над нами бессильны»... Я говорю: мы в праве ожидать такого заявления, ибо нельзя же поучать читателей вещам, давным-давно получившим право гражданства в нашей литературе, не упоминая имен предшественников. Мы не смеем думать, что сотрудники «Начала» держатся на это иного взгляда, тем более, что один из них — именно г. П. Маслов — в рецензии на книгу Э. Бернштейна «Общественное движение в Англии в XVII веке» говорит в этом отношении вещи, прямо поразительные в устах того самого г. Маслова, который написал статью «Экономическая теория Ник—она»... В рецензии говорится о том, что утопии левеллеров есть идеология «т р у д я щ е г о с я к л а с с а мелких собственников» (это почти буквальное выражение одной фразы, сказанной вчера г. Михайловским), не класса отжившего, а не способного завоевать себе будущность; и если идеалы его впоследствии наследовались другим, развивающимся классом, классом пролетариев, то это потому, что жизненное положение их при развитии товарного хозяйства сходно, точно так же, как сходно и отношение к капиталистическому строю: «один класс отчасти непосредственно превращается в другой класс»... Так говорит г. Маслов на стр. 240 отдела «Новых книг» и в скобках делает такое интересное и важное замечание: «аналогичное «наследование» мы могли бы указать между старым народничеством и пролетарской идеологией». Скромно это сказано, не всякий читатель обратит внимание на стыдливое признание г. Маслова, но значение этой фразы (несмотря и на непонятные кавычки при слове наследование) понятно всем серьезно более или менее следящим за ростом и развитием нашего марксизма. По поводу ее можно обратиться к сотрудникам «Начала» с фразой одного их товарища, направленной в лагерь

«народников»: «All right! — восклицает он. — Вы делаете успехи, господа!..» [1].

И здесь народнический критик довольно тонко уловил меньшевистско-компромиссный характер взглядов будущего меньшевика П. Маслова на вопрос о «наследстве». Думается, что после всего сказанного нами выше о меньшевистской точке зрения на старое народничество, как политически обреченную на бесплодие, но социалистически ценную базу для пролетарской идеологии, рецензия П. Маслова, сравнивающая старое народничество, которое якобы «наследует» пролетариат, с политически мертвой, но «положительной» утопией левеллеров в Англии, может восприниматься только в системе меньшевистских теорий о народническом «наследстве».

Заканчивался номер «Внутренним обозрением», составленным П. Б. Струве и подписанным инициалами П. С. Обозрение было написано в сдержанных и осторожных тонах и строилось на обильной цитации газетного материала (выдержки из «Московских Ведомостей», «Нового Времени» и «Света»).

Но, между прочим, во «Внутреннем обозрении» была своеобразная черточка, роднящая данную работу П. Струве со статьей С. Булгакова. Это обстоятельство не ушло от внимания «Сына Отечества», который не замедлил отметить следующее: «Мы видели, как резко выдвинут аграрный вопрос г. Булгаковым... хотя мы вовсе и не склонны думать, что взгляды почтенного автора целиком разделяются редакцией журнала, но что они в известной части есть и ее мнение, для нас это тоже несомненно. В последнем убеждает особенно заявление г. П. С. в его «Внутреннем обозрении», в котором он высказывается со стороны, так сказать, принципиальной; г. П. С. говорит: «промышленные классы (предприниматели и рабочие) могут игнорировать (да и то только до известного предела) положение аграрных классов лишь там, где промышленность опирается на внешний рынок, т. е. в странах, ввозящих хлеб». Будем надеяться, что и внутренний обозреватель «Начала» сумеет удержаться на этой плодотворной и оправдываемой всем нашим общественным строем точке зрения» [2].

Из приведенных рецензентом слов П. Струве, разумеется, совершенно не явствует сдачи вождем легального марксизма своих позиций в вопросе о народничестве. Скорее сам рецензент, буржуазный реформизм во взглядах которого мы уже устано-

---

[1] «Сын Отечества», 1899, № 74, статья «Новый периодический орган»: подписана: П. О. Ст-ий. Цитата: «All right! Вы делаете успехи, господа...», взята из статьи А. Потресова «О наследстве и наследниках», вырезанной из «Начала», но, как уже выше отмечалось, ходившей по рукам и в таком виде, должно быть, ставшей доступной рецензенту.

[2] «Сын Отечества», 1899, № 74.

вили, шел в сторону сближения с буржуазными извратителями марксизма во имя борьбы с идеологами пролетариата или литераторами, покинувшими ряды народников (В. Богучарский и др.). Совершенно ясно, что С. Булгакова и П. Струве роднила вовсе не приведенная рецензентом цитата из последнего, а исповедывавшаяся ими обоими линия легального марксизма и прикрывания первого (сотрудника журнала) вторым (редактором). Повидимому, расстановка сил внутри редакции «Начала» была известна рецензенту «Сына Отечества» (вообще хорошо ориентированному, очевидно, в бытовой жизни легального марксизма. что подтверждается хотя бы наличием в его рецензии цитаты из конфискованной статьи А. Потресова), и он, отметив, как положительную, статью С. Булгакова и зная апологетическое отношение к ней редакции «Начала» и П. Струве в частности. поспешил связать последнего с С. Булгаковым. Это было ему нужно тем более, что, как мы видим, он отмечал в журнале «Начало» две взаимопротиворечащие линии.

Как в первой книжке «Начала», так и во второй не было резко обозначенных отделов. В литературно-художественном отделе мы видим вновь две научные статьи. Первая — «Социология, этнология и экономическое толкование истории» — принадлежит перу немецкого обществоведа Генриха Куно. Перевод статьи Куно сделан известным языковедом-марксистом Д. Н. Кудрявским. Появление лингвиста Д. Н. Кудрявского с переводной статьей по социологии не должно казаться сколько-нибудь странным, так как Д. Н. Кудрявский, состоя профессором Юрьевского университета, занимался одновременно с изучением специально языковых дисциплин теоретическим анализом историко-культурных проблем. Кроме того, Д. Н. Кудрявский, как один из немногих ученых-марксистов, был весьма близок к марксистской печати.

Вторая из них — «Вытеснение барщинного хозяйства капиталистическим в современном русском земледелии», подписанная Вл. Ильиным, — принадлежит В. И. Ленину и представляет отрывок из книги «Развитие капитализма в России».

Появление статьи В. И. Ленина было фактом чрезвычайно знаменательным для «Начала». Но участие В. И., называвшего себя в письмах «сотрудником «Начала» и питавшего глубокий интерес к каждой статье каждого номера, не ограничилось напечатанием главы из научного исследования. Он представил журналу еще и ряд отзывов на книги экономического характера. Несмотря на критическое отношение к ревизионистским тенденциям руководителей журнала, В. И. отлично учитывал, что это был все же единственный орган марксизма в России, стремившийся развернуть, в противоположность «Жизни», делавшей упор на беллетристику, научно-экономические от-

делы. П. Струве имел в среде непосвященных тогда еще, казалось, прочную репутацию марксиста, которую он составил себе знаменитым манифестом РСДРП, написанным им на первом с'езде складывающейся партии в 1898 году в Минске. Владимир Ильич отлично сознавал всю оппортунистичность легальных марксистов, видел бездну, образовывавшуюся между революционным и легальным марксизмом, что явствует хотя бы из вышеприведенных отзывов о работе С. Булгакова в «Начале», но вопрос о «критиках» не стоял еще в плоскости их заявленного ухода в лагерь буржуазной реакции. Даже и тогда, когда журнал «Начало» был запрещен, Владимир Ильич в письме к А. Н. Потресову (от 27 июня 1899 г.) [1] писал по поводу позиции П. Струве и его друзей: «сообщение ваше о начавшейся в Питере реакции против марксизма было для меня новостью. Недоумеваю. «Реакция», значит, из среды марксистов? Каких же? Того же П. Б. Струве? Он ли это и его к° развивает тенденцию к единению с либералами?» — спрашивал находившийся в ссылке Ленин, отлично сознававший, откуда могла происходить мысль о блоке с либеральной буржуазией, но еще не желавший, повидимому, заострять вопрос до степени открытого разрыва.

В той же второй книге (№ 3) были напечатаны в отделе «Новые книги» три рецензии Владимира Ильича.

Чрезвычайно благоприятный отзыв дал Владимир Ильич о работе известного германского социал-демократа Парвуса (Гельфанда) «Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис» (Экономические очерки. Перевод с немецкого Л. Я. Спб., 1898, изд. О. Н. Поповой. Образовательная библиотека. Серия 2-я. № 2, стр. 142, цена 40 к.). О Парвусе у Ленина еще ранее сложилось впечатление, как о весьма талантливом публицисте. В письме от 26 января 1899 г. он писал о нем А. Н. Потресову: «насчет Parvus'a — я не имею ни малейшего представления об его личном характере и отнюдь не отрицаю в нем крупного таланта, к сожалению, очень мало читал его произведений» [2]. Ознакомившись детальнее с книгой Парвуса, В. И. превосходно использовал ее в полемике с эпигонами народнического «социализма», которая велась в то время на страницах всех марксистских изданий. «Она составляет прекрасный противовес тем ходячим народническим рассуждениям о современном сельскохозяйственном кризисе, которые постоянно встречаются в народнической прессе и которые грешат весьма существенным недостатком: факт кризиса рассматривается вне связи с общим развитием мирового капитализма, рассматривается не с точки зрения определенных общественных классов, рассматри-

[1] «Ленинский сборник», IV, стр. 34.
[2] Там же.

вается только для того, чтобы извлечь мещанскую мораль о жизненности мелкого крестьянского хозяйства», — так сформулировал Ленин значение книги Парвуса в современной русской социально-экономической дискуссии [1].

Гораздо сдержаннее оценка книги Р. Гвоздева [2] (Циммермана) «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» (Спб., 1899, изд. Н. Гарина) [3]: «Г. Гвоздев, видимо, хорошо знаком с русской экономической литературой, но его книга выиграла бы, если бы автор уделил меньше места цитатам из разных журнальных статей и обратил больше внимания на самостоятельную обработку материала». Книга Гвоздева не может вместе с тем послужить законченным антинароднические документом, так как страдает недостатком, свойственным народнической методологии и методике исследования: «народническая обработка имеющегося материала оставляет обыкновенно в тени наиболее важные в теоретическом отношении стороны данного вопроса».

Любопытные замечания В. И. Ленина о работе над этой рецензией имеются в его письме к матери М. А. Ульяновой, от 3 февраля 1899 г. «Мне, — пишет Ленин, — прислал эту книгу писатель «для рецензии», и потому я счел неудобным отсюда отказываться. Но не очень-то приятно было писать рецензию. Книга мне не понравилась: ничего нового, общие места, слог местами невозможный (разные «попустительства сельскохозяйственными занятиями» и т. п.). А в то же время единомышленник и противник народников, а — главное — сотрудник «Начала». Как ни не нравится мне этот «самарский» дух, я решил все-таки сдержаться и наполнить рецензию на $^4/_5$ замеча-

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 378.

[2] Там же, стр. 382.

[3] Р. Э. Гвоздев был одним из наиболее видных представителей марксистов-«самарцев» и организаторов первой легально-марксистской газеты «Самарский Вестник». Работая в области сельскохозяйственной экономики и политики, он, вместе со всеми «самарцами», выступал в середине 90-х годов против теории М. И. Туган-Барановского о прогрессивности высоких хлебных цен в деревне, как фактора, способствующего на данном этапе ее (деревни) капитализации и разложению в ней примитивного крестьянского уклада. Теория самарских марксистов, печатавших свои статьи на эту тему в «Самарской Газете» и «Самарском Вестнике», вызвала, по словам Ю. О. Мартова, осуждающее письмо В. И. Ленина к вождю самарцев П. П. Маслову. На этот раз В. И. Ленин решительно стал на защиту точки зрения М. И. Туган-Барановского и на долгое время проникся большим недоверием к «самарцам», подозревая их в склонности к сентиментальному, капитулирующему перед народничеством замазыванию вопроса о прогрессивности процесса «раскрестьянивания» русской деревни» (Ю. Мартов. «Записки социал-демократа». Изд. «Красная Новь», М., 1924, стр. 331). Книга Р. Э. Гвоздева о кулачестве и ростовщичестве имела в своей основе как раз те самые его статьи в названной выше самарской прессе середины 90-х годов.

ниями против народников и на $^1/_3$ — замечаниями против Гвоздева. Не знаю уже, понравится ли редакции: я не знаю, в каких она отношениях с «самарцами». Обо всем этом Надя [Н. К. Крупская. — *Ред.*] напишет сегодня же жене écrivain'a»[1]. Итак, при резко отрицательном отношении к книге Р. Гвоздева, В. И. Ленин, не желая давать не товарищеской критики социал-демократа и сотрудника «Начала», использовал его книгу в виде трамплина для критики народничества. Позднее, когда рецензия уже вышла в свет, В. И. Ленин в письме к А. И. Елизаровой, от 29 мая 1899 г., сожалел о том, что не усилил своей отрицательной оценки книги Р. Гвоздева: «очень пожалел, что écrivain ничего не написал мне о Гвоздеве. Я и сам всей душой хотел бы обругать его. Но я видел, что он — сотрудник того же журнала, и потому считал себя обязанным быть елико возможно мягким. Странно было бы ругаться в том же журнале. Может быть, писатель (т. е., Струве — *Ред.*) хотел таким образом разделаться? т. е. разделаться с «гвоздевщиной», как я теперь зову такие вещи. Этого я не знаю, да и вообще не знаю, что за человек Гвоздев. Издали судить трудно»[2].

Книга «Торгово-промышленная Россия» (Справочная книга для купцов и фабрикантов. Составлена под редакцией А. А. Блау, начальника статистического отделения департамента торговли и мануфактур. Спб., 1899, ц. 10 руб.) может иметь значение, по мнению Ленина, лишь как яркая иллюстрация процесса капитализации всей страны и одновременного роста в ней индустриального пролетариата.

Научно-экономический отдел второй книги «Начала» начинался не с 1-й, а с 26-й страницы. Это об'ясняется тем, что первая, поставленная во главу отдела, статья Е. Устинова была, как известно, вырезана цензурою. Но и на этот раз цель не была достигнута, и отдел, лишенный обобщающей статьи — своего рода «шапки» — все же не рассыпался. Центр тяжести был перенесен в статью В. Богучарского «Что такое земледельческие идеалы?», как бы суммировавшую те частные положения, которые были высказаны различными авторами в письмах из провинции и из-за границы, в заметках и очерках по социологии.

П. Струве решительно ополчился в своих статьях против «Нового Времени», его издателя и сотрудников. Написанное им «Внутреннее обозрение» заканчивается довольно меткой характеристикой суворинской газеты, определяющей ее место в истории русской журналистики.

«Г. Суворин, — пишет Струве, — несомненно, — с героических времен Незнакомца, — «ослабел, как либерал». Но ни

---

[1] В. И. Ленин. «Письма к родным (1894—1919)». Гиз, 1931, стр. 182.
[2] Там же, стр. 214.

в этом ни в том, что каморки Незнакомца в пятом этаже Васильевского острова сменились «каменными палатами» в Эртелевом переулке, нет особенной беды... Беда и в то же время вина г. Суворина состоит в том, что его газета (он лично нам неинтересен, и мы считаем его скорее попустителем, чем творцом) в самый тяжелый период нашей истории систематически подменивала общественное мнение «образом мыслей соображаемых», интересами, шедшими в разрез с общественными потребностями», — и продолжал: «а так как то, с чем «соображается» этот образ мыслей, в высшей степени текуче, незначительно и мелко, то история «Нового Времени» есть не смена принципов и идей, а смена «внушений» и «соображений». «Новое Время» не консервативно (в смысле г. Мещерского) [1] и в принципиальном смысле и не либерально, потому что «соображения» не консервативны и не либеральны и не суть принципы. В руках будущего историка русской мысли «Новое Время» будет драгоценным источником, но не для характеристики общественного мнения, а для характеристики его отсутствия и создаваемых взамен его суррогатов».

Гораздо мягче отнесся П. Струве к известному суворинскому сотруднику — публицисту, беллетристу и философу В. В. Розанову. В специальной философской статье П. Струве попытался проанализировать нашумевшую книгу В. Розанова «Сумерки просвещения» (Спб., 1899). В ней Струве, быть может, впервые, задолго до Р. В. Иванова-Разумника, автора статьи о Розанове под названием «Юродивый русской литературы», определил философию Розанова, как «юродствующую», и отметил противоречивость его концепции и половинчатость исторической роли.

Но вместе с тем П. Струве своей статьей о В. Розанове лишний раз подчеркнул перспективы «критического» развития легального марксизма, выдвинув в ней «тезис» о необходимости социального использования «Сумерек просвещения». Призывая воспользоваться книгой идеолога обуржуазивающегося дворянского черносотенства, апологет буржуазного развития в России П. Струве очень метко уловил буржуазные тенденции в эволюции В. Розанова в борьбе с дворянско-самодержавной казенщиной и выражал, по существу, стремление к классовой консолидации буржуазных сил, как идейно «полноценных» (вроде самого П. Струве), так и «новообращенных» и «колеблющихся» в зависимости от исторической ситуации (В. Розанов и его собратия из «Нового Времени» типа М. Меньшикова).

«Лучший (и теперь едва ли не единственный) философ русского консерватизма, г. Розанов, становящийся на сторону романтического (славянофильского) и критического (западниче-

[1] Князь Мещерский — известный консерватор, редактор-издатель газеты «Гражданин»

ского) алкания против казенной сытости (Катков), изображает собою историческую Немезиду последней», — таков общественный и творческий портрет Розанова, «примиренчески» нарисованный Струве. Розанов—по Струве — выразитель разрыва между российской казенщиной и западнической романтикой. Он «ежится от холода государства», к его «Сумеркам просвещения» так и просится эпиграф из Фридриха Нитцше: «Staat heisst das kälteste aller kalten Ungeheuer».

Но протест против «холода государства», против дворянско-самодержавного «Левиафана», тормозящего ход капиталистического процесса, «протест», приводящий П. Струве к об'единению с В. Розановым, нигде не заставляет легального марксиста сделать вывод о разрушении существующего государственного аппарата, самодержавной машины, как о первоочередной задаче. Нет, буржуазный реформист верен себе: он убежден, что буржуазно-капиталистический процесс все равно «возьмет свое» мирным путем: «на всех концах Руси замечается непреоборимое движение в направлении не романтическом, но и не казенном. Слышится «железная поступь» грядущей силы». — так заканчивает свою статью П. Струве, услужливо расчищающий путь шагающему в историю «прусскому» капитализму. Статья П. Струве о В. Розанове — это откровенно буржуазная, реакционно-реформистская статья, не оставляющая никаких иллюзий насчет «марксизма» ее автора.

Но в 90-х годах статья Струве обратила на себя внимание, как «крамольная», а сущность ее была разгадана печатью не сразу. Поскольку вся ее сущность была направлена к доказательству капитализации, а заключительные ее слова говорили со страниц марксистского журнала о некоей «грядущей силе», то буржуазные газеты, не окончательно (и не все) установившие еще, — «куда идет» П. Струве, «свой» ли он или «ученик», — напали на туманную формулировку «пророчества» Струве. Так, например, газета «Новости», недовольная намеком на «грядущую силу» без указания того, что это за сила, какая она — империалистическая или пролетарская — отозвалась о статье П. Струве, как о тарабарщине, а самого автора иронически назвала «Пифией».

Вот что писали «Новости»:

«Вышла мартовская книга журнала «Начало», где глава нашего марксизма Петр Струве посвящает большую статью книге Розанова «Сумерки просвещения» и в заключение говорит: «разрыв между романтикой и казенщиной означает полное идеальное поражение последней, но вовсе не означает реального торжества первой. И в результате в выигрыше остается третий элемент: к р и т и к а. Ей принадлежит самое лучшее и самое ценное: будущее. В одной из своих статей, напечатанных, кажется, в «Русском Обозрении», г. Розанов договорился в романтиче-

ском изуверстве до того, что без всяких околичностей заявил, будто русскому народу чуждо стремление к прогрессу, идея которого противоречит «русскому духу». К счастью для себя и читателей, г. Розанов на своем собственном примере опроверг и продолжает опровергать эту дикую теорию — клевету на русский народ, выдуманную для апофеоза эпохи реакции, якобы воплотившей в себе заветное стремление русского народа к застою. Страшен сон, да милостив бог. На всех концах Руси замечается непреоборимое движение в направлении не романтическом, но и не казенном. Слышится «железная поступь» грядущей силы».

Настоящий язык Пифии. Нам остается только привести по этому поводу эпиграф Мережковского к его роману «Воскресшие боги», в той же книге «Начала»:

Небо — вверху, небо — внизу,
Звезды — вверху, звезды — внизу,
Все, что вверху, — все и внизу:
Если поймешь, — благо тебе.
Tabula smaragdina!»[1]

Статья М. Туган-Барановского «Неосторожный критик» представляет собой ответ на отзыв Н. Каблукова[2] об его (Туган-Барановского) книге «Русская фабрика в ее прошлом и настоящем». В своей статье Туган-Барановский хлестко охарактеризовал атмосферу беспощадной травли, поднятой вокруг его работ о судьбах русского экономического развития, дворянско-антикапиталистической и либерально-народнической печатью. «Споры о фабрике и капитализме» велись в русской прессе с необычайным, даже по тем временам, ожесточением.

«Не так давно «Новое Время», после ожесточенной, продолжавшейся несколько месяцев, полемики с «марксизмом», внезапно почувствовало успокоительную уверенность в том, что битва кончена и противник повержен в прах. Ближайшим поводом к этой уверенности было присоединение к сонму победоносных врагов ненавистного всем учения еще одного уважаемого t собрата — князя Мещерского из «Гражданина». Вся русская печать, по заявлению откровенной газеты, признала, что «марксизм» — не более, как «шутовской вздор». Кого только нет в списке победителей, приводимом газетой: «Русское Богатство» идет под ручку с «Московскими Ведомостями», «Вестник Европы» — с «Гражданином», «Сын Отечества» — с «Петербургскими Ведомостями». Словом, единение полное, по справедливости приводящее в умиление «Новое Время». Одного влиятельного органа печати в этом списке, однако, не хватает — «Русских Ведомостей».

---

[1] «Новости», 1899, № 93, отдел «Русская печать».

[2] «Русские Ведомости», 1899, № 42—47, статья под названием: «Новая книга по истории русской фабрики».

Что же это значит? Неужели «Русские Ведомости» изменили общему делу, неужели они не примыкают ко «всем органам, дружно и единодушно оценившим экономическое декадентство», каковым, по авторитетной экспертизе «Нового Времени», является «марксизм»? Для всякого, знакомого с направлением «Русских Ведомостей», не может быть никакого сомнения, к какому лагерю примыкает умеренный и благоразумный орган московских профессоров. Конечно, он идет «со всеми». Конечно, его место рядом с «Русским Богатством» и предводительствуемым им сонмом, а никоим образом не с неистовыми «учениками». Но именно в силу своей умеренности и благоразумия «Русские Ведомости» до последнего времени тщательно воздерживались от всякой полемики с «учениками». В то время, когда вся наша пресса наполнялась растерянной бранью по адресу неприятных людей, потревоживших застоявшееся болото нашей литературы, нарушивших мирный сон почтенных отцов отечества, «Русские Ведомости» хранили упорное молчание. Теперь это молчание нарушено — «Русские Ведомости» сделали первый выстрел, правда, не против нового направления вообще, а лишь против моей книги «Русская фабрика», за которую Московский университет, на основании отзыва проф. Чупрова, присудил мне степень «доктора». Застрельщиком выступил г. Каблуков».

Каблуков всячески отстаивал народнический принцип общинного землевладения. «Потому-то и отвратительно нам слышать рассуждения остальных экономистов о том, как дурное состояние нашего земледелия может быть исправлено приложением местной припарки — уничтожением общинного землевладения и введением на его место частной поземельной собственности»... «Я не знаю, действительно ли помогают раковые жерновки от лихорадки. Медицина говорит, будто бы это средство совершенно вздорное. Но все равно. Пусть оно будет и превосходным средством от лихорадки, оно все-таки никуда не годится в нашем случае», — писал Каблуков [1].

«Как вы думаете, читатель, к какой категории средств автор этих строк отнес бы артели, сельскохозяйственные товарищества и пр. и пр.?

Разве они не представляют собой «раковых жерновок», которыми хотят лечить страшную болезнь всего организма, и разве не «отвратительно слышать тупоумные, суеверные рассуждения» разных господ, предлагающих эти средства», — отвечал ему Туган-Барановский во второй книге «Начала».

Гораздо ярче, нежели в первой книге журнала, оказался отдел «Новые книги».

---

[1] «Русские Ведомости». Там же.

Кроме уже упомянутых отзывов В. И. Ленина (Ильина), в нем были рецензии Н. Келина на книжки двух незначительных народнических эпигонов, Ал. Ленцевича [1] и Ал. Ян-Рубана [2].

Наиболее характерно для поэзии умирающего народничества следующее «стихотворение» А. Ленцевича:

Пою вас, герои родимой земли.
На кладбище тесно легли вы повсюду,
А с вами в соседстве места отвели
Купцам, генералам, чиновному люду.
И прахом Молчалиных щедро дарит
И сеет костями господ Скалозубов
Ту землю, в которой Белинский зарыт,
А рядом зарыт Добролюбов.

Еще более беспомощен в идейно-творческом отношении А. Ян-Рубан.

Напечатаны также были отзывы Сергея Ольденбурга, рецензия Зин. Венгеровой (разбор которой будет дан в следующей главе) и др.

Таково было содержание второй, мартовской книги «Начала». Несмотря на боевой тон, значительно заострявший вопросы, поднятые в первой книге, номер был еще эклектичнее по своему составу. Рядом со статьями главы революционного марксизма В. И. Ленина, с ответом М. И. Туган-Барановского и статьей В. Богучарского, печатались С. Н. Булгаков, Д. С. Мережковский, нитцшеанка Зин. Венгерова, декадент Тор Гедберг и др. Были, наконец, и вещи просто незначительные: рассказ Д. Ведрибисели «Пропажа»; стихи А. Колтоновского.

Минуя рассмотрение третьей, апрельской книги «Начала» (№ 4), переходим к изложению социально-экономического состава майского номера.

Откликнувшиеся на появление пятого номера «Новости» Нотовича коснулись исключительно статьи А. Дживилегова «Лас «Лассаль и Бисмарк». Газета при этом ограничилась скорее пересказом статьи, нежели ее критикой.

Е. Смирнов публикует ряд писем Карла Маркса, под названием — «Из неизданной семейной переписки К. Маркса».

Публикатор в предпосланной письмам краткой статье так определяет ценность вводимого им в литературный оборот материала: «Письма эти лишены какого бы то ни было теоретического значения; но они заключают в себе ценные биографические

---

[1] А. Ленцевич. «Стихотворения». Вятка, 1898.
[2] А. Ян-Рубан. «Песни любви и печали». М., 1899.

сведения и некоторые данные для характеристики личности Маркса» [1].

Статья легального марксиста А. С. Изгоева — «Особая разновидность народничества» — направлена против сотрудника «Гражданина» П. Н. Семенова и косвенно ранит русское народничество. П. Н. Семенов, опасающийся того, чтобы «любезное отечество» не последовало европейскому шаблону и не пошло по пути капиталистического развития, выступил в ряде изданий со статьями, в которых афишировалась необходимость категорического провозглашения начала национализации крестьянских земель [2]. А. Изгоев подошел к П. Семенову не как к сотруднику консервативной газеты, а как к выразителю своеобразной «государственно-народнической» концепции. Статьи П. Семенова весьма неожиданно как для читателей «Гражданина», так и для читателей «Начала» оказались детерминированными А. Изгоевым от «заявления многоуважаемого Н. К. Михайловского о том, что тогда как на Западе социальный вопрос — вопрос революционный, у нас он носит характер совершенно консервативный». «В настоящее время мы не видим надобности критиковать проект П. Н. Семенова. Нам лишь хотелось указать на то оригинальное здание, которое П. Н. Семенов возвел на чисто-народническом фундаменте, поставив своей задачей «борьбу с капитализмом и заимствовав свое главное оружие у народников. Статьи П. Н. Семенова интересны и ценны именно, как одна из попыток воспользоваться народническими идеями в борьбе с капитализмом и разнообразными новыми общественными слоями», — таково резюме А. Изгоева.

---

[1] И действительно, переписка нарочито и искусственно лишена теоретико-политического значения. Так, например, публикатором Смирновым в письме К. Маркса к дочери Дженни от 11 апреля 1881 г. опущен абзац, содержащий резкую оценку К. Каутского, как деятеля социал-демократии и теоретика марксизма. Изъятие этого абзаца публикатором мотивировалось, повидимому, тем, что авторитет Каутского стоял весьма высоко в рядах международной социал-демократии. Но и в дальнейшем, когда Карл Каутский окончательно покинул свою былую позицию и возглавил лагерь меньшевиствующих социал-оппортунистов, а вслед за этим и прямую социал-фашистскую контр-революцию, эти строки К. Маркса о нем не дошли до читателя. Долгое время (с 1925 г. по 1931 г.) подлинник письма К. Маркса не мог поступить в печать еще и по вине Д. Б. Рязанова, который не пускал его в советскую прессу. И только не так давно эти купюры были восстановлены новым руководством Института Маркса и Энгельса (см. Институт Маркса и Энгельса, «Маркс о К. Каутском». «Правда», 1931, № 70, стр. 6). Настоящий инцидент с сознательным и упорным искажением литературного наследия Маркса — это чрезвычайно показательная иллюстрация к методологии легально-марксистской и меньшевистской историографии. Утаивание и фальсификация текстов — излюбленный прием всех врагов пролетарской науки из лагеря «экономического материализма».

[2] Проект П. Н. Семенова напечатан в «Русском Вестнике».

В № 5 появляется также исследовательская статья А. Яроцкого «Человеческий тип в деревне и городе». Автор ее А. Яроцкий принадлежал к младшему поколению народников и в свое время много работал в «Новом Слове» (народнического периода) и в «Русском Богатстве». Статья эта чрезвычайно интересна для определения идейной эволюции народничества, так как знаменует некоторый перелом в сознании автера[1]. А. Яроцкий, начиная с критики существующих по затронутому вопросу работ (Аммона, Ганзена, Баллода и Кучинского), приходит к поразительному для народника сопоставлению и сочетанию идей Г. Спенсера с художественными наблюдениями Г. И. Успенского и В. Г. Короленко. Известно, как много энергии потратил Н. К. Михайловский на дело народнической критики спенсеровой организационной теории, и потому самый факт обращения А. Яроцкого к социологии и психологической теории Спенсера являлся несомненной «революцией» для застывшего на своих позициях народничества.

Но А. Яроцкий пошел и дальше, сделав попытку отправиться в Каноссу экономического материализма. Правда, он попытался при этом сочетать материалистические принципы с идеями беллетристов-народников, как бы реабилитируя их перед новым поколением, но, несмотря на свой поразительный эклектизм (совмещение спенсерианства, с одной стороны, и экономического материализма — с другой, с народнической стихией), пришел все же к правильному, самою действительностью подсказанному, выводу. Тщательно исследовав историко-социологическую литературу вопроса, А. Яроцкий заключает, «что более сложная, обширная среда, которая окружает человека, когда он бросает деревню, дает больший простор его личности, делает ее более сильной с культурной и общественной точки зрения. Даже Г. Успенский отмечает, хотя дает ему иное об'яснение, тот факт, что у крестьянина в городе на заработках поднимается чувство человеческого достоинства и он начинает считать свою личность вовсе не такой заваляшей, как его приучают считать ее условия деревенской жизни». Иначе говоря, А. Яроцкий пришел к признанию того, что крестьянство, уходящее в результате расслоения в города, на фабрики и заводы, получает там классовые черты, приобретает классовое самосознание пролетариата, осознает себя не как класс в себе или класс для других, но как класс для себя, как реальную боевую единицу в революционном движении.

Среди иностранных известий имелось письмо из Англии Скептика (А. М. Водена). Целиком отсутствует в № 5 «Внутреннее обозрение». Сотрудник «Недели» П. Гайдебурова А. Пруга-

---

[1] См. «Русское Богатство», 1899, кн. № 4, статья «Литература и жизнь», стр. 217—219.

вин, занимавшийся совместно с небезызвестным журналистом М. О. Меньшиковым модной благотворительностью в виде сбора пожертвований в пользу голодающих, прислал в редакцию письмо-обращение, в котором призывал последовать примеру ряда лиц и организаций, принявших участие в его предприятии. Письмо это было помещено в «Начале» и тем самым распространено среди его читателей.

Отдел «Новые книги» был значительно ярче, нежели в других номерах. В первую очередь отметим рецензию В. И. Ленина на книгу Гобсона «Эволюция современного капитализма» (1898, изд. О. Н. Поповой). Рецензировалась также М. Тугана-Барановским изданная П. Струве книга Н. Карелина (В. И. Засулич) «Жан-Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей». В. И. Ленин был очень высокого мнения о достоинствах книги Веры Засулич. В письме к А. Н. Потресову от 27 апреля 1899 г. он писал: «Карелина книжку выписал и прочел раньше, чем получил от вас. Понравилась мне она очень: чертовски досадно, что ее обкорнали. Не напишете ли о ней рецензии» [1]. С. Франк в своей рецензии на книгу Л. В. Ходского «Политическая экономия в связи с финансами» — последовательно критиковал несостоятельные положения этого казенного экономиста. Неудачной среди других рецензий была оценка книги А. Богданова «Основные элементы исторического взгляда на природу», сделанные рецензентом, скрывшим свое имя и подписавшимся — Г-дь.

В. И. Ленин, не подозревавший в А. Богданове своего будущего философского противника, а думавший, что за этим именем скрывается Г. В. Плеханов, писал А. Н. Потресову 27 июня 1899 г., что рецензия Г-дя враждебна марксизму и исходит из неокантианских позиций. При этом Ленин дал оценку всему майскому номеру «Начала».

Ленин писал: «по тому же вопросу заинтересовала меня рецензия в № 5 «Начала» (Май — страдающий чахоткой в последней степени) на книгу Богданова. Не понимаю, как я мог пропустить об'явление о выходе этой книги. Выписал ее только теперь. Я уже по первой книге Богданова заподозрил мониста. а заглавие и содержание второй книги усиливает мои подозрения. И как же неприлично-бессодержательна и неприлично-надменна эта рецензия! Ни слова по существу и... выговор за игнорирование кантианства, хотя из слов самого рецензента видно, что Богданов не игнорирует кантианства, а отвергает его, стоя на иной точке зрения в философии... Я думаю (если я не ошибся насчет Богданова), что эту рецензию невозможно будет оставить без ответа» [2].

[1] «Ленинский сборник», IV, стр. 24.
[2] Там же, стр. 33.

Общая характеристика «Начала», данная В. И. Лениным, глубоко правильна: номер был значительно слабее, нежели его предшественники.

Трудно сказать, что было причиной такого быстрого оскудения журнала, но думается, что причина лежала не в одних цензурных условиях, а коренилась также и в ряде причин чисто внутреннего порядка, о которых речь будет ниже.

Итак, «Начало» было задушено правительством, испугавшимся пропаганды идей «анархизма». Консервативные слои русского общества увидели в журнале ярко агрессивный боевой тон и, не заметив в нем ничего более, ответили ему дружным отпором. А между тем в «Начале» не все обстояло так благополучно, как это казалось благонамеренным охранителям. Политически заостренный тон журнала заслонил на время от взоров общества линию расхождения среди «учеников». Для того же, чтобы выяснить наличие такого расхождения, стоит только попристальнее вглядеться в содержание книжек «Начала» и соотнести его с теми проблемами, которые стояли тогда с необычайной остротой в повестке общественно-политического и литературного дня.

Журнал «Начало», как всякий почти журнал легального марксизма, был прежде всего неоднородным по материалу. Возьмем хотя бы научно-экономический и публицистический отдел, где, как мы уже видели, скрещивались самые различные идеологические направления, и сразу же станет очевидным коалиционный характер издания. Здесь мы увидим и поколебавшихся в своих устоях народников (А. Яроцкий), и «марксистообразную демократию», и революционных марксистов (Ленин), и будущих меньшевиков (Потресов, Маслов и др.), и откровенных оппортунистов-«критиков» (С. Булгаков, А. Изгоев, П. Струве и др.), и ряд просто «безликих личностей».

Но такая «разношерстность» сотрудников была на первых порах совершенно неизбежной и даже необходимой, хотя и не могла быть долговременной.

«Ни для кого не тайна, — писал впоследствии В. И. Ленин,— что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во время «союза», — и далее: «соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над на-

родничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде). Притом союз заключен был не совсем без всяких «условий» [1].

В 1907 году В. И. Ленин говорил, что Булгаков, Туган-Барановский и Струве в 1899 году еще «старались быть марксистами», но их старание было не чем иным, как исторически вынужденным маскарадом. «Это были, — говорит В. И. Ленин в сборнике «За двенадцать лет», — буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму... а к буржуазному либерализму».

Лучше всего подтверждает эти ленинские определения легального марксизма самый материал журнала «Начало». Здесь прежде всего следует назвать статью С. Булгакова, в которой автор «критикует» под углом зрения бернштейнианства аграрную теорию Каутского. Нам могут возразить, что статья С. Булгакова хотя выражала точку зрения редакции, но была помещена рядом со статьей В. Ионова, о которой даже современный критик из «Сына Отечества» писал, что хотя она также касается «темы сельскохозяйственной экономии», но явно противоречит всей установке С. Булгакова. Редакция боялась быть принципиальной, чтобы не открыть своего подлинного лица, и потому важно не то, что статья С. Булгакова шла не как явно программная, а важен самый факт ее помещения. Резко выраженный ревизионистский уклон и философская реакция нашли свое выражение в критической работе П. Б. Струве, который, проанализировав общественное место и значение В. В. Розанова, предложил читающей публике «Начала» воспользоваться его книгой «Сумерки просвещения», как документом против российской казенщины и «прекраснодушного» интеллигентского романтизма. При этом П. Струве, еще отстаивающий за собой наименование «ученика», прикинулся близоруким относительно того, откуда шел «протест» В. В. Розанова, а на деле, поняв его классовый источник, попытался это «обстоятельство» замазать. Двусмысленная, а на деле двуличная концовка П. Струве, в которой он бодро восклицал о твердой поступи «грядущей силы», скрыла от глаз его критиков тот подлинный классовый смысл, который стоял за предложением о социальном использовании В. В. Розанова-мыслителя. Но оппоненты П. Струве были на этот раз столь же близоруки, как и противники всего журнала: за внешними покровами, за социал-демократическими фразами и жестами, на которые таким мастером был автор, они не заметили глубокого внутреннего сдвига в сторону неокантианства и ницшеанской философии.

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. IV, стр. 373, 374.

Такими же образчиками идейного капитулянтства были рецензии П. Маслова на Бернштейна и в особенности Г-дя на Богданова, в которой автор дошел до столь откровенного ревизионизма, что ополчился на основной принцип марксистской философии — на монистический принцип.

Как известно, большинство этих образчиков идейного оппортунизма и практического ревизионизма сразу же было отмечено вождем революционного марксизма В. И. Лениным, резко протестовавшим против извращения наследства Маркса. Мы уже приводили выдержки из писем В. И. Ленина к А. Н. Потресову, где сформулировано большинство обвинений против руководства «Начала». Теперь укажем еще и высказывания Г. В. Плеханова по поводу того характера, который придавала «Началу» его редакция, сделанные им в письме к П. Б. Аксельроду от 21 апреля 1899 г. «Борьба с бернштейнизмом в России есть насущнейшая задача минуты, — писал Г. В. Плеханов, — «Начало» целиком на стороне Бернштейна. Мы должны противопоставить влиянию наших к а т е д е р-м а р к с и с т о в свое влияние м а р к с и с т о в-р е в о л ю ц и о н е р о в. Сделаем ли мы что-нибудь? Думаю, что да, но если бы и не сделали, борьба обязательна. Тут своего рода категорический императив: Du kannst, denn du sollst» [1].

Таким образом, вся тактика «об'ективистов» типа П. Струве и его единомышленников нашла свое первоначальное воплощение во многих статьях «Начала». В основу издания был положен его руководителями один из основных тезисов бернштейнианского реформистского ревизионизма, гласивший, что буржуазию нельзя рассматривать в целом, как врага, а необходимо итти на соглашение с наиболее радикальной и передовой ее частью. От этого тезиса, нарушающего основные принципы революционного марксизма и его тактику, был всего один шаг к буржуазному либерализму.

Нежелание итти на разрыв с либерализмом, боязнь этого разрыва, ясно сказавшаяся во всех действиях редакции «Начала», тоже имела некоторую традицию. В предисловии к «Манифесту коммунистической партии» (1900 г.) Г. В. Плеханов так характеризовал философскую и политическую сущность бернштейнианского капитулянтства: «во второй половине 80-х годов у нас появился особый вид «социалиста», главная и, можно сказать, мучительная забота которого заключалась в том, чтобы не испугать либерала. Призрак испуганного либерала до такой степени пугал социалистов этого вида, что вносил несказанную путаницу

---

[1] «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода». Ред. и прим. П. А. Берлина, В. С. Войтинского и Б. И. Николаевского. Изд. Р. М Плехановой, М., 1925.

во все их теоретические рассуждения. Г. Бернштейн очень напоминает таких «социалистов». Его главная забота состоит в том, чтобы как-нибудь не испугать демократическую буржуазию. Если он отказывается от материализма и рекомендует вернуться к Канту, то единственно потому, что кантианизм оставляет место для религиозного суеверия, а г. Бернштейну не хочется шокировать религиозные суеверия современного буржуа. Если г. Бернштейн восстает против материалистического учения о необходимости, то лишь потому, что, будучи примененным к общественным явлениям, это учение не оставляет никакого места для упований пролетариата на благожелательность буржуазии, а следовательно, и для взаимного сближения этих двух классов. Наконец, если г. Бернштейн не любит «фразы» насчет диктатуры пролетариата, то это опять-таки единственно потому, что она неприятно режет слух даже самой «демократической» буржуазии. Но людям, не пугающимся призрака испуганных буржуа, вопрос о диктатуре пролетариата представляется совсем не в том свете, в каком его видит г. критик».

Все это не могло не привести журнал к жестокому внутреннему кризису, который резче всего наложил свой отпечаток на последнюю книгу «Начала». Можно с уверенностью говорить о том, что если бы власти и не закрыли журнала, то он либо распался бы самостоятельно, будучи взорванным изнутри, либо выродился бы в легальный орган кадетского типа, так как руководящая роль в «Начале» принадлежала тем, кто вскоре совершенно открыто заговорил о том, что их задача не борьба с капитализмом, а учеба у него.

Но, несмотря на наметившиеся в журнале разногласия, «Начало» все же сыграло громадную роль в истории социал-демократии на одном из самых ярких участков ее эволюции. Уже одно то, что именно в «Начале» были напечатаны некоторые из основополагающих работ революционных марксистов, делает журнал примечательным этапом в истории русской журналистики. При этом, несмотря на назревавший внутри редакции раскол, журнал стремился перед лицом общего врага к сохранению внешнего равновесия частей и тенденций в книжках. А время было очень трудное. В 1899 году статьи марксистов по аграрному вопросу (за исключением, конечно, таких «этюдов», как С. Н. Булгакова), с их основной тенденцией доказательства превращения России из отстало-крестьянской страны в страну капиталистическую, вызвали общую и поголовную консолидацию современного народничества, с одной стороны, и дворянско-помещичьих слоев, от бюрократии до зубров — с другой.

Такой орган, как «Новое Время», возвещая в статье от 15 февраля 1899 г. поход против марксизма, отлично сумел показать единство действий (при различных целях) антимарксист-

ского «союза» поместного дворянства с похоронившим свое революционное прошлое и ставшим на путь окулачивания народничеством «второго призыва». «Слава богу, — писала газета,— вопрос о пресловутом «марксизме» можно считать исчерпанным и поконченным. Все органы, самых разнообразных направлений, дружно и единодушно осудили его экономическое декадентство, как шутовской вздор. «Вестник Европы», «Русское Богатство», «Новое Время», «Новости», «С.-Петербургские Ведомости», «Московские Ведомости» — сошлись в оценке этого продукта современного литературного худосочия. Даже в «Сыне Отечества» радостно забренчали «кости сухие» различных забытых миром древне-народнических окаменелостей, одеревенелостей и заплесневелостей. И это понятно. Наши экономические декаденты дерзнули поднять свои комариные жальца не только против всего народнического в русской литературе, но и против всего народного. Они договорились до проповеди обезземеления крестьянства». Антисоциалистическая мелкая буржуазия, прикрывающаяся теорией народнического «социализма», и антикапиталистический «верхушечный» дворянско-помещичий слой, выступавший с апологией национально-патриотических («народных»— по терминологии буржуазной прессы того времени) эмоций, пошли в печати об руку против общего врага, против «дерзкого и самоуверенного» марксизма и его легального ежемесячника из «породы» толстых журналов.

И всем этим людям и идеям, да и многим другим тому подобным явлениям (о которых речь была выше при конкретном анализе) «Начало» давало резкий отпор. В этом, а главное в том, что журнал печатал статьи вождей пролетарского социализма и не застревал в известной части своих статей на стадии пропаганды рабочего движения, как борьбы чисто экономической, а отстаивал во многих случаях (т. е. в статьях революционных марксистов) революционно-политический характер классовой деятельности пролетариата, — в этом громадная его об'ективная заслуга и историческая роль.

ГЛАВА IV

Если внимательно вчитаться в перечень сотрудников «Начала» (глава I) и остановить свое внимание на именах литераторов-беллетристов, то сразу станет заметным существование в журнале двух внешне-инаконаправленных и взаимопротиворечащих тенденций: писателей, в той или иной мере отражавших идеи экономического материализма (В. Вересаев, Е. Чириков, В. Тан, В. Поленц, входивший в русское общественное сознание, как «социолог» деревни, и др.), и писателей символистского лагеря (Д. Мережковский, З. Гиппиус, З. Венгерова, П. Соловьева-Allegro, Тор Гедберг и др.).

Кроме того в журнале имелся «промежуток», писательская «прослойка» с менее общей и выпуклой идеологической физиономией. Сюда относятся: К. С. Баранцевич, А. А. Вербицкая, А. А. Луговой (Тихонов), Д. Н. Овсянико-Куликовский, Н. Гарин (Михайловский) и др. Об'единяя этих, в сущности весьма разноголосых, писателей в одну категорию, мы вовсе не имеем в виду того, что их связывала некоторая общность литературно-общественных воззрений, единая идеологическая платформа. Мы хотим лишь отметить то обстоятельство, что писатели эти не играли решающей роли в легально-марксистском движении, что творчество их было еще в большой мере неустоявшимся, неоформившимся, что в нем пережитки старых умственных течений нередко сталкивались с тенденцией к новизне. И действительно, если беллетристы типа Вересаева и Чирикова образовывали вполне определенный лагерь в журналистике (о чем речь будет еще и ниже), а декаденты, несмотря на все свои внешние колебания, имели также достаточно четкое лицо и твердые позиции (что в дальнейшем также найдет подтверждение на материале), то у писателей «промежуточной» группы не было общих друг с другом социальных корней. Творчество каждого из них выражало вполне определенную идеологическую категорию, каждый из них стоял на определенной социальной почве, но в сумме это был слой, лишенный устойчивой концепции. Если блок легальных марксистов с декадентами был явлением вынужденным, хотя и

закономерным, то появление Н. Гарина, А. Лугового, А. Вербицкой было явлением не менее социально-детерминированным. Целый ряд моментов в творчестве этих писателей временно связывал их с легальным марксизмом, но их «попутничество» было кратковременным.

В первой книге «Начала» тотчас же бросается в глаза странное построение отделов. Так, на ряду с художестзенными произведениями и критическими статьями мы имеем и статьи по вопросам экономики, вроде статьи П. Струве «Попытки артельной организации крепостных крестьян. (Из этюдов о крепостном хозяйстве)», помещенной между повестью Н. Гарина (Михайловского) «Клотильда» и стихотворением С. Яхонтова «Вечер в Неаполе».

Беллетристический отдел «Начала» сразу же оказался качественно ниже, чем в других марксистских журналах, в частности в «Новом Слове» и «Жизни».

Поскольку крупнейшие литераторы, сотрудничавшие почти во всех марксистских журналах, в «Начале» по той или иной причине не печатались, журнал не блистал в своей художественной части. Г. В. Плеханов был далеко не высокого мнения о литературных достоинствах книжек «Начала», что явствует из письма к нему П. Б. Струве от 17 мая 1899 г.

И действительно, если среди прозаических произведений, помещенных в первой книге, были такие художественные произведения как «Леонардо да Винчи» Д. С. Мережковского [1], то подбор стихов не был в достаточной мере оригинальным. Поэзия представлена именами Тана, Д-на и С. Яхонтова и является эпигонским подражанием «гражданской» лирике падающего народничества. Обозреватель из литературных прибавлений к «Ниве» Р. И. Сементковский так характеризовал стихи «Начала»: «между ними есть переводные и оригинальные, но все они отличаются одинаковым недостатком оригинальности. По тюрьмам сидят узники, проклинают свою судьбу и строят не только воздушные замки, но и воздушные дворцы и даже целые воздушные города. Другие поэты воспевают любовь и оплакивают руины короткого, но истинного счастья, прославляют красоты Неаполя, увлекаются песнью голосистого соловья, лежат и глядят в даль туманную и одни средь долины ждут желанную...» [2].

Уже в первой книге меньше всего печать эпигонства сказывастся на стихах Тана, этого программного для лирики того времени поэта, не лишенного перепевов, но ищущего при этом

---

[1] Роман «Воскресшие боги». Печатался в первой, второй и третьей книгах (№№ 1—2, 3, 4) «Начала».

[2] «Литературные приложения» к «Ниве», апрель 1899 г., стр. 864.

новых мотивов [1]. Он также ждет «желанную», но его «желанная» — это не традиционная лирическая героиня. Образ лирического поэта-гражданина и борца за абстрактно-демократические идеалы утверждается в стихотворении «Моя муза» (из итальянского поэта Ч. Николини). С первых же строк Тан спешит оттолкнуться от традиционного реквизита лирической поэзии, дискредитировать его для того, чтобы дать новый, действенный образ поэта:

Не ласкающий шопот любовной мольбы,
Не восторженных грез сладкозвучный напев,
Голос музы моей — это голос борьбы,
Это ненависть, злоба и гнев!..

или:

Лиры нет у меня. Для чего лира мне?

Но когда поэт переходит к созданию рельефной поэтической фигуры, синтезирующей пути народнической лирики конца 90-х годов прошлого столетия и начала нашего, тогда явственно выступают мотивы общественной неустроенности, утомленности и скорбного пессимизма:

Но в пределах тюрьмы, где скупое окно
Пропускает и днем лишь больной полумрак,
Голос музы моей изменился давно,
И теперь он звучит уж не так.
Полный сдержанных мук, полный яростных слез,
То озлобленный вопль, то мучительный стон,
Словно отзвук душевных подавленных грез,
Раздается болезненно он.

— Так утверждается Таном образ поэта, чьи «звуки создал оглушляющий плен из предсмертных проклятий и лязга цепей», образ, весьма симптоматичный для известной части народничества 90-х годов (в связи с промышленным под'емом переметнув-

[1] Появление в «Начале» поэта Тана было явлением вполне закономерным, ибо В. Г. Богораз-Тан уже тогда в области идейных воззрений склонялся к экономическому материализму. Как прозаик, Тан тяготел к натурализму, в поэзии он зачастую «перепевал» идейно-тематические мотивы творчества падающей народнической литературной ветви (П. Ф. Якубович-Мельшин, А. Н. Плещеев, С. Я. Надсон, Н. М. Минский до его «ренегатства» и др.). В этом смысле для Тана характерны в поэзии мотивы проклятий по адресу современности, находивших свое чередующееся выражение либо в глубоком пессимизме, либо в бодром призыве к борьбе. 1899 год — год большого общественного оживления — не прошел бесследно и для лирики Тана. В это время перевес социально-здоровых мотивов над эмоциями гражданской скорби в его поэзии отмечался современной марксистской критикой (см. статью о поэзии Тана М. С. Ольминского в газете «Восточное Обозрение», 1899, № 279; перепечатано в сборнике статей М. С. Ольминского «По вопросам литературы». Изд. «Прибой», 1926, стр. 68).

шейся в сторону легального марксизма) и выраженный Таном с большой полнотой и художественной последовательностью.

Не случайно для Тана и обращение к итальянскому источнику, имеющее место и у других поэтов «Начала». Революционная поэзия молодой Италии, боровшейся против австрийского великодержавия за национальное самоопределение, как нельзя лучше соответствовала по своим настроениям творческому credo деятелей ущербной полосы в русской поэзии. Пафос борьбы и революционный протест в сочетании с глубокой разочарованностью, переходящей в отчаяние, были одинаково свойственны и мелкобуржуазным бунтарям Италии и «промежуточникам» 90-х годов, сохранившим в своем творчестве элементы идейной инерции, идущей от поэзии революционного народничества, и следующим по стопам литературного выразителя кризиса и заката народовольчества — поэта П. Ф. Якубовича-Мельшина (П. Я.).

Роман Д. С. Мережковского был явлением весьма многозначащим как для журнала «Начало», так и для творчества самого Мережковского и для путей одной из многочисленных ветвей русского символизма. Здесь чрезвычайно важным является то обстоятельство, что обычный христианский мистицизм Мережковского уступает в романе место осязаемому рационализму древних верований. В романе воскресают боги древних, олимпийские владыки античного Рима и Греции, религия воплощается в игру, и все религиозные мотивы звучат в нем, как мотивы отреченных книг. Это «эллинистическое» (если так можно выразиться) мироощущение и делало роман своеобразно «революционным» в той же мере, как и другие вещи символистов. Сравнивая «Воскресшие боги» с «Юлианом Отступником» (первая часть трилогии), Р. И. Сементковский, в своей критике «Начала» примыкающий к дворянско-антикапиталистической позиции и исходивший из защиты знаменитой формулы — «православие, самодержавие и народность», замечал, что «составить себе ясное понятие о том, склоняются ли симпатии автора в пользу христианства или классического язычества, довольно трудно, тем более, что автор приписал Юлиану Отступнику мысли, высказанные во второй половине XIX столетия талантливым, хотя и полупомешанным немецким философом Нитцше. В печатающемся теперь романе автор на эпоху Возрождения, повидимому, взглянул, как на возрождение языческих богов. Этот взгляд настолько узкий и исторически неверный, что серьезно его критиковать — значило бы попросту терять время. Эпоха Возрождения была эпохой освобождения человеческого ума от пут, наложенных на него отнюдь не христианством, а средневековою схоластикою. С широкой исторической точки зрения христианство не только не потерпело ущерба в эпоху Возрождения, а, напротив, восприняло с новою силою, потому что именно в эту эпоху начала сво-

боды, терпимости, любви к ближнему, составляющие основу христианства, возымели новую силу, так что только люди, останавливающиеся на внешности и не проникающие в сущность исторических процессов, могут взглянуть на эпоху Возрождения, как на эпоху воскрешения языческих богов; в сущности же она — эпоха воскрешения истинно-христианского духа от смерти, на которую хотела его обречь средневековая схоластика и средневековый фанатизм.

Но, как бы то ни было, эти ошибочные взгляды Мережковского не представляют ничего нового: они давно известны, и, конечно, не вина критика, если автор продолжает упорствовать в своих парадоксальных воззрениях» [1].

Отзыв этот в высокой степени интересен, так как показывает, что в определенных кругах мистик Мережковский (будь то мистицизм на основе христианства или мистицизм языческой трансформации) мог восприниматься в то время, как «потрясатель» религиозно-нравственных основ господствующего строя. В этом нет по существу ничего удивительного, ибо литературные представители прусского пути развития капитализма в России (в данном случае символист-декадент Д. С. Мережковский), стремясь к реформированию русской государственности, очень часто затрогивали также интересы догматической православной церкви, извращая ее каноны в духе буржуазной религиозности. Апологеты дворянского самодержавия, консерватизма и догматической церковности («чистоты» веры), вроде М. О. Меньшикова, непрестанно указывали поэтому на связь символизма с мистицизмом, естественно не договаривая до конца причину этой взаимосвязи, коренившуюся в характере деятельности реформистского крыла буржуазии. «Один из видов декадентства — возрождающийся мистицизм, — писал М. О. Меньшиков, — это не возвращение к религии, как иные думают: религия (христианская, по крайней мере) отрицает мистицизм и считает его хуже безверия. Религия есть вера, т. е. хотя не доказанное, но прочное знание известных конечных данных, тогда как мистицизм есть незнание, возведенное в принцип. Для мистика все — тайна, все — загадка; он не верит ни разуму, ни совести, ни чувству, — все для него нереально, даже сама тайна, которая очаровывает его лишь неизвестностью — существует ли еще она? Мистик — не тот, который верит в духов (как спирит), — он был бы страшно раздосадован, если бы сверхъестественная сила обнаружилась когда-нибудь: она перестала бы уже быть сверхъестественной; для него важна лишь дымка, скрывающая что-то, хотя бы пустоту, но лишь бы он не был уверен, что это пустота. Мистики наслаждаются неуверенностью, как религиозные люди — верой. Как декаденты влюблены в противоестественное,

[1] «Литературные приложения» к «Ниве», апрель 1899 г., стр. 862—863.

так мистики — в сверх'естественное; в сущности это одно и то же — одинаковое отвращение от естества...» и т. д.[1].

Рассказ Николая Рубакина — «Митрошкино жертвоприношение» — стоит в несомненной связи с движением народнически-публицистической очерковой литературы. Содержание его довольно незамысловато: Митрошка, сын бедной мещанки, запоем читает стихотворения Некрасова о «горе народном». Поступив на должность приказчика к хлеботорговцу Мухобоеву, Митрошка занимается в период жестокой голодовки 1892 — 1893 гг. перевозкой и погрузкой хлеба. Однажды, натолкнувшись на голодающих, Митрошка раздал «хозяйский» хлеб, за что и был наказан тюремным заключением.

Такого рода рассказы, правда, с несколько иным финалом, печатались в то время в большом количестве в ряде хрестоматий для широкого чтения и имели чисто агитационное значение: показать правительство и богатое купечество в виде народных благодетелей. Рассказ Рубакина, напечатанный в момент новой вспышки голода, приобретал большую злободневность, ибо, будучи частично пародийным, он резко снижал значение благонамеренных агиток на ту же фабулу. Весь рассказ Рубакина, начиная от заголовка и кончая двусмысленной концовкой, насквозь ироничен. Особенно эффектна, по сравнению с концовками массовых произведений о голодном годе, концовка «Митрошкина жертвоприношения». Вместо счастливого конца, в котором изображается радость голодающих, получивших помощь, здесь дается дальнейшая стдьба Митрошки, переданного ловким спекулянтом Мухобевым в руки правосудия. «И пошел Митрошка в тюрьму, и всем стало ясно, что митрошкинские дела делать по голодному времени действительно неповадно», — таково заключение рассказчика.

Благонамеренный Р. И. Сементковский увидел в рассказе Н. Рубакина противозаконную пропаганду. Изложив содержание рассказа, критик писал:

«Нечего и указывать, что в глазах автора, имеющего в виду гуманные побуждения Митрошки, его герой очень симпатичный суб'ект.

Тут, как согласится читатель, нового уже решительно ничего нет. В нашей литературе существует целая огромная полоса если не справдания, то извинения всевозможных преступников. Есть даже писатели, которые как бы не в состоянии симпатизировать добродетели в обыкновенном значении этого слова и ищут истинную добродетель именно у преступников. Если бы г. Рубакин познакомил нас с человеком, который обладает достаточною энергиею и умением, чтобы без нарушения нравственного и юри-

[1] М. О. Меньшиков. «Критические очерки». Спб., 1899, стр. 137. Статья «Литературная хворь».

дического закона притти на помощь голодающим, он, действительно, познакомил бы нас с типом незаурядным в нашей литературе: его же Митрошка составляет только одну из бесчисленных разновидностей тех людей, которые для достижения благородной цели не находят других средств, кроме таких, которые не могут быть допущены в цивилизованном обществе и применение которых в широких размерах привело бы нас к варварскому состоянию, когда воровство, грабежи признаются своего рода подвигом или молодечеством» [1]. Далее Сементковский начинает критиковать повесть с точки зрения официального права и официальной морали, становясь на откровенно-охранительную позицию. «Нельзя не признать, — восклицает он, — что великая жалость к преступникам всякого рода превращается таким образом в антиобщественное явление. Может ли процветать общество, в котором нравственные понятия шатки, а в данном случае шаткость неизбежна», — и еще далее: «Жалость к ближнему должна действительно быть с т р а с т ь ю, чтобы человек придерживался иезуитского правила: цель оправдывает средства. Западный человек, проникаясь жалостью к голодающим, пустит в ход все средства, чтобы притти им на помощь. Но средства эти не будут принадлежать к числу тех, которые разрушают возможность культурной жизни. Русские же люди, даже русские писатели, проявляют большую склонность не только прощать, но и прославлять преступника, когда он, по их мнению, является жертвой условий, а тем более, когда он совершает преступление ради благородной цели» [2].

Апологет дворянской государственности и буржуазно-дворянских бюрократических «устоев», Сементковский не даром с такой желчностью нападает именно на рассказ Н. Рубакина, выделяя его среди всех художественных произведений номера, как наиболее крамольную, наиболее опасную вещь. Н. Рубакин был и оставался народником, и входил он в журнал беспрепятственно, главным образом, потому, что в народнической среде никогда «столпом» не был. В разбираемом его рассказе жили, хотя и в очень слабой форме, традиции старого революционного народничества, и для полуофициозного критика Сементковского это было всего страшнее. Сементковский стоял, разумеется, на иных идейных позициях, нежели легальные марксисты и их символистские «друзья», но он отлично учитывал их буржуазно-реформистскую сущность и поэтому только спорил с ними с той или иной степенью резкости. Современное народничество, народничество Южаковых и Кривенок, либеральных полуземцев и людей «в футлярах», было также на твердом пути к реформизму и потому не представляло в основной своей линии серьезной опасно-

[1] «Литературные приложения» к «Ниве», апрель 1899 г., стр. 863—864.
[2] Там же, стр. 873

сти. Подлинная опасность коренилась в идеологии пролетариата, в революционном марксизме, но его ни азиатская царская цензура ни ее единомышленники из журналистско-критического лагеря не привыкли видеть часто в легальной печати, а потому и продолжали «искоренять крамолу», идущую от прежнего революционно-крестьянского народничества. Совершенно естественно потому, что, дойдя до рассказа Н. Рубакина, Р. Сементковский перестал полемизировать с журналом и забил тревогу по поводу «правонарушительства».

Повесть Н. Гарина «Клотильда» — вещь совершенно не характерная для марксистского журнала. Она настолько «нейтральна», что с таким же успехом могла бы появиться в народническом «Русском Богатстве» или в «Вестнике Европы», или с продолжением в каком-нибудь еженедельнике. Вещь эта была настолько же случайной для марксистского издания, насколько случайным было участие ее автора в движении марксистской журналистики. Гарин-Михайловский «называл себя «истинным» марксистом, марксистом не на словах, а на деле, уже по одному тому, что он строит железные дороги и таким образом способствует развитию капитализма в России» [1]. Во время создания марксистского «Нового Слова» он, — по словам В. А. Поссе,— разыгрывал из себя мецената, обещал дать денег на журнал, но в конечном счете их не дал. Настоящих общих корней с марксизмом у Гарина не было.

Повесть «Клотильда» и критикой воспринималась, как явление незначительное. «Ничего нового не вносит в обиход нашей общественной мысли и повесть г. Гарина «Клотильда». Повесть эта написана очень мило, со свойственною автору горячностью и поэтичностью. Тема ее — вариант на знаменитую «Даму с камелиями» Дюма-сына. Тема эта вечно будет занимать людей, и пока она их занимает, наиболее гуманные из них будут решать ее так, как решил ее французский писатель и как решает ее с необыкновенною силою гр. Л. Н. Толстой в своем новом романе: «Воскресение». Таким образом и в повести г. Гарина мы не находим ничего нового», — писал Р. И. Сементковский [2].

Довольно замечательным моментом в художественной политике «Начала» была помещение романа Вильгельма фон Поленца «Помещики» («Der Grabenhäger»), в переводе Зинаиды Журавской. Как писатель, Вильгельм Поленц относится к поколению немецких натуралистов. Деятельность его совпадает с той порой в эволюции натурализма в Германии, когда отчетливо обозначился канон школы. Задание всего натуралистического искусства понимается, как чисто описательное. Сюжетная схема упрощается

---

[1] В. А. Поссе. Назв. соч.
[2] «Литературные приложения» к «Ниве», апрель 1899 г., стр. 863.

до изгнания всякого драматического напряжения, до удаления психологических мотивов. Основная тема описательного, фотографического натурализма — тема больших социальных конфликтов. Идя по стопам Эмиля Золя, немецкие натуралисты пропагандируют опороченную в Германии форму романа. Среди них Поленц представляет собою чрезвычайно любопытную фигуру. Это золаист, работающий над крестьянской тематикой. Добросовестная натуралистическая описательность, без подчеркнутого социального осмысления, оказалась все же весьма сильно действующей в романах Поленца («Крестьянин Гютнер», «Помещики» и др.), настолько сильной, что сделала их как бы реальным художественным комментарием к работам раннего Каутского о положении сельского хозяйства. Немецкий натурализм во многом был чужд русской литературной системе 90-х годов и мог войти в нее лишь тогда, когда некоторые моменты в его тематике могли казаться актуальными для текущего момента в общественной жизни того времени. Именно так вошел в русский марксистский журнал Вильгельм Поленц [1]. Об'ективная ценность его тематики, посвященной кризису сельского хозяйства в эпоху индустриализации, значительно превысила особенности натуралистического стиля в его вещи и сделала ее ценным художественным вкладом в журнал. (Более того, если бы В. Поленц был представлен в журнале более широко, то его произведения четко доказали бы марксисту-читателю «Начала» ложность ревизионистских взглядов С. Булгакова, изложенных в выше разобранной статье.) Ориентация на немецкий натурализм подкреплялась еще и тем, что в Германии марксистская литературная критика, в лице Франца Меринга и др., была очень высокого мнения об общественной значимости этого направления.

Внешне неожиданная для «марксистского» журнала апология декадентского символизма дана в статье Зинаиды Венгеровой — «Трагическое начало в драмах Метерлинка». Если художественные произведения символистов, помещавшиеся в легально-марксистских журналах, могли быть ошибочно восприняты некоторыми, как установка редакции на художественное новаторство и привлечение крупных литературных сил, то их критические статьи, особенно такие, как Зин. Венгеровой, в которых фаталистический психологизм Метерлинка выдается чуть ли не за отражение «трагизма», присущего современному миросозерцанию», должны окончательно открыть глаза на классовое существо этого сотрудничества, о котором речь будете особо ниже.

Статья о Морисе Метерлинке, в которой «душевный трагизм» драматурга-символиста, проповедника «страха перед жизнью», оправдывается тем, что он «соответствует вечным за-

[1] Роман «Помещики» печатался в первой, второй и третьей книгах (№№ 1—2, 3, 4) «Начала».

дачам искусства», превосходно иллюстрирует это положение. Но если в этой статье Зин. Венгерова все же не может не признать, что значение Метерлинка, «как учителя современности», ограничивается теми обстоятельствами, что он «не задается этическими задачами», «не создает новых идеалов прекрасного», что «его даже нельзя назвать художником идейным потому, что никакого нового понимания вопросов жизни и духа он не дал в своих драмах», то ее рецензия на «Происхождение трагедии» Фридриха Нитцше еще резче подчеркивает корни родства между струвианцами и метафизическим идеализмом символистов. Н. К. Михайловский в своем отзыве о «Начале» очень остро поставил вопрос о вхождении символистов в марксистский журнал. «Г. Туган-Барановский с большим презрением говорит о всякого рода декадентстве и эстетизме», похороненных вместе с «Северным Вестником». Но г. Туган-Барановский с высоты своего величия не замечает, что эти покойники возрождаются, если позволительно так выразиться, у него под носом», — писал Н. Михайловский и далее продолжал: «в «Начале» напечатана статья г-жи Венгеровой «Морис Метерлинк». Это еще только первая статья, имеющая подзаглавие: «Трагическое начало в драмах Метерлинка». Из нее узнаем, между прочим, что драмы этого декадента или символиста «вышли из глубины современного миросозерцания». Но глубина эта явственнее выступает в статье самого Метерлинка «Эгоизм», перевод которой журнал «Жизнь» счел нужным предложить вниманию читателей в своей 2-й книжке за текущий год. Это — апофеоз того двусмысленного индивидуализма, в состав которого входит, как необходимая интегральная часть, любовь к дальнему в ущерб любви к ближнему... Метерлинк не один держит это новое знамя рядом с гг. Струве, Гвоздевым, Туган-Барановским. В «Начале» печатается роман г. Мережковского «Воскресшие боги». Прикосновенность г. Мережковского к столь презираемым г. Туган-Барановским «всякого рода декадентству и эстетизму» — достаточно известна. Но известна также крайняя неустойчивость образа мыслей этого талантливого писателя. Поэтому можно было бы ожидать, что раз его произведение появляется в «Начале», похоронившем «всякого рода декадентство и эстетизм», — в этом новом произведении г. Мережковского мы встретим какой-нибудь новый поворот. Однако уже самый эпиграф романа намекает на противное.

Эпиграф к своему роману г. Мережковский взял у Достоевского: «Ужасно то, что красота не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердце людей» [1].

---

[1] «Русское Богатство», 1899, кн. 4, стр. 213—214.

Но возвращаемся к Зин. Венгеровой, точнее, к ее рецензии на «Происхождение трагедии» Фридриха Нитцше[1]. В этой рецензии Зин. Венгерова не только не пытается критически подойти к нитцшеанству, но, наоборот, стремится пригладить этого «бурного гения» немецкой философии, раз'ясняет его парадоксальность, которую считает в сущности кажущейся, маскирует его философскую непоследовательность. Философия Нитцше предстает совершенно законченной, последовательной до конца. «Нитцше познал в... роковом противоречии, в саморазрушении с целью воссоздать из себя бога, разрушающего «я» созидателя, — высший мистический смысл всего бытия», — пишет Венгерова. А «Происхождение трагедии», первое историко-литературное произведение Нитцше, определяется ею как «ступень к тому, что завершило мистическим синтезом все его учение». Продолжатели всегда стремятся канонизировать зачинателей. И нитцшеанка Зин. Венгерова старательно дополняет Нитцше, комментирует его, читает между строк для того, чтобы отдельные принципы философа превратить в стройную логическую систему. Так прилаживается Нитцше к теории человекобога, развиваемой кружком Мережковских, а материал для подкрепления теории находится не в «Заратустре», а в «Происхождении трагедии», в которой, — по словам Зин. Венгеровой, — «Нитцше хотя и говорит о взаимодействии двух начал—Диониса и Аполлона, — но явно отдает предпочтение первому, как силе, возвышающей человека над самим собой и создающей божественное в человеке».

Итак, статьи З. Венгеровой, казалось, внешне решительно выпадали из идейной целеустремленности легально-марксистского органа. В действительности же они, будучи продиктованы теми же социально-экономическими закономерностями, что и литературно-политическая платформа легального марксизма, входили в журнал отнюдь не в порядке исключительном. Философская реакция и ревизионистский уклон, захватившие легальный марксизм, давали полную возможность легальным марксистам блокироваться с классово однородной (хотя еще временно инаконаправленной) литературной средой — символистами. Особенно убедительно оправдывает это положение письмо одного из фактических редакторов «Начала» П. Б. Струве к Зин. Венгеровой (по поводу разобранных выше ее статей), найденное нами в архиве самой Зин. Венгеровой (хранится в Институте новой русской литературы Академии наук СССР и датировано 7 марта 1899 г.). В виду того немалого значения, которое письмо это может иметь при решении такой запутанной проблемы, как вопрос об идеологических предпосылках литературного «блока»

---

[1] «Начало», кн. 2 (№ 3), март.

символистов с легальными марксистами, приводим его полностью. Вот что писал П. Б. Струве относительно критико-теоретических этюдов Зин. Венгеровой:

«Многоуважаемая Зинаида Афанасьевна!

Я ничего не имею против того, чтобы вы отложили второй этюд о Метерлинке до апрельской книжки. То обстоятельство, что нас ругают за вас, не играет в этом никакой роли. Нас ругают за все. Я лично сочувствую статьям о Метерлинке и не боюсь конфликта с «читающей публикой». Итак, не торопитесь с Метерлинком, но не оставляйте его — вот мое откровенно высказываемое желание. За рецензию о переводе Нитцше буду очень благодарен.

Искренно преданный вам П. Струве».

Но в то время как П. Б. Струве переписывался с Зин. Венгеровой, охотно открывая двери в журнал легального марксизма не только своим друзьям-ревизионистам, но и откровенным идеалистам, а Н. К. Михайловский издевался над струвианцами, пошедшими на блок с символистами, В. И. Ленин, для которого художественная литература всегда являлась неот'емлемой и своеобразно воплощенной частью политики, писал по вопросу, поднятому в цитированной статье Н. К. Михайловского, что он (вопрос) является прямым продолжением линии, начатой статьей С. Н. Булгакова против К. Каутского. Разрыв между революционным марксизмом и легальными марксистами, защищающими идеализм позиций австро-марксизма и бернштейниады, давал такую трещину, которую нельзя было замазать надолго даже общей борьбой с народничеством. «... Нельзя, — писал В. И. Ленин, — замолчать тех коренных разногласий между «ортодоксией» и «критицизмом», которые выступили в марксизме немецком и русском. Противники все равно пользуются уже разногласиями (Михайловский в № 4 «Русского Богатства»)» [1].

В первой же книжке «Начала» появляется М. Неведомский (М. П. Миклашевский), один из первых литературных и художественных критиков, примыкавших в 90-х годах к марксизму, а в начале 900-х годов оформившийся в качестве литературного меньшевика. Выступает он со статьей, посвященной памяти недавно умершего художника Н. А. Ярошенко (ум. 25 июня 1898 г.), под названием «Художник-интеллигент».

Разбирая творчество Ярошенко, одного из крупнейших художников передвижничества, течения, которое, по словам Неведомского, плелось в хвосте у народнической литературы, Неведомский, после ряда полемических выходок против теоретиков

---

[1] В. И. Ленин. «Письма к родным (1994—1919)». Гиз. 1931. стр. 210. стр. 210.

передвижничества (главным образом против «трудами голосистого и не по разуму усердного «бояна» — В. В. Стасова» и др.), не без удовольствия констатирует идейный крах передвижничества.

«Мы получили первые два номера нового журнала «Начало», сброшюрованные в одну книжку, где выступают боги так называемого марксистского учения. Любопытно, что полемические тенденции и строгую последовательность, в духе отрицания противного лагеря, — лагеря народнического, — редакция сумела проявить даже в критической статье о Ярошенко. Автор приходит к тому выводу, что «красота ржаного поля» наложила явственную печать «на интеллигентское (?) художество — на интеллигентскую мысль вообще», и в этом заключается вся ошибка народничества. Ошибка же марксизма заключается пока в неправильном пользовании прилагательным «интеллигентский». Это ошибка чисто грамматическая», — писали «Новости» Нотовича о статье Неведомского [1].

Газета эта, сама с торжеством возвестившая о крушении передвижничества, отступила здесь от прежней точки зрения не потому, что она от нее отказалась, а потому, что предпочитала народнические тенденции в искусстве казавшимся марксистскими взглядам на искусство, которые она в полемическом негодовании склонна была истолковывать, как «грамматическую ошибку».

А между тем статья М. Неведомского, правильно критиковавшего передвижничество, как продукт разложения народнического стиля в изобразительном искусстве, совершенно неверно трактовала содержание народнического искусства, как продукт интеллигентского творчества. Такая трактовка (как это уже выяснялось во введении) являлась уже в конце 90-х годов по существу потенциально-меньшевистской и, как известно, в дальнейшей критической практике Неведомского приняла совершенно явные формы.

Среди старшего поколения марксистов эта статья произвела, однако, чрезвычайно благоприятное впечатление. В. И. Засулич писала Г. В. Плеханову в мае 1899 г.: «...«Начало» вообще очень бледно. Из него, говорят, цензура систематически вырезывает все лучшие статьи. Мне всего больше понравилась статейка «Художник-интеллигент» какого-то Неведомского» [2].

Во второй книге «Начала», как и в первой, отдел беллетристики открывался романом Д. С. Мережковского (продолжение). Появляется в ней и В. Вересаев с очерком «из летних встреч». Печатая очерковую литературу, марксистские журналы следовали традициям народнической прессы. Так называемые «физиологи-

---

[1] «Новости», 1899, № 61, отдел «Русская печать».

[2] Письмо неопубликовано и хранится в Доме Плеханова в Ленинграде.

ческие» очерки давали возможность раннему народничеству вскрывать язвы народного быта, одновременно давая значительное приближение к об'ективному реализму. Именно с этой точки зрения подходили к очерку такие корифеи русской беллетристики, как Глеб Успенский и Всеволод Гаршин. С крахом идейного народничества очерк сделался достоянием натуралистов-золаистов, типа П. Д. Боборыкина, фиксировавших тысячи мелких деталей, но проходивших мимо основных социальных корней описываемых явлений, мимо общего колорита эпохи. Между тем характер общественных настроений удобнее всего и лучше всего мог быть вскрыт и углубленно проанализирован в художественной литературе именно посредством очерка. Это обстоятельство отлично учитывалось наиболее близкими к марксизму сотрудниками журнала, стоявшими на позициях экономического материализма. Так, примерно с середины 90-х годов «Вересаев посвящает ряд мелких рассказов анализу связи городского пролетариата с крестьянским хозяйством. Все они — очень живые иллюстрации к тем спорам, которые велись тогда в Вольно-экономическом обществе, — выставляли то «непонятное, раздражающее и давящее своей несообразностью», что было связано с сохранением зависимости рабочей массы от упадочного хозяйства деревни. Это все та же «власть земли», о которой писал еще Глеб Успенский. Только здесь, у Вересаева, прослеживается, как длинные щупальцы ее тянутся в город и опутывают рабочего. Московский литейщик «В сухом тумане» (1899 г.) отчетливо сознает, что «в нынешнее время... не кормит она, деревня», что, наоборот, она выбирает у него все соки, разрушает его семейную жизнь, требуя его «бабу» в хозяйство отца; и все же он не решается «порешить хозяйство», из-за прозрачной надежды найти в деревне последний жизненный приют, когда заводская работа окончательно сломит его силы. Это будет полная тоски медленная агония в ставшей уже чуждой среде, но без этой призрачной надежды нет сил нести иссушающую работу в городе» [1].

«Когда человек в конец измотается на работе, когда, — бессильный и больной, с из'еденными чахоткою легкими, — он будет выброшен на мостовую, как негодная ветошка, — что тогда?

Тогда себя, мой гордый брат,
Голодной смертью умори ты.

Лучше уж медленная агония в деревне. Но ведь все-таки же это не больше, как агония. А право на эту агонию приходится покупать ценою ломки и калечения всей жизни», — так заканчивает свой очерк о судьбе пролетария-литейщика В. В. Вересаев.

[1] С. Вожосек. «Жизнь и творчество В. Вересаева». Изд. «Прибой», 1930, стр. 63.

Чрезвычайно интересно появление в «Начале» драматической поэмы шведского писателя Тора Гедберга «Гергард Гримм». Как уже выше отмечалось, поэма была признана даже в Цензурном комитете лишенной всякой политической окраски. Обстоятельство это очень характерно для отношения цензуры к тому направлению внутри символизма, которое можно определить, как символизм психологический, близкий по типу к творчеству Метерлинка и Ибсена-символиста. Цензурное ведомство не только не боялось литературной продукции этого течения, но, наоборот, как бы поощряло его, превосходно учитывая его социальную функцию. Оно относилось к такого рода произведениям столь же покровительственно, как некогда знаменитый начальник III отделения собственной его императорского величества канцелярии Л. В. Дуббельт относился к лирической поэзии В. А. Жуковского. «Размышления вызывают размышления, звуки — отголоски, иногда неверные. Благоразумнее не касаться той струны, которой сотрясение произвело столько разрушительных переворотов... и которой вибрация еще колеблет воздух», — писал Л. В. Дуббельт, отстаивавший право на элегию, психологическую медитацию и пейзажную лирику. Под его формулой — «не касаться струны» социальных проблем — с охотой расписался бы и Цензурный комитет 90-х годов в лице цензора Соколова, с благодушной миной прошедшего мимо «Гергарда Гримма». Но «курс» на психологический символизм,—затуманивавший и разлагавший общественное сознание,—взятый Цензурным комитетом, никак не мог соответствовать запросам и потребностям читателей марксистского журнала. Такие изречения, как:

Оставь ты мир итти своей дорогой,
Оставь людей из кожи лезть, бороться,
Любить и лгать, родить, вести торговлю,
Как делали они тысячелетья!

или: «но лишь в уединеньи свободно общество мы выбираем», вложенные в уста героя, «прославленного ученого» Гергарда Гримма, не удовлетворяли читателя, искавшего в художественном отделе поэтических формулировок своих лучших общественных чаяний, а вовсе не сконденсированного социального индифферентизма и проповеди глубокого индивидуализма.

Произведение Тора Гедберга не могло оказаться ни тематическим, ни стилистическим, ни каким бы то ни было иным компонентом даже легально-марксистского журнала и целиком выпадало из идейной направленности «Начала». Помещение его может быть об'яснено условиями беллетристического голода, в которые было поставлено «Начало», хотя бы по сравнению с «Жизнью», поглощавшей лучшую (в смысле идейности) художественную продукцию. С другой стороны. редакция, учитывая тя-

желое положение журнала, поставленного с первого же номера под угрозу запрета, могло расценивать эту поэму, как компромисс, на который следовало итти с тем, чтобы придать второй книжке характер большей благонамеренности. Но во всяком случае, так или иначе, поэма резко дисгармонировала с остальным содержанием номера. Переведена она была Анной Ганзен, известной переводчицей Андерсена и Г. Ибсена.

Впрочем, редакция и сама понимала неудачу, постигшую ее в подборе беллетристики для второй книги. «Ваше огульное осуждение беллетристики меня очень удивляет. На мой взгляд, роман Мережковского — крупная и по исполнению и по замыслу вещь. Остальное, за исключением вещицы Вересаева, действительно плохо», — писал главенствовавший в редакции П. Б. Струве за границу Г. В. Плеханову [1].

В майском номере «Начала» появляется новый роман — «Тенета» А. А. Лугового-Тихонова, беллетриста, сотрудничавшего и позднее во многих марксистских и полумарксистских изданиях, писателя, проводившего вполне определенную общественную линию, известного в литературных кругах Петербурга в качестве либерала с уклоном к демократизму. Роман «Тенета», предоставленный А. Луговым редакции «Начала», уже начал было печататься в журнале изящных искусств и литературы «Артист» с № 45 за 1895 год, но так и остался незаконченным, в виду прекращения этого издания. Начало романа, уже печатавшееся в «Артисте», как раз и составило ту часть, которая была помещена в № 5 «Начала», при чем ожидалось и продолжение.

Отдавая роман для помещения в идейном органе, Луговой отлично понимал, к чему его обязывал такой поступок. Свое литературно-общественное задание он попытался сформулировать в небольшом наброске под заглавием «Тенета»:

«В «Гранях жизни» [2] я развивал теорию отрицания ревности при всех взаимных отношениях полов, в «Тенетах» я сделал попытку показать практическое осуществление этой теории в семейной жизни. С этой точки зрения, «Тенета», не имея ничего общего с фабулой и действующими лицами «Граней жизни», могут быть, тем не менее, рассматриваемы как непосредственное идейное продолжение первого романа. Но в «Гранях жизни» я брал теорию всесторонне, в «Тенетах» я коснулся практики жизни только с одной стороны, и притом взял случай, близкий к границам психопатологии. Те же положения действующих лиц, без придатка болезненности и страдания, та же радужная акварель,

---

[1] Из неизданного письма от 17 мая 1899 г., хранящегося в Доме Плеханова в Ленинграде.

[2] «Грани жизни». Роман в пяти частях. См. Соч. А. А. Лугового, т. II. Спб., 1894.

но с жизнерадостным содержанием, еще показались бы для современного большинства или несвоевременной утопией или чем-то чудовищным» [1].

Ведавшая литературным отделом «Начала» А. Калмыкова была очень заинтересована в получении для журнала романа, с социально-психологической точки зрения трактующего вопрос о семье. В архиве Лугового сохранилась переписка, посвященная специально вопросу о «Тенетах». Попутно из переписки удается выяснить материальное положение редакции. Денежный фонд «Начала» был, повидимому, далеко не велик, а ресурсы еще не развернувшегося издания — незначительны.

«Алексей Алексеевич, — пишет Калмыкова Луговому [2] — рукопись «Тенета» прочла. Редакция «Начала» просит вас дать это произведение ваше для напечатания. Зовите меня для ознакомления с 2-й частью в субботу. Свободна с 8 ч.

С напряженным нетерпением (как дом Мурузи [3]) жду увидеть, как вы разделаете под орех Костеньку [4]. Какой глубокий и очередной вопрос затрогивается вами на страницах, где Костенька кается и желает о ч и с т и т ь с я для своей будущей семейной жизни! Только сойдемся ли мы здесь с вами. Большой разговор, а может быть — горячий бой...

О п р е з р е н н о м металле, пожалуйста, зайдите переговорить».

Следующее письмо короче; оно имеет характер записки:

«Посылаю при сем, Алексей Алексеевич, в придачу к 500 р.— 50 р. Редакционного заседания не было. Будьте уверены, что интересы ваши в лице романа «Тенета» буду блюсти.

Расписку в получении денег от меня, но в счет гонорара за роман «Тенета», принятый редакцией «Начала», потрудитесь дать посланному моему [5]. Корректуру «Тенет» пришлем на-днях, если не сегодня, а также Апрель, как только выручим из плена», — пишет она 27 апреля 1899 г., а 5 июня добавляет: «Вчера вам послан 1 экз. корректуры, сегодня посылаю другой. Вчера передала вашей жене 50 р. При всем желании е д и н о л и ч н о б о л ь ш е не могла ничего сделать».

Беллетристика № 5 состояла, кроме «Тенет», из трех переводных вещей: «Картинки нью-иоркской жизни» Philipp'a Berges (перевод с немецкого С. Ратнер), «Мессер Гвидо Кавалькан-

---

[1] Из неопубликованного архива А. А. Лугового (папка — «Луговой о своих сочинениях»).

[2] Письмо написано на редакционном бланке «Начала» и датировано 20 января 1899 г.

[3] Дом на углу Литейной и Пантелеймоновской (Ленинград), в котором жила героиня «Тенет» Леля Знойко.

[4] Костенька — герой «Тенет».

[5] Письмо написано на редакционном бланке «Начала» и датировано 8 апреля 1899 г.

ти» (из сборника Анатоля Франса: «Источник св. Клары», перев. с французского Сергея Ольденбурга), «Верный» — рассказ А. Килланда (перевод М. Чепинской), и оригинальных вещей: Вацлава Серошевского «Акварели» и Д. Ведребисели «Смерть Мураша».

Поэтический отдел четвертой книги представлен именами З. Н. Гиппиус и Тана. Стихотворение З. Н. Гиппиус отличается типичными для поэзии раннего символизма чертами индивидуализма и неудовлетворенности действительностью с вытекающими отсюда эмоциями скептицизма и пессимизма.

В нем над всем довлеет образ «неуспокоенной тени», плывущей «в лодке Харона с гребцом безучастным». Но и в загробном мире лирический герой не находит себе успокоения:

И все мне здесь кажется странно-неважным,
И сердце, как там, на земле, — равнодушно.
Я помню, конца мы искали порою,
И ждали и верили смертной надежде...
Но смерть оказалась такой же пустою,
И так же мне скучно, как было и прежде.
Ни боли, ни счастья, ни страха, — ни мира,
Нет даже забвения в ропоте Леты...
Над Стиксом безгласным туманно и сыро,
И алые бродят по камням отсветы.

Тем же пессимизмом (хотя и идущим не с позиций буржуазно-дворянской поэзии, но проникнутым «рецидивами» ущербной народнической поэзии типа П. Я., позднейшего А. Н. Плещеева и др.) пронизано стихотворение Тана «Судьба». Герою поэзии Тана — лирическому суб'екту, этому лирическому «я»—предстает странная гостья:

В тумане гневных слез глаза ее горели
И прямо в душу мне настойчиво смотрели,
«Я — Скорбь!» — сказала мне она.

Лирическая тема приобретает черты драматизации, она движется диалогом. В заключении дается мелкобуржуазно-анархистская мысль о том, что революционное бунтарство, революционный подвиг неразрывно связаны с присутствием скорби. Скорбь говорит:

Бессмертием и славой
Венчается лишь тот, кто отдается весь
Суровому труду и мукою кровавой
Решается купить победу мысли правой!

И проникнувшийся сознанием своего народнически понятого общественного долга, лирический поэт резюмирует, обращаясь к своей «собеседнице»:

Тогда, покорена мечтою величавой,
Сказала я: «останься здесь!..»

Художественно-критический отдел номера занят статьей М. Неведомского «О современном художестве», в которой, одновременно с обзором петербургских художественных выставок за год, дается ответ Н. К. Михайловскому на его замечания по поводу статьи Неведомского о Ярошенко.

Закончив таким образом историко-критический обзор литературно-художественного и литературно-критического материала «Начала», рассмотрим теперь один из основных вопросов литературной политики марксистских журналов, весьма остро стоявших и в нашем журнале, а именно: проблему социально-классовой детерминированности вхождения в марксистский журнал литераторов-символистов (здесь, разумеется, речь идет исключительно о легально-марксистских изданиях, ибо такие документы марксистской прессы, как большевистская газета «Новая Жизнь» 1905 года, естественно, не входят в круг данного вопроса. Если в отношении к легальному марксизму можно говорить об идейном и классовом родстве с символизмом, то сотрудничество символистов в большевистской печати следует воспринимать исключительно как временное попутничество, и только как таковое).

Вопрос о классовой сущности идейно-творческого «блока» легальных марксистов с символистами — вопрос далеко не новый. Вокруг него уже имеется довольно солидная литература. Целый ряд фактов из истории русской литературы и журналистики 90-х и 900-х годов, свидетельствующих о тесной консолидации этих двух литературно-политических явлений, заставил историков литературы обратить на себя особое внимание и попытаться определить характер этого исторического контакта.

А фактов, рисующих союз легальных марксистов и символистов, как далеко не мнимую величину, было настолько много, и качественная их весомость была настолько велика, что достаточно указать лишь на очень немногие из них, дабы убедиться в том, что союз этот не был явлением случайным.

Еще с середины 90-х годов легальные марксисты вступают в теснейшее взаимодействие с символизмом, прочно образуя некое литературное единство на страницах легально-марксистских журналов и с достаточной точностью определяя сферу своих функций в марксистской периодике. С этого времени роли в легально-марксистских журналах оказываются твердо и постоянно распределенными между участниками «блока»: гегемония в художественном отделе оказывается в руках символистов, в то время как все остальные отделы переходят в полное ведение легальных марксистов и заполняются их материалом. Лишь изредка появляются символисты в теоретических отделах легально-марксистской периодики, и появляются они там, как правило, в тех случаях, когда их статьи не противоречат точке зрения легальной марксист-

ской редакции на освещаемый ими вопрос. Таким образом символисты с самого зарождения легальной марксистской прессы оказываются ее непременными участниками. В журнале В. А. Поссе «Жизнь», наименее устойчивом органе легальных марксистов, давшем крен в сторону мелкобуржуазного анархизма, символисты занимают видное место: здесь постоянно печатаются К. Д. Бальмонт, З. Н. Гиппиус, Любовь Як. Гуревич и др. Та же картина наблюдается и в журналах «Мир Божий», «Новое Слово» и в особенности в «Начале». Рубеж столетий и революция 1905 года, вызвавшие ряд перегруппировок в литературной общественности, также не уничтожили «блока», наоборот, упрочили его и дали ему новые формы связи. Легальные марксисты, переходя в журналы русских символистов, утверждаются в их идейном органе «Новый Путь» и в ряде журнальных статей и сборников иллюстрируют единство литературно-общественной платформы.

Такое противоречивое на первый взгляд явление, как «блок» внешне враждующих литературных лагерей, не могло не вызвать особого интереса в современной прессе, и поэтому вопрос о сущности и характере этой связи начал дебатироваться еще очень рано. При этом надо сказать, что как раз современники подошли к этой проблеме наиболее радикально, и хотя и не сумели раскрыть всей системы связей и опосредствований, благодаря которой сформировался «блок», но дали, тем не менее, ряд ценных частных указаний. В этом смысле, как ни парадоксально это звучит, основная заслуга принадлежит критикам-народникам, отыскавшим в полемике с легальными марксистами ряд существеннейших отправных моментов, определивших классовый характер их литературного «блока» с символистами. Правда, критики народнического лагеря не сумели при этом возвыситься до отыскания социологического эквивалента найденной аналогии, определить который, как увидим далее, можно только исходя из ленинской схемы русского исторического процесса и понять который всего легче в свете ленинского учения о прусском и американском путях развития капитализма в пореформенной России, а ограничились констатированием факта внешнего сходства между обоими течениями и резким критически-полемическим резюме по этому поводу. Но, тем не менее, замечания Протопопова по-

менительно к легальному марксизму о том, что «без дерзкого ницшеанства не было бы и самоуверенного марксизма»[1] (журнал «Русская Мысль»), и попытка Н. К. Михайловского («Русское Богатство», 1899, кн. 4) уловить черты сходства и даже совпадения в отношении легальных марксистов и символистов к ницшеанству, будучи введены в определенную систему воззре-

---

[1] Читай: легального марксизма, ибо о нем именно и идет речь в цитируемой статье.

ний, могут дать гораздо больше для уяснения реальных корней «блока», чем последующие рассуждения буржуазных социологов, лишь в дальнейшем попытавшихся приблизиться к марксизму (Коган), и откровенных оппортунистов в литературной политике (Троцкий), в той или иной форме бравшихся за освещение этой проблемы. Народники верно подметили, что значение Ницше для двух сомкнувшихся в едином «блоке» систем было поистине «больным местом» и той и другой, ибо обращение к идейному проповеднику империализма сразу же обнаруживало классовые корни и явные или еще неявные тенденции его последователей.

Впрочем, коснувшийся этого вопроса П. С. Коган решительно встал на защиту легального марксизма и, квалифицируя его как «крайнюю демократическую» (!) систему, нашел, что единственные черты, роднившие легальный марксизм с декадентством и нитцшеанством, заключались в молодой «дерзости» и что «соединение тех и других в одном органе было недоразумением» [1]. Уже из одной только квалификации, данной П. С. Коганом легальному марксизму в 1910 году, т. е., в то время, когда о классовой сущности этого общественного слоя уже не спорили даже в легальной прессе и когда сама группа легальных марксистов могла протестовать против такой аттестации, видно, что народники поставили (но не решили) проблему гораздо яснее, нежели пытавшийся претендовать на ее разрешение с точки зрения марксистской социологии П. С. Коган.

И действительно, если бы Коган, писавший о приведенном выше протопоповском высказывании, что «усматривать причинную связь между крайним демократическим учением и антидемократической философией Ницше мог только критик, который оценивал литературные явления прежде всего с точки зрения «дерзости» и «самоуверенности» [2], если бы Коган попристальнее всмотрелся в подлинную расстановку классовых сил в России в 90-х и 900-х годах, и, найдя таким образом закономерности политико-экономической конфигурации страны и классовой борьбы в ней, стал отыскивать закономерности частные (художественные), вырастающие из первых, то он, пожалуй, иначе отнесся бы к приведенному замечанию народника. А правильное социально-классовое использование этой протопоповской фразы, быть может, показало бы Когану, что, отрицая, в угоду теории Ницше и других индивидуалистов, идею о примате личности над обществом (Uebermensch'а над толпой, над der blonden Bestie), необходимость вмешательства интеллектуальной единицы (будь то лавристская критически-мыслящая личность или что-либо иное)

---

[1] П. С. Коган. «Литературные направления и критика 80-х и 90-х годов». См. «История русской литературы», под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского, т. V. Изд. «Мир», 1910.

[2] П. Коган. Там же.

в общественную жизнь, — символисты, перекликаясь с легальными марксистами, систематически провозглашавшими, что интеллигенции нечего влиять на действительность, ибо она развивается по своим непреложным и исключающим воздействие свободной воли законам, — символисты, равно как и легальные марксисты, выступали не только против мелкобуржуазного радикализма народников, но и против пролетарского активизма революционных марксистов.

Указанными замечаниями, разбросанными в статьях, почти что исчерпывается литература вопроса. Если прибавить к этому несколько высказываний Троцкого [1], сделанных мимоходом, на ряду с изложением оппортунистической художественной платформы и целиком связанных с троцкистско-меньшевистской теорией русского исторического процесса, то станет совершенно ясным, что вопрос о классовом цементе и политических формах литературного «блока» символистов и легальных марксистов продолжает все еще пребывать в состоянии историко-литературной проблемы, ибо специальных работ на эти темы пока не имеется. Исключение: два-три верных, хотя и не решающих, замечания Ю. Стеклова, об'единяющего легальных марксистов и символистов на основании их тяготения к философскому идеализму [2].

Итак, блок русских символистов с легальными марксистами получил свое наиболее яркое выражение в истории русской журналистики. Крупнейшие явления русской дореволюционной периодики, от «Нового Слова» до позднейшей «Русской Мысли» (под ред. П. Струве), являются одновременно яркими документами этой исторически закономерной консолидации. Даже Октябрьская революция, забросившая наиболее типичных представителей «блока» в эмиграцию, не стерла до конца этой литературно-политической коалиции, и, спаянные все слабеющей и окончательно самой действительностью опровергнутой надеждой на неизбежность для Советского союза буржуазного пути развития, эти обломки дореволюционной России продолжают свою совместную работу. Мирное сожительство на одной газетной полосе эпигонов буржуазно-дворянского стиля, в прошлом именовавшегося «русский символизм», и эмигрантов-струвианцев, уже давно ставших совершенно легальными буржуа без всякого намека на марксизм, — не есть ли это великолепное подтверждение слов К. Маркса о том, что явления, выступавшие на соответствующей исторической почве и в соответствующих социально-политических условиях не без внешнего и показного блеска (скрывающего внутренние противоречия и элементы упадка), утратив реальную почву и живя общественными иллюзиями, неминуемо

---

[1] «Печать и Революция», кн. III, стр. 3.
[2] Ю. Стеклов. «Современный литературный распад». 1908.

предстают в комическом аспекте. Но отбросим смешное и обратимся к раскрытию классовой сущности большой серьезности исторического и историко-литературного явления.

Как и его внешний антагонист — символизм, легальный марксизм был порожден гигантским промышленным под'емом России 90-х годов и, подобно первому, был движим характером буржуазного развития русской экономики. С самого своего зарождения легальный марксизм определился, как вполне очевидная буржуазная концепция, для которой марксизм служил лишь одним из основных приемов доказательства необходимости для отсталой русской экономики вступления в русло буржуазного развития. Появившись на гребне новой экономики и нового социально-политического уклада, легальный марксизм, как и символизм, естественно, стал во враждебную позицию к двум основным идеологическим тенденциям, родившимся на основе прошлого русской экономики и воспринявшим черты резкого противоречия между русской абсолютистско-дворянской государственностью и промышленно-капиталистическим прогрессом, — именно: дворянскому консерватизму и народничеству.

Чрезвычайно характерно, что, вступая в полосу империализма, буржуазная русская литературная политика выдвинула против буржуазно-дворянского стиля стиль символизма, наиболее отягощенный классово-дворянским генезисом и рецидивами дворянской психоидеологии, и противопоставила мелкобуржуазной идеологии (переходящему из фазы крестьянского социализма в фазу социализма мещанского народничеству) идеологию крупнопромышленной буржуазной группы — легальный марксизм, — сведя две новые стилевые формации в единый блок обуржуазивающегося дворянства (стилевая доминанта символизма) и «прусской» буржуазии. Последнее десятилетие XIX века и два первых десятилетия XX века — это эпоха непрерывных и качественно-различных блоков и коалиций между буржуазией и пошедшим по буржуазному пути развития дворянством, без учета которых не может быть понято и истолковано решительно ни одно явление буржуазной литературной жизни.

Чтобы не повторяться в оценке легального марксизма и его социально-политической эволюции 90-х годов, не будем вновь излагать здесь те сведения, которые заключаются частично в нашем введении и в III главе настоящей работы, а перейдем к характеристике того же процесса внутри легального марксизма в несколько более позднее время, в эпоху раннего русского империализма.

Такой «прыжок в будущее» никак не может быть сочтен историческим приемом, если не помнить, что мы непрестанно рассматриваем самые 90-е годы с их гигантским промышленным под'емом, как прелюдию к эпохе империализма, а работу легальных

марксистов-девятидесятников — как творческое начало деятелей русского империализма, представлявших во всех областях общественной жизни прусский тип капиталистического развития страны.

Расхождение с революционными марксистами, критика основ марксистской теории очень скоро (в самом начале XX века) привело группу бывших легальных марксистов к буржуазному либерализму в политике (группа «Освобождение») и к эклектическому идеализму в мировоззренческих дисциплинах. «Проблемы идеализма» начинают все больше и больше захватывать бывших марксистов — П. Струве, С. Булгакова, Н. Бердяева, А. Изгоева и др. Философская реакция толкает их к об'единению со столь презиравшимся ими ранее В. В. Розановым и группой Мережковского—Философова, с которыми они смыкаются сначала в Религиозно-философском обществе, а затем в «Новом Пути». (Впрочем, как мы видели выше, еще в «Начале» П. Струве, критикуя В. Розанова, оставлял себе лазейку для будущей с ним совместной работы — утверждением о возможности социального использования этого пакостнейшего представителя буржуазного черносотенства.)

Все обостряющаяся классовая борьба в России и революция 1905 года толкают легальных марксистов в сторону откровенной политической реакции, где они занимают уже настолько крайние позиции, что не встречают даже поддержки со стороны некоторых символистов (например, Д. С. Мережковского). К этому времени относится их совместное с некоторыми явными идеалистами выступление в сборнике «Вехи», трактовавшем вопрос о роли интеллигенции в общественном прошлом и настоящем России.

Черты идейного и классового распада крупной буржуазии уже весьма ясно выразились в «Вехах» — этом «сборнике статей о русской интеллигенции», главенствующая роль в котором, несомненно, принадлежала П. Струве. Бывшие «марксисты», под влиянием той эволюции, которую проделала русская промышленная буржуазия, пришли к тому, что теперь уже совершенно открыто повторяли откровенные высказывания некоторых символистов. Вся разница в высказываниях заключалась лишь во времени, ибо символисты, как группа, по своей классовой природе гораздо раньше окрасившаяся в черты идеологического распада (полученного, правда, от гибели дворянской идейной культуры), сумели высказаться гораздо раньше, т. е., в то время, когда легальный марксизм, как классовая группа, стоявшая в зените своего хозяйственно-идеологического «благополучия», еще не могла высказывать тех тенденций, которые проявились в эпоху ее социального спада. В своих мемуарах Андрей Белый сообщает о том типичном для раннего символизма отношении к революционному движению, в котором символисты не хотели видеть

тогда ничего иного, кроме народнического бунта и мелкобуржуазной анархии. «Провокация» — вот термин, которым символисты, вслед за Достоевским, в таком же виде представившем в своих «Бесах» революционный радикализм мелкой буржуазии, определяют революцию. Еще в 90-х годах, — вспоминает А. Белый, — «студенческие волнения переживаются мною, как симпатичный, но обреченный на провал утопизм, более того, как нечто вызванное провокацией; анархический протест против государства и государственной общественности диктует мне невмешательство в то, что есть иллюзия» [1].

То же самое и почти в тех же выражениях говорит через десять лет о революционном деле 1905 года (этом сигнале перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую) замкнувший свой эволюционный путь П. Струве, в прошлом глава легального марксизма: «Революцию делали плохо. В настоящее время с полной ясностью раскрывается, что в этом делании революции играла роль ловко инсценированная провокация. Это обстоятельство, однако, только ярче иллюстрирует поразительную неделовитость революционеров, их практическую беспомощность, но не в нем суть дела. Она не в том, как делали революцию, а в том, что ее вообще д е л а л и... Что же мы видели? Две всеобщие стачки с революционным взвинчиванием рабочих масс (Совет рабочих депутатов!), ряд восных бунтов, бессмысленных и жалких, московское восстание, которое было гораздо хуже, чем оно представлялось в первый момент, бойкот выборов в первую Думу и подготовка (при участии провокации!) дальнейших вооруженных восстаний, разразившихся уже после роспуска Государственной думы» [2]. Сборник «Вехи», как известно, оказался заключительным моментом легально-марксистского движения, ибо в нем, как ни странно это покажется на первый взгляд, «господа бывшие марксисты» еще рассуждают о классовой борьбе, о социализме, о роли пролетариата в современном общественном развитии, соблюдая при этом присущий всем буржуазным ренегатам социал-демократии принцип социальной детерминированности явлений, соответственным образом идеалистически извращенный. В действительности же сборником «Вехи» струвианцы попросту расквитались с грехами своей молодости. Верхушка буржуазно-капиталистической мысли, чувствуя себя хозяйственно пошатнувшейся, напуганная призраком социалистической революции и входящая во все меньшие и меньшие противоречия с царизмом, оказалась вынужденной искусственно подогревать свои классовые эмоции — национализм, религиозность и т. д. и т. п.

---

[1] А. Белый. «На рубеже столетий». Зиф, 1930, стр. 486.
[2] П. Струве. «Интеллигенция и революция». «Вехи».

«Теперь, когда русский капитал все более проникается сознанием своих «национальных задач», когда он призывает к себе на службу профессиональную интеллигенцию, вопрос о «национальности» получает иное значение и иное истолкование...

«Историческое прошлое с его навыками, настроениями, образами и идеалами получает в глазах «новых» деятелей громадную ценность, как элементы, поднимающие их самосознание. Все, что было так чуждо интеллигенту-отщепенцу, «чувство кровной исторической связи, любви к своей истории, эстетического ее восприятия» — становится для них источником благоговейно религиозных переживаний.

«Такое понимание национальной идеи, — замечает г. Булгаков (в «Вехах), — отнюдь не должно вести к националистической исключительности, напротив, только оно положительным образом обосновывает идею братства народов, а не безнародных атомизированных «граждан» или «пролетариев всех стран», отрекающихся от родины» [1].

И если раньше, в эпоху 90-х годов, легальные марксисты выступали главным образом против социологического суб'ективизма народников, оставляя критику «позитивизма» философам символистского лагеря, то начиная с 900-х годов они сами ополчаются на «позитивизм», который ищут не в профессорско-либеральной среде (как это делали символисты), а в идеологии революционного пролетариата. При этом под позитивизмом уже понимается не классификационный подход к явлениям типа контовской социологии, а все то, что противоречит религиозным началам, неминуемо сопутствующим идеалистически-философским экскурсам бывших легальных марксистов. Противоречащими религии оказываются прежде всего: пролетарский коллективизм, идея социализма и т. д. и т. п. В то время как религиозное самоусовершенствование и самоперевоспитание должны, по словам Струве и К°, в корне изменить самый характер русской интеллигенции, марксисты якобы попрежнему тормозят ее критическое развитие позитивистской теорией социализма. «Социализм в его чисто-экономическом учении не противоречит никакой религии, но он, как таковое, не есть вовсе религия. Верить («верую, господи, и исповедую») в социализм верующий человек не может, так же как он не может верить в железные дороги, беспроволочный телеграф, пропорциональные выборы» [2].

Отрицание коллективизма и утверждение взамен его проблемы личного нравственного переустройства, религиозного индивидуализма — это по сути дела такое же запоздалое повторение поэтических и философских деклараций и манифестов

[1] В. М. Фриче. «От Чернышевского к «Вехам». К-во «Современные Проблемы», М., 1910.

[2] П. Струве. «Интеллигенция и революция». «Вехи».

символизма, как и чисто-политический момент отношения к революции. Не приходится и говорить о том, как велико было социально-функциональное значение «Вех», собравших вокруг себя наиболее реакционные силы страны. Достаточно указать на то, что такой маститый представитель союза русского народа, как волынский архиепископ Антоний, в своей газетной переписке со Струве, приветствовал бывших «марксистов», звавших назад к Юркевичу от Маркса и Чернышевского, от Фейербаха и Лассаля.

«Вехи» явились финалом, завершившим длительную эволюцию группы буржуазных «демократов» от легального марксизма к реакционнейшему идеализму. И если в своем сборнике «Patriotica», непосредственно следующем за «Вехами» и продолжающем и дополняющем их, П. Струве все еще говорит о критике устоев российской великодержавной государственности, то в этом уже нет ни на иоту даже буржуазной революционности, а чувствуется яснее сознание идеолога контр-революционной буржуазии. Гораздо опаснее кажется П. Струве революционный коллективизм пролетариата и та конечная цель, к достижению которой стремится рабочий класс, на который он обрушивается со всею ненавистью и презрением классового врага, в то время как критика русского самодержавного порядка ведется с позиций буржуазного права. «... Рядом с критикой русской интеллигенции и общественности в моих «Patriotica», я думаю, не менее резко звучит критическая нота по отношению к реальному образу русской государственности и к тем силам, которые заправляют судьбами государства... Критика русской общественности необходимо восходит к тому, может быть, суровому, но, я полагаю, здоровому религиозному индивидуализму, который призывает к идеям личной ответственности и личной годности. Критика русской государственности восходит к идее права, признание которой исключает всякий абсолютизм власти, чем бы он ни прикрывался и как бы он ни оправдывался» [1].

Даже из этой осторожно выраженной формулировки П. Струве ясно видно, что классовый акцент падает не на буржуазную реформу русской государственности (которая шла непрерывно и, так сказать, «своим чередом»), а на организованную атаку на русскую революционную общественность во имя «свободы личности» и «разумного эгоизма».

Легальный марксизм не оставил нам стройной эстетической концепции, не оставил ее потому, что круг его интересов был ограничен политикой и экономикой, но, тем не менее, эстетическая концепция легального марксизма может быть вполне воссоздана по ряду разрозненных философских замечаний и мы-

[1] П. Струве. «Patriotica». 1911.

слей об искусстве, которые, несомненно, были налицо и руководили легальным марксизмом в его литературно-политической деятельности и в журнальной стратегии. Мы уже знаем кое-что о том эволюционном пути, который легальные марксисты проделали от экономического материализма к идеализму. Заметим теперь, что если в политике они дольше оставались на скрыто-идеалистических позициях экономического материализма, то в области философии и эстетики они почти сразу же самоопределились, как идеалисты. А. Л. Волынский-Флексер писал о них следующее: «Они откровенно эволюционируют по направлению к идеализму, переделывают некоторые существенные пункты в учении Маркса, входят в общение с разными новыми веяниями в литературе, почти декадентскими. Наконец, в самое последнее время, бывшие главари марксизма, окончательно отколовшись от правоверных марксистов, стали проводить в своих статьях идеалистические теории, имеющие, однако, оттенок кабинетной книжной работы. Они говорят о том, что буржуазное общество возродится только тогда, когда создастся «новый человек», говорят о морали, о религии, о «новой красоте» — обо всем том..., что теперь уже говорится, с истинным талантом и темпераментом, по всей линии молодой европейской литературы» [1].

Но то, что Волынский заметил уже в совершенно явных формах, существовало уже давно в завуалированном виде. Ибо еще гораздо ранее, чем он констатировал тяготение легальных марксистов к идеализму, эти самые «марксисты», уже в 90-х годах бывшие в политике типичнейшими «пруссаками»-реформистами, определились в области философии, общественных наук и искусства, как сознательные дуалисты, сближаясь тем самым с теоретиками символизма.

К сожалению, мы не имеем здесь возможности специально остановиться на рассмотрении философско-эстетических концепций легальных марксистов и символистов, сходившихся в классово-политическое единство на основе дуалистически-идеалистического (неокантиантски-нитцшеанского) мировосприятия, не можем широко развернуть и аргументировать все стороны и грани литературно-политического «блока» легальных марксистов и символистов и показать, насколько классово-политическая платформа «прусской» буржуазии пронизала собой содержание художественных теорий и тех и других, взятых вместе, — а потому и перейдем непосредственно к указанию классового источника того «блока», на основе которого строилась литературная политика рассматриваемого нами журнала легального марксизма.

«... Перед Россией только один путь буржуазного развития, — говорил В. И. Ленин в своей брошюре «Аграрная программа

---

[1] А. Волынский. «Книга великого гнева». 1909, стр. 152—153.

социал-демократии в русской революции 1905—1907 годов», написанной в конце 1907 года и увидавшей свет отдельной книгой только в 1917 году, — но формы этого развития могут быть двояки. Остатки крепостничества могут отпадать и путем преобразования помещичьих хозяйств и путем уничтожения помещичьих латифундий, т. е., путем реформы и путем революции. Буржуазное развитие может итти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплоатации буржуазными; оно может итти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма «нарост» крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства.

Эти два пути об'ективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа. В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбауэров» (крупных крестьян). Во втором случае помещичьего хозяйства нет или оно разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья. Крестьянин преобладает в таком случае, становясь исключительным агентом земледелия и эволюционируя в капиталистического фермера»[1].

Итак, две системы «приятия» капитализма и подхода к нему, две основные тенденции: юнкерско-германская и фермерско-американская, примирения с поместным землевладением и борьбы с ним, реформистская и республикански-революционная, и, соответственно этому, две радикально-противоположные мировоззренческие концепции.

Легальный марксизм в своем об'единении с символизмом, как общественной категорией, оказался, разумеется, одной из наиболее боевых формаций прусского типа. Отталкиваясь от народничества и ведя его критику с позиций буржуазно-дворянской школы, направленной против идейного представительства американского типа, легальный марксизм и символизм воевали совместно не против мещанского социализма, как это делали революционные марксисты, а громили революцию во имя реформизма. В. И. Ленин с необыкновенной решительностью отмечал буржуазность тех писателей, кто, «критикуя теорию народников, просматривают ее исторически-реальное и исторически-правомерное содержание в борьбе с крепостничеством». «Критикуют, — писал В. И. Ленин, — и справедливо критикуют «трудовое на-

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. IX, стр. 348.

чало» и «уравнительность», как отсталый, реакционный, мелкобуржуазный социализм, и забывают, что эти теории выражают передовой, революционный, мелкобуржуазный демократизм, что эти теории служат знаменем решительной борьбы против старой, крепостнической России». Нужно ли говорить, что в данном случае революционный ленинский марксизм выступает не с оправданием народничества, но с обвинением так называемой «либеральной» буржуазии, в 900-х годах уже окончательно утратившей свой либерализм и облачившейся в доспехи классово-воинствующей реакции.

Таким образом мы видим, что легальный марксизм и символизм даже в деле критики народничества, даже на том участке, где их больше всего славили за революционный демократизм всевозможные литературные вульгаризаторы марксизма, и то оказались не чем иным, как идейными выразителями столыпинской реакции, с ее ставкой на «крепкого мужичка» («гроссбауэра», или попросту кулака), а вовсе не «попутчиками» революционного пролетариата. При этом надо заметить, что если буржуазно-помещичий «блок» символистов с легальными марксистами такими документами, как сборником «Вехи», пошел на коалицию с самодержавием, то и само самодержавие, в лице столыпинщины, откровенно эволюционировало в сторону идейно-политической буржуазности. Союз этот был кратковременным торжеством прусской линии развития капитализма, закончившимся быстрым и окончательным ее разгромом. В конечном счете социально-классовые и историко-экономические корни анализируемого «блока» оказываются заложенными в прусском типе буржуазной эволюции, обусловившем в начальной стадии их идейно-творческий контакт. Однако тем самым, т. е., нахождением общности экономического базиса и социально-политической направленности, еще не может быть окончательно разрешена поставленная задача. Это лишь первый и главнейший этап, вслед за которым должна быть поставлена проблема анализа двух творческих методов и социологического об'яснения диалектики их развития и многообразности тенденций к их слиянию. Сама по себе это задача чрезвычайной сложности, которая вряд ли может быть разрешена одной работой, а должна потребовать длительного коллективного труда. Поэтому совершенно ясно, что настоящая работа, так или иначе заострившая вопрос о мировоззрении двух направлений, непрестанно выступавших в форме скрытой и завуалированной коалиции, и их связи с творческим методом, разумеется, ни в коей мере не может претендовать на решающее значение и является лишь первой попыткой развеять тот туман, который создался вокруг этого вопроса в исторической литературе.

ГЛАВА V

Выше мы обещали особо поговорить о характере и содержании исторического номера журнала, той его апрельской книги, которая, несмотря на жестокую правительственную кару, в нескольких растрепанных экземплярах дошла до читателей и исследователей «Начала».

Минуя анализ таких широко известных статей, как социологический этюд Г. В. Плеханова (Андреевича) «Об искусстве», и оставляя в стороне произведения вроде отрывка из путевых записок Фр. Энгельса [1] и некоторых других («Письма из провинции», «Письма из-за границы», «Иностранное обозрение» и т. п.), содержание которых уже было передано цензором, переходим непосредственно к рассмотрению литературно-художественного состава книги. Для начала — несколько слов о причинах появления в марксистском журнале такой писательницы, как А. Вербицкая, с ее рассказом «Перед концом».

В 90-х годах А. Вербицкая еще не имела той репутации, которую приобрела впоследствии, в годы послереволюционной реакции. Тогда же, как говорит С. Венгеров, «Вербицкая считала себя писательницей «идейной». Она ревностная феминистка, страстно отстаивающая общественную самостоятельность женщины и ее право располагать своим сердцем. Женщина должна быть независимой от мужчины и жить исключительно своим трудом. Герои Вербицкой всегда примыкают к передовым течениям, многие из них попадают в места весьма отдаленные. С чувством благоговения Вербицкая говорит о Михайловском, Шелгунове, Глебе Успенском».

Несмотря на явно народническое «наследство» в психоидеологии писательницы, А. Вербицкая все же примкнула к журналу легального марксизма главным образом благодаря актуальности для последнего тем, трактующих проблему эмансипации женщины.

---

[1] Скажем лишь, что это была перепечатка из немецкого журнала от 1898 г. Самый текст, относящийся к 1848 г., найден Эдуардом Бернштейном.

Обильнее, нежели в других номерах «Начала», дана в апрельской книжке переводная беллетристика. Здесь мы видим такие вещи, как: «Помещики» Вильгельма фон Поленца (продолжение), «Старик» Гюи де Мопассана (перевод с французского Е. Н. Каменецкой) и «Торговка счастьем» Поля Гёзи (перевод с французского Ю. Топорковой).

Поэзия в апрельской книжке представлена все теми же именами: Тана, Колтоновского и др. Появляются некоторые новые имена: Мих. Могилянский, Л. Шумиловский, М. Б., А. Петровский. Но новые имена не вносят новых мотивов.

А. Колтоновский кладет в основу своего стихотворения старую аллегорию «весна — свобода», столь характерную для русской революционной поэзии. В его стихах, как и в стихах других поэтов «Начала», повторяется все тот же мотив ожидания «желанной»:

Когда в дни оны по отчизне
Весна недолгая прошла,
И пышным цветом новой жизни
Ее вершина зацвела, —
Поля, не взрытые заране,
До зноя спавшие в тумане,
Засохли, пробудясь едва,
И не окрепнувшие всходы
Сознанья, правды и свободы
Покрыла сорная трава...

То — быль... Теперь иное время:
По рыхлой ниве здесь и там
Уже украдкой пахарь семя
Вверяет жадным бороздам.
И в злую непогодь и в вёдро
Глядит он вдаль светло и бодро,
Он говорит: идет весна.
Пусть дремлет степь, молчит дуброва,
Но нива наша уж готова
Взрастить свободы семена...

Остальные поэты настроены гораздо пессимистичнее А. Колтоновского. Они не видят светлого будущего, а тяжко переживают настоящее, оплакивают свое «сегодня». Так, у А. Петровского в стихотворении «Из степных мотивов» безымянный лирический суб'ект тонет в «безбрежном океане степей» и видит перед собой только «контуры синие вдали».

Душе так грустно, одиноко
И как-то странно все равно:
До цели ехать так далеко,
И едешь так уже давно.

Такова заключительная сентенция стихотворения.
Тот же пессимизм проникает и в философскую лирику Тана.

Плачь, скорбно плачь, безмолвно плачь в тиши,

— вот лейтмотив одного из его стихотворений.
В том же стихотворении он пишет:

Что мир тебе? Огромная темница,
Твой сторож — страх, судьба — слепой палач,
Настанет час, и жребий твой свершится...
Оплачь его, в тиши один оплачь!

Что жизнь твоя? Раздумья миг бесплодный
Меж двух немых зияющих пучин,
Вокруг тебя клубится мрак холодный...
Свою судьбу оплачь в тиши один!..

Здесь поэт попадает в плен одновременно к двум линиям современной поэзии. Он поглощен «зияющей пучиной» поэзии отмирающего народничества и раз'едаем при этом индивидуализмом символистских поэтов. Такое странное на первый взгляд сочетание противоположных стилей как раз и характерно для поэтов-переходников, еще не призванных к созданию нового, своего стиля (хотя и ищущих его чисто интуитивными путями), но стирающих некогда славные поэтические традиции (в данном случае традиции литературы ущербного народничества), эклектически вбирающих в себя различные поэтические магистрали и тем самым их разрушающих и умерщвляющих.

Те же мотивы звучат и в другом его стихотворении. Ужас, тоска и ожидание — вот три этапа, по которым идет лирическая тема:

Как долго ждать утра? Как долго мне молиться?..
Мой голос изнемог. Во мраке я пою.
Мне тяжело дышать. Безбрежная темница,
Как тесная броня, сдавила грудь мою.
. . . . . .
Взойди, заря, взойди приветно и широко!
Святая дочь утра, развей немую ночь!..
Пусть радостного дня божественное око
Блеснет тебе во след и тьму прогонит прочь!
. . . . . .
Развей мою тоску и ужас малодушный,
Мой голос укрепи в слабеющей груди...
Развей немую ночь, могилы сумрак душный!
Владычица небес, взойди, заря, взойди!

Эпигонство и стилевой эклектизм прекращаются, вернее, приглушаются только в переводах из Уота Уитмена («Песня о старли»), сделанных Таном.

Мих. Могилянский варьирует фабулу А. Колтоновского:

Давно, давно все грезы счастья
Спят под могильною плитой...
Они проснутся! — вновь весною

Травой могилы порастут,
А над погибшею мечтою
Другие снова расцветут...

Поэт М. Б. повторяет почти буквально сказанное выше А. Петровским:

Мечты мои были туманны —
А цель моя-так далеко!

— пишет он.

На таком поэтическом фоне, который с успехом мог бы быть перемещен в «Русское Богатство», особенно выпадающими из идейной направленности «Начала» кажутся стихи Л. Шумиловского и П. Соловьевой-Allegro.

В произведении первого лирический суб'ект клянет себя за то, что он какой-то стороной своего бытия приобщился городской культуре. А. Шумиловский восклицает:

Зачем вместо легких прозрачных видений
И взгляда лучистых очей
Встают предо мною картины мучений
Далеких, мне чуждых людей!
Зачем же туда моя греза несется,
Где жизнь хлопотливо кипит,
Где пыль облаками над городом вьется
И молот фабричный стучит?

Что же касается поэтессы Allegro, то она дала журналу стихотворение, представляющее собой импрессионистически поданный пейзаж.

Такие стихотворные произведения, как два последних, уж конечно, никак не соответствовали идейной целеустремленности журнала, а прямо разрушали взятую им, и так далеко не всегда твердую, художественную линию. Но поэтический материал, исходя из об'ективных условий эпохи, не мог быть всегда монолитным, и потому появление таких стихов далеко не было случайным.

В «Отголосках русской жизни» В. Богучарский продолжает демонстрировать различные образцы провинциальных курьезов, главным образом из области антимарксистских выступлений провинциальной прессы. К рассуждениям гг. Аргамаковой, Невского и др. прибавляются тяжеловесные остроты провинциальных зоилов.

Например, нижегородская газета «Волгарь» передает, что в «Журнале Журналов» помещено стихотворное «политико-экономическое» рассуждение, характеризующее «учение» наших доморощенных марксистов и марксят:

Пахом имеет дом,
Но не легко живется дома
у Пахома.
Так, чтобы счастлив был Пахом,
Отнимем у Пахома дом.

Мало слов, но много смысла, и этот «смысл» доказывает всю несостоятельность учения Маркса в приложении к своеобразной русской жизни.

«Может быть, читатель не знает, — пишет В. Богучарский, — что «Волгарь» представляет собою орган нашего «всемогущего» (которое «все может») нижегородского купечества. Вот это-то почтенное сословие и присоединяется в лице своего представителя к общему враждебному хору наших газет и журналов против «учеников», а «по безграмотству и личной просьбе его, к сему руку приложил «Волгарь». И как остроумно подумаешь! «Журнал Журналов» сказал — tranchons le mot — глупость, а «Волгарь» по этому случаю взыграл духом и увидел в том ясное доказательство «несостоятельности учения Маркса в приложении к своеобразной русской жизни».

Среди публицистических статей имеются: неоконченный этюд Н. Рубакина «Битые читатели», резко выступающий против телесных наказаний в «рассейской» системе народного образования, и статья Б. Авилова «К вопросу о связи с земледелием наших фабричных рабочих», в которой весьма резко анализируются ошибочные взгляды народников и «около»-народников на этот вопрос.

Следует, однако, заметить, что, на ряду с критикой народнических теорий, Б. Авилов роковым образом подпадает под влияние неверной и чрезвычайно распространенной в среде легальных марксистов оценки народничества, по «прямой линии» наследующего принципы славянофильства. Так, Б. Авилов пишет: «Но если действительность не вполне соответствовала «теории» славянофилов, то еще дальше от действительности стоит «теория» современных писателей, которые в этом отношении не сделали ни шага вперед со времени их «первоучителя»...» и т. д.

Б. Авилов стоит здесь на антиленинской меньшевистской точке зрения на народничество, и притом на такой точке зрения, которая даже и среди меньшевиков не получила широкого распространения. Точнее, главными ее представителями в меньшевизме были: А. Мартынов (в прошлом) и Г. Плеханов (до самого конца своей жизни отстаивавший эту точку зрения, начатую им в таких ранних произведениях, как письмо «О социальной демократии в России», «Наши разногласия», «Политические задачи русских социалистов» и др., и в последний раз сформулированную в 1917 году в предисловии к пятому изданию «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»). Эта теория о наследовании народничеством мировоззрения славянофилов, выведенная из интереса к общине у тех и у других (из интересов, классово полярно-противоположных и враждебных доуг другу), лишний раз подтверждает то положение, что меньшевики проглядели реальное социально-историче-

ское содержание народничества. Отец этого взгляда на народничество (и старое и новое), как на неославянофильство, Г. В. Плеханов, зачастую не преодолевавший до конца влияния В. Белинского и Н. Чернышевского, механически перенес их борьбу против общинной теории славянофилов на борьбу марксистов с народнической общинной идеей.

Начиная с апрельской книжки исчезает «Внутреннее обозрение». Как мы видели выше, майская книжка его также не содержит. Трудно сказать, что заставило редакцию отказаться от этого отдела, но можно предположить, что это обстоятельство было вызвано не прямой цензурной атакой на отдел. Это было сделано скорее из опасения, что таковая атака может начаться в ближайшее время и губительно отозваться на положении журнала.

Отдел «Новые книги» содержит довольно значительное количество рецензий на литературный и историко-литературный материал. Среди них имеются отзывы М. И. Водовозовой (подпись: М. В-ва) о «Снах жизни» А. Н. Вербицкой и три рецензии Н. Келина.

В первой из них Н. Келин, разбирая книгу Георга Брандеса «Людвиг Берне и Генрих Гейне», вступает в полемику с автором. Он обвиняет Брандеса в недооценке Берне, который был, по его мнению, «политическим вождем эпохи». Учитывая громадное значение книги Брандеса, Н. Келин не хочет оставить ее без социологического комментария и потому дорисовывает общественно-экономический и социально-политический фон Германии 40-х годов, который отсутствует в книге Брандеса.

В отзыве о «стихотворениях» Федорова Н. Келин пытается отграничить этого поэта от «гг. Бальмонта, Фофанова, Коринфского и других, их же имена ты, господи, веси», но, чувствуя под конец, что это ему не удается, восклицает: «да, действительно, шаткий дух!..».

На материал «Песен Финляндии и Эстляндии» Н. Келин смотрит, как на иллюстрацию к экономическому процессу обезземеления крестьянства. «Очевидно, — пишет он, — крестьянский идеал оказывается несостоятельным даже для этих людей, упрямо привязанных к своему родному лесу, озеру меж скал и водопаду над озером. Не даром они каждый год уходят не только в город, но даже и в отдаленную Америку на поиски хлеба и счастья».

Среди рецензий на экономические работы выделяется рецензия В. Ильина (В. И. Ленина) на книгу: Karl Kautsky. «Die Agrarfrage. Eine Uebersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik u. s. w.». Stuttgart, Dietz, 1899 (Карл Каутский. «Аграрный вопрос. Обзор тенденций со-

временного сельского хозяйства и аграрная политика и т. д.». Штуттгарт, изд. Дитца, 1899).

По цензурным соображениям, Владимир Ильич привёл название книги К. Каутского в сокращенном виде. Полное ее заглавие: «Die Agrarfrage. Eine Uebersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik der Sozialdemokratie» («Аграрный вопрос. Обзор тенденций современного сельского хозяйства и аграрная политика социал-демократии»).

Но эта мера не дала ожидаемых результатов, так как хотя цензура и не заметила обмана, но не могла пройти мимо содержания рецензии. Отзыв цензуры о рецензии Ленина, как известно, был далеко не благожелательным. Сам Владимир Ильич полагал целесообразным заменить эту рецензию, в которой положительная оценка книги К. Каутского еще не сочеталась с опровержением С. Булгакова (рецензия была написана В. И. Лениным до выхода в свет «геростратовской» статьи С. Булгакова «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия»), своей специальной статьей против С. Булгакова. Владимир Ильич тем самым подчеркивал, что партийный долг подлинного социал-демократа заключался в 90-х годах как в об'единенном разгроме народнических теорий, так и в резком разоблачении всех и всяческих бернштейнианских поползновений и вылазок. Поэтому В. И. Ленин и писал А. И. Елизаровой в письме от 11 апреля 1899 г., что «рецензию на Каутского следовало бы похерить или отдать в другое место в виду этой статьи против Булгакова»[1] (т. е. ленинского ответа С. Булгакову, направленного в «Начало» и напечатанного уже после его закрытия в «Жизни», 1900, № 1). Желание Владимира Ильича не удалось осуществить прежде всего уже потому, что его статья была послана им в Петербург из Сибири в середине апреля 1899 года и пришла в редакцию тогда, когда вопрос о дальнейших судьбах обреченного на смерть журнала был уже решен. Вполне возможно, впрочем, что редакция «Начала» со Струве во главе даже при условии продолжения издания не заменила бы рецензии Владимира Ильича, хотя и рассматривающей книгу К. Каутского с позиций прямо противоположных ревизионистско-булгаковским, но не несущей в себе элементов полемики, открыто полемической статьей против С. Булгакова. О такой возможности говорит другое письмо Владимира Ильича к А. И. Елизаровой (от 1 мая 1899 г.), в котором Ленин пишет по этому вопросу следующее: «Мне не очень-то понравилось, что П. Б. [Струве. — *А. и Л.*] сдал в «Научное обозрение» мой ответ ему: не хочет ли он избегать в «Начале» полемики? Если да, то моя статья о Булгакове не пойдет, наверное»[2].

---

[1] В. И. Ленин. «Письма к родным (1894—1919)». Гиз, 1931, стр. 207.
[2] Там же, стр. 209.

Ответ В. И. Ленина Струве — «Еще к вопросу о теории реализации», так же, как и статья против С. Булгакова, предназначался для «Начала», но на его страницы не попал, а был передан П. Струве в «Научное Обозрение». Подлинные причины этого поступка П. Струве — руководителя «Начала» — трудно расшифровать с полной достоверностью. Мотивом здесь могла служить, с одной стороны, боязнь печатать статьи политического ссыльного, боязнь, продиктованная гонениями на журнал и конфискацией его апрельской книжки. С другой стороны, здесь могло корениться нежелание допустить полемику в центральном органе легального марксизма, дабы в случае оформления намечающегося разрыва постараться сохранить физиономию журнала, как цельной идейно-политической единицы. К последнему предположению склоняется и В. И. Ленин, чутьем гениального политика всегда издалека угадывавший все новые тенденции в трусливой тактике П. Струве и струвианистов, и поэтому оно представляется наиболее верным.

Даже если бы власти и не «покарали» «Начала», П. Струве, весьма вероятно, не дал бы места для полемики в журнале, а постарался бы переключить ее на побочные линии легально-марксистской журналистики. Дальнейшая и в очень скором времени после закрытия «Начала» наступившая эволюция П. Струве и его друзей и тот факт, что революционно-марксистская борьба с легальным марксизмом очень скоро ушла из легальной печати в подпольную социал-демократическую прессу, — вот реальные подтверждения этого предположения. Но, во всяком случае, рецензия В. И. Ленина сыграла в журнале громадную роль, так как формально знаменовала торжество ортодоксального марксизма над ревизионизмом С. Булгакова. Редакция снабдила ее следующим примечанием: «настоящая заметка помещается в виду того, что она дает иную оценку книге Каутского, чем помещенная в книгах 1—3 «Начала» статья С. Булгакова». Таким образом, хотя редакция и не успела и, по всей вероятности, и не рискнула бы печатать ленинское опровержение статьи Булгакова, ей все же пришлось пропустить в противовес ей рецензию, автор которой целиком и полностью разделял взгляды тогдашнего Каутского на характер аграрного кризиса.

Кроме того, в библиографическом отделе были напечатаны две информационные рецензии на книги по истории: С. Ф. Ольденбурга на книгу Стэнли Лен-Пуль «Мусульманские династии» (хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Пер. с англ., с прим. и дополн. В. Бартольда, приват-доцента С.-Петербургского университета. Спб., 1899), и Е. В. Тарле на справочник Людвига Гейгера «Немецкий германизм» (пер. с нем. Е. Н. Вилларской, под ред. и с пред. профессора Г. В. Форстена. Изд. О. Н. Поповой, Спб., 1899). Среди

отзывов о работах политико-экономического характера, рядом с рассмотренной рецензией В. И. Ленина, помещались заметки С. Л. Франка о книге М. Н. Соболева «Очерки из истории всемирной торговли в связи с развитием экономической жизни» (М., 1899) и П. Маслова о сборнике «Статистические итоги промышленного развития России» (доклад члена Имп. вольно-экономического общества М. И. Туган-Барановского и прения по этому докладу в заседаниях III отделения общества 17 января и 7 февраля 1898 г.). Замыкался отдел хвалебными рецензиями Д. Н. Кудрявского на социолого-этнографический труд В. Г. Богораза «Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края» и известного в свое время марксиста с уклонами в анархизме, долгое время бывшего секретарем редакции журнала «Жизнь», С. А. Гарюшина (подпись: С. Г-ин), обозревавшего 80 выпусков народной библиотеки М. Н. Слепцовой за 1898 г.

Заканчивая изложение апрельской книжки, мы позволяем себе попутно привести небезынтересные показания Ю. О. Мартова-Цедербаума о закрытии «Начала», сделанные им в его мемуарах «Записки социал-демократа». «Получив первую книжку журнала, — вспоминает Мартов, — я немедленно принялся за работу для него и в короткое время отправил в редакцию четыре публицистических статьи (помню, что одна была посвящена поэзии П. Якубовича; другая — его же полемике с социал-демократами в статьях за подписью Гриневич; третья воевала с Н. К. Михайловским по какому-то поводу). Но еще первая моя статья не пришла по назначению, как «Начало» было закрыто властями, напугавшимися, как бы польза, принесенная социал-демократическому движению новым сборным пунктом, не превысила пользы, извлекаемой департаментом полиции из нового гнезда провокации. Департамент, кажется, ошибся в своих расчетах: несмотря на свой ярко-оппозиционный тон, новый журнал, если бы продолжал выходить, вероятно, не усилил, а ослабил бы наше движение, ибо в группе его руководителей уже заметно сказывалось идейное опустошение, произведенное среди русских марксистов бернштейнианским кризисом, — сравнение нового журнала с выходившим за два года до него «Новым Словом» не оставляло в том сомнения. Те же признаки теоретического разброда сказывались и в других органах, которые менее, так сказать, официально, чем «Начало», все же шли к тому времени под знаменем марксизма, как «Мир Божий» и редактируемая В. А. Поссе «Жизнь». Их эклектический характер отбил у меня с самого начала охоту направлять в их редакции мои статьи после закрытия «Начала», и я приостановил свою легальную литературную деятельность».

Довольно интересна также судьба тех вещей, начало которых печаталось в журнале и которые за его закрытием не могли быть закончены.

Как видим, Ю. Мартов своих статей в легальную печать не отдал, Г. В. Плеханов же, как уже известно, свою статью «Об искусстве» напечатал в «Научном Обозрении». Д. С. Мережковскому удалось продолжение романа «Воскресшие боги» устроить у Острогорского в «Мире Божьем».

Любопытна была судьба «Тенет» А. А. Лугового-Тихонова, и не просто занимательна, а весьма важна потому, что вносит добавочные сведения в историю журнала «Начало». В письме от 10 июня 1899 г. А. М. Калмыкова писала А. А. Луговому: «... Ваш роман «Тенета» передадим или перешлем, куда укажете. Напечатана ведь только та часть, которая помещена в «Артисте». Будь у меня деньги, я бы не замедлила вам их предложить, но их у меня нет» [1].

В результате переговоров рукопись «Тенет» оказалась в редакции журнала «Жизнь», но редакционная коллегия, боясь, чтобы в соответствующих кругах имя «Жизни» не было связано с именем крамольного «Начала», не рискнула окончить на страницах своего издания произведение, начатое печатанием в «Начале».

В архиве А. А. Лугового находим официальное письмо В. А. Поссе, писанное на редакционном бланке «Жизни» и содержащее следующие строки:

«Уважаемый Алексей Алексеевич,

Спешу известить вас, что по зрелом размышлении мы решили не печатать вещей, начатых в «Начале», это решение распространяется и на ваш роман» [2].

Такова была репутация «Начала».

---

[1] Письмо неопубликовано и хранится в архиве Института новой русской литературы Академии наук СССР (ИНЛИ).

[2] Письмо неопубликовано и хранится в архиве Института новой русской литературы Академии наук СССР (ИНЛИ).

ЛИТЕРАТУРА

1. **В. Полянский**. „Марксистская периодическая печать 1896—1906 гг.“, „Красный Архив“, 1925, т. 2(9), стр. 229—230, 264—268.
2. **В. Евгеньев-Максимов**. „Очерки по истории социалистической журналистики в России в XIX века“. Гиз, 1927, стр. 242—265.
3. **В. Абрамкин** и **А. Дымшиц**. „У истоков революционного марксизма“. (Из истории журнала „Начало“, 1899 г.)“, „Звезда“, 1931, № 3, стр. 221—227.
4. **В. Абрамкин** и **А. Дымшиц**. „Журнал легального марксизма („Начало“, 1899 г.)“, „Красная Летопись“, 1931, № 1, стр. 187—218; № 2, стр. 192—224; № 3, стр. 121—140.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абрамкин, В. 30, 142.
Абрамов, Я. 10.
Авилов, В. 31, 75, 76, 81, 136.
Азеф, Е. 22, 24.
Аксельрод, П. 14, 15, 99.
Алексей см. Мартов, Ю.
Аммон 95.
Андерсен, Г. 117.
Андреевич, Н., см. Плеханов, Г.
Анзимиров 52.
Антоний, архиеп. 128.
Ануш 54.
Аргамакова, С. 78, 80, 135.

Б

Базилевский см. Богучарский, В.
Баллод 95.
Бальмонт, К. 121. 137.
Баранцевич, К. 31, 32, 102.
Бартольд, В. 139.
Белинский, В. 93, 137.
Белый, А. (Бугаев, Б.) 125, 126.
Бердяев, Н. 125.
Berges Philipp 118.
Берлин, П. 99.
Берне, Л. 137.
Бернштейн, Э. 19, 71, 83, 99, 100.
Бисмарк, О. 93.
Блау, А. 88.
Б. М. 133, 135.
Боборыкин, П. 115.
Богораз см. Тан.
Богданов, А. 96, 97, 99.
Богучарский (Яковлев), В. 22, 23, 29, 30, 31, 37, 38, 43, 44, 51, 54, 55, 62, 78, 79, 80, 81, 82, 85, 88, 93, 135, 136.
Бондаренко, И. 39.
Браве, Я. Ф. 74.
Брандес, Г. 137.
Булгаков, С. 19, 28, 31, 42, 68, 69, 70, 71, 72, 76, 77, 80, 81, 84, 85, 93, 97, 98, 100, 110, 113, 125, 127, 138, 139.

В

В. В. см. Воронцов, В.
Варб, Е. см. Браве, Я.
Васильев, А. 48.
В—ва, М. см. Водовозова, М.
Ведрибисели, Д. 93, 119.
Вельский, Г. 80.
Венгерова, З. 31, 93, 102, 110, 111 112, 113.
Венгеров, С. 31, 132.
Вербицкая, А. 31, 47, 51, 102, 103, 132, 137.
Вересаев, В. (Смидович) 29, 30, 31, 40, 102, 114, 115, 116, 117.
Вернадский, В. 31.
Вернер, К. 31.
Вилларская, Е. 139.
Воден, А. 51, 57, 96,
Водовозов, В. 31.
Водовозова М. 32, 137.
Воейкова, А. 21, 25, 33, 34, 42, 50, 51, 60.
Войтинский, В. 99.
Волгин, В. см. Плеханов, Г.
Волынский (Флексер), А. 129.
Вормс, А. 31.
Воровский, В. 29.
Воронцов, В. 8, 9, 10.
Вржосек, С. 29, 115.

Г

Гайдебуров, П. 14, 96.
Ганзен, Г. 95,
Ганзен, А. 117.
Гарин (Михайловский), Н. 29, 31, 87, 102, 103, 109.
Гаршин, В. 115.
Гарюшин, С. 52, 140.
Гвоздев (Циммерман), Р. 9, 29, 31, 87, 88, 111.
Г—дь 96, 99.
Гедберг, Т. 40, 93, 102, 116.
Гейгер, Л. 139.

Гейне, Г. 137.
Геккельман-Ландезен 22.
Гельфанд 86, 87.
Гермес см. Португалов, В.
Герцен, А. 51.
Гершензон, М. 31.
Гёзи, П. 133.
Гиппиус, З. 102, 119, 121.
Глинский, Б. 72.
Гобсон 96.
Годунов, Б, 52.
Гольцев, В. 6[illegible].
Гончаров, Д. 31
Горемыкин, И. 21, 34, 36, 50, 59.
Горький, М. (Пешков, А). 31, 32.
Гофштеттер 80.
Гранмор 55, 56.
Грингмут, В. 55.
Гриневич см. Якубович, П.
Гурвич, И. 31.
Гуревич, Л. 121.
Гурович, М. 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 31, 42.
Г—шин, С., см. Гарюшин, С.

Д

Давыдов 55.
Даниельсон, Н. 8, 10, 83.
Легаев, С. 22.
Демьянов, А. 51.
Ден, В. 31, 75.
Дживилегов, Г. 93.
Д-н 103.
Добролюбов, Н. 62, 93.
Достоевский, Ф. 111, 12[illegible].
Дружинин, Н. 54.
Дуббельт, Л 116.
Дымшиц, А. 30, 142.
Дюма, А. (сын) 109.

Е

Евгеньев-Максимов. В. 5, 36, 40, 142.
Егор см. Мартов, Ю.
Егоров, А. см. Мартов, Ю.
Егоров, И. 5.
Елизарова, А. 69, 76, 88, 13[illegible].
Елисеев, Г. 7.

Ж

Жуковский, В. 116.
Жуковский, Ю. 7.
Журавская, З. 109.

З

Засулич. В. 10, 14, 56, 96, 114.
Зволянский, С. 27, 51.
Зиммель, Г. 29.
Золя, Э. 110.

И

Ибсен, Г. 116, 117.
Иванов-Разумник, Р. 89.
Изгоев, А. 94,, 95, 97, 125.
Ильин, В. см. Ленин, В.
Ионов, В. 29, 31, 62, 74, 81, 98.
Исаев, А. 28.

К

К. см. Демьянов, А.
К. Г. см. Богучарский, В.
Каблуков, Н. 69, 72, 73, 75, 91, 92.
Калмыкова, А. 10, 23, 29, 30, 31, 51. 57, 58. 59, 82, 118, 141.
Каменецкая, Е. 133.
Каменский, И. см. Плеханов, Г.
Кант, И. 54, 100.
Карелин, Н. см. Засулич, В.
Карпо 54.
Каронин-Петропавловский, Н. 7.
Каррик, В. 27.
Карышев, Н. 8.
Катков, М. 90.
Каутский, К. 19, 48, 68, 69, 70. 71, 72. 94, 98, 110, 113, 137, 138, 139.
Келин, Н 93, 137.
Килланд, А. 56, 119.
Кириллов, Л. 29 31.
Кистяковский, Б. 29, 31.
Клейнборт, Л. 21, 22, 36.
Коган, П. 22.
Коленко 46,
Колтоновский, А. 40, 93, 133, 134.
Коринфский, А. 137.
Короленко, В. 95.
Котельников. А. 72.
Кранихфельд, В. 22, 23.
Крестовская, М. 31.
Крживицкий, Л. 31.
Кривенко, С. 8, 10. 76, 108.
К—р—ий, А. см. Потресов, А.
Крупская, Н. 23, 88.
Кудрявский, Д. 31, 85.
Куно, Г. 85.
Кучинский, 95.

Л

Лассаль, Ф. 93, 128.
Ленин, В. 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 17. 18, 19, 20, 27, 31, 33, 43, 48. 57, 58, 62, 63, 64, 65, 69, 70. 71, 72, 75. 76. 85, 86, 87, 88, 93, 96, 97, 98, 99, 113, 130, 137, 138, 139, 140.

Ленский 56.
Ленцевич, А. 93.
Лен-Пуль. С. 139.
Леткова, Е. 31.
Лосицкий, А. 29, 31.
Луговой (Тихонов), А. 31, 51, 58, 59, 102, 103, 117, 118, 141.
Ляр 67.

М

Майнов-Саратовец, И. 22.
Максимов, Д. 40.
Малаховский, В. 15.
Малиновский, 22.
Мануйлов 26.
Маркс Дж. 94.
Маркс, К. 7, 13, 15, 18, 19, 71, 75, 79 94, 12[illegible], 128, 129, 136.
Мартов-Цедербаум, Ю. 8, 9, 10, 14, 15, 87, 140, 141.
Мартынов, А. 136.
Маслов, П. 9, 10, 29, 31, 62, 74, 77, 80, 81, 83, 84, [illegible]7, 97, 99, 140.
Мельшин см. Якубович, П
Меньшиков, М. 84, 89, 96, 106, 107.
Мережковский, Д. 31, 40, 56, 91, 93, 102, 103, 105, 106, 111, 112, 114, 117, 125, 141.
Меринг Ф. 110.
Метерлинк, М. 110, 111, 113, 116.
Мещерский, 89, 91.
Миклашевский, М. см. Неведомский.
Мильеран 19.
Минский (Виленкин), Н. 104.
Михайловский, В. 29, 31.
Михайловский, Н. 7, 8, 28, 57, 62, 73, 83, 95, 111, 113, 120, 121, 132, 140.
Могилянский, М. 133, 134.
Мопассан, Г. де 133.
Муравьев, Н. 31.
Мюллер 53.
Мякотин 72, 73.

Н

NN 39, 82.
Надсон, С. 44, 104.
Неведомский, М. 30, 54 113, 1[illegible]4, 120.
Невский 9, [illegible]8, 79, 80, 135.
Негри, А 82.
Незнакомец см. Суворин, А.
Некрасов, Н. 107.
Nemo см. Булгаков, С.
Николаевский Б. 99.
Николай II. 59.
Николай—он см. Даниельсон Н.
Николини, Ч. 104.
Никонов. А. 31, 51.
Нитцше. Ф. 90, 111, 112, 122,.
Нотович 114.
Novus см. Струве, П.

О

Оболенский, В. 31.
Оболенский, Л. 10.
Овсянико Куликовский, Д. 31, 102, 122.
Озеров, И. 31.
Ольденбург, С. 29, 31, 93, 119, 139.
Ольминский, М. 104.
Орлов 55.
Орловский, П. см. Воровский, В.
Острогорский, В. 141.
Охотников 55.

П

Парвус см. Гельфанд.
Пафнутьев, С. 39.
Перцов, П. 40.
Петровский, А. 133, 135.
Пешехонов, А. 31.
Плеве, В. 40.
Плеханова, Р. 6, 99.
Плеханов, Г. 8, 9, 10, 14, 15, 19, 28, 31, 42, 43, 48, 56, 57, 96, 99, 103, 114, 117, 132, 136, 137, 141.
Плещеев, А. 104, 119.
Поленц, В. 56, 102, 109, 110, 133.
Полянский (Лебедев), В. 142.
Помпонацци 47.
Попова, О. 31, 36, 44, 86, 96, 139.
Португалов, В. 31.
Поссе, В. 23, 31, 32, 121, 140, 141.
Потресов, А. 9, 14, 15, 29, 35, 36, 43, 44, 57, 62, 63, 65, 66, 69, 70, 72, 84 85, 86, 96, 97.
Протопопов 121.
Пругавин, А. 96.
П. С. см. Струве, П
Пушкин, А. 54, 55, 56.

Р

Р. А. 82.
Радищев, А. 54.
Рачев ий 55.
Ратаев 27.
Ратнер, С. 118.
Р. Н.. см. Богучарский.
Розанов, В. 89, 90, 91, 98, 125.
Рубакин, Н. 31, 48, 107, [illegible]08, 109, 136.
Румянцев, П. 75.
Руссо, Ж. Ж. 56, 96.
Рязанов (Гольдендах), Д. 94.

С

Салтыков-Щедрин, М. 7.
Санин, А. 31, 77, [illegible]8, 81.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

Сатурин, Д. 57, 82.
С—в см. Богучарский, В.
Сверчков, Д. 22, 23.
Семенов, П. 94, 95.
Сементковский, Р. 36, 37, 103, 10[illegible], 107, 108, 109.
Сергей Александрович, в. кн. 33.
Серошевский, В. 31, 119.
Скалдин (Еленев), Ф. 64, 65.
Скворцов, П. 43.
Скептик см. Воден, А.
Скороходов, И. 43, 59.
Слепцова, М. 140.
Слонимский, Л. 72, 73.
Смирнов, Е. 94.
Соболев М. 140.
Соколов, М. 37, 40, 43, 52.
Соловьева-Allegro, П. 102, 135.
Соловьев, М. 42, 56, 60.
Спенсер, Г. 95.
С., П. см. Струве, П.
Старовер см. Потресов, А.
Стасов, В. 114.
Стеклов, Ю. 123.
Степной 40.
Ст—ий, П. 76, 79, 84.
Струве, П. 8, 9, 10, 11, 16, 17, 19, 23, 25, 28, 29, 30, 31, 32, 39, 43, 56, 57, 62, 66, 69, 71, 74, 80, 81, 84, 85, 86, 88, 89, 90, 96, 97, 98, 99, 103, 111, 112, 113, 117, 123, 125, 126, 127, 128, 138, 139.
Суворин, А. 24, 25, 55, 88, 89.
Сулковский, М. 12.

Т

Тан (Богораз), В. 30, 40, 41, 48, 55, 56, 102, 103, 104, 105, 119, 133, 134.
Тарле, Е. 31, 47, 139.
Теплов, П. 31, 40.
Т—ин, К. см. Ленин, В.
Толстой, Д. 46.
Толстой, Л. 109.
Топоркова, Ю. 133
Тотомианц, В. 31, 57, 82, 83.
Транк, А. 79.
Троцкий (Бронштейн), Л. 18, 122, 123, 131.
Трусевич, М. 26.
Туган-Барановский, М. 8, 9, 23, 28, 29, 30, 31, 32, 56, 62, 69, 72, 73, 74, 87, 91, 92, 93, 96, 98, 111, 140.
Тулин, К. см. Ленин, В.

У

Ульянова, М. А. 58, 87.
Ульянова, М. И. 23.
Уитмен, У. 41, 134.
Успенский, Г. 37, 77, 95, 115, 132.
Устинов, Е. 37, 38, 42, 47, 88.

Ф

Федоров 137.
Фейербах, Л. 128.
Филиппов, М. 57, 78.
Философов, Д. 125.
Фомин, А. 5.
Форстен, Г. 139.
Фофанов К. 137.
Франк, С. 31, 96, 140.
Франс, А. 29, 119.
Франг см. Гурович, М.
Фридман 56.
Фриче, В. 127.

Х

Харьковцев см. Гурович, М.
Х., N см. Богучарский, В.
Ходкевич, Н. см. Плеханов, Г.
Ходский, Л. 96.

Ч

Чернов, В. 46, 82.
Чернышевский, Н. 62, 64, 127, 128, 137.
Чепинская, М. 119.
Чехов, А. 31, 32.
Чириков, Е. 30, 31, 32, 102.
Чупров 92.

Ш

Шарапов, С. 67, 73.
Шаховский, Н. 35.
Шелгунов, Н. 7, 132.
Шеллер-Михайлов, А. 76.
Шмидт, К. 73.
Шумиловский, Л. 133, 135.

Э

Энгельгардт, Н. 62, 72.
Энгельс, Ф. 13, 18, 38, 64, 73, 132.

Ю

Южаков, С. 8, 9, 62, 108.
Юркевич 128.

Я

Якубович, П. 45, 62, 104, 105, 119, 140.
Якушкин 55.
Ян-Рубан, А. 93.
Я., П. см. Якубович, П.
Яроцкий, А. 95, 97.
Ярошенко, Н. 113, 114, 120.
Яхонтов, С. 103.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов 5

Введение 7

Глава I 21

Глава II 33

Глава III 62

Глава IV 102

Глава V 132

Литература 142

Указатель имен 13

4 р.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1. Правлению Издательства политкаторжан — Москва, ГСП, 10, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73 и 1-31-26
2. Магазину Издательства политкаторжан — Москва, Центр Петровка, 7; тел. 4-18-12 и 3-63-20.